

МОСКОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ

№1 (37) 2015

ДЕПАРТАМЕНТ
КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ
ГОРОДА МОСКВЫ

МОСКВА ПОСОЛЬСКАЯ

ШЕДЕВР ФРАНЦУЗСКИЙ СТИЛЬ МОСКОВСКОГО АРХИТЕКТОРА / 38

ЛИЧНОЕ ИТАЛЬЯНСКИЙ ОСТРОВ БЕРГОВ / 54

АРХИВ ЖУРНАЛЫ ПРОШЛОГО ВЕКА О БУДУЩИХ ПАМЯТНИКАХ / 20

Распространяется бесплатно

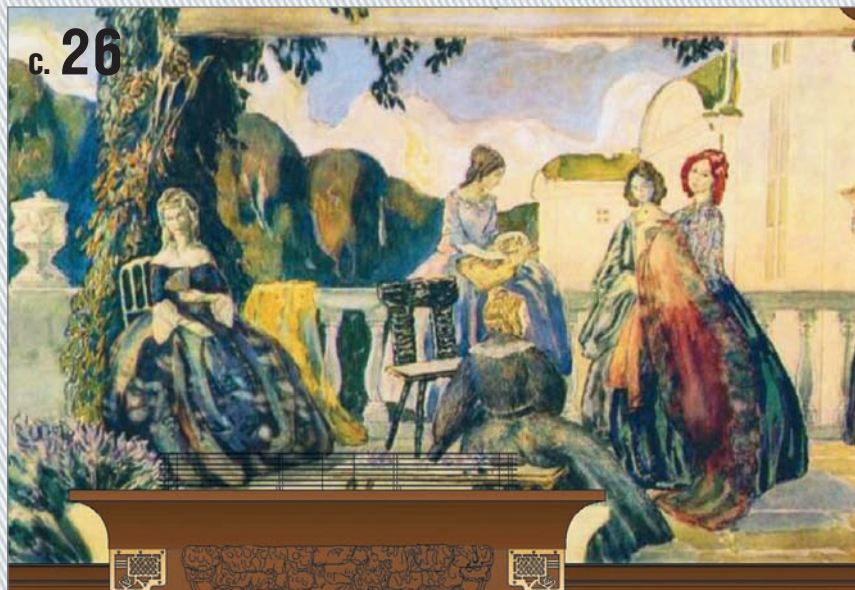

4/ АРХОБЗОР**Дипломатический иммунитет***Посольская «недвижимость» относится сегодня к числу наиболее сохранных архитектурных свидетельств прошлого***16/ ПОСОЛЬСКИЕ ОСОБНЯКИ НА КАРТЕ ГОРОДА****20/ АРХИВ****От хвалы до хулы — пара страниц***Что писали дореволюционные архитектурные издания о будущих объектах культурного наследия***26/ КОНКУРСУ «МОСКОВСКАЯ РЕСТАВРАЦИЯ» — 5 ЛЕТ****АрхиРеставратор***Два творческих начала одного профессионального успеха***38/ ШЕДЕВР****Французский стиль московского архитектора***В «Путеводителе по Москве», выпущенном в 1913 году для участников V съезда русских зодчих, дом-студия Сергея Соловьева был назван одним из самых значимых приобретений современной архитектуры***46/ ГОРОДСКОЙ ГЕШТАЛТ****Приключения одной идеи***Посольские особняки на Поварской улице работы Льва Кекушева — только часть «коммерческого замысла» предпринимателя Якова Рёкка***54/ ЛИЧНОЕ****Итальянский остров Берга***Семейная история***60/ МОСКОВСКИЙ ДОМ****Всеми голова***В здании Представительства ООН в России когда-то жил самый знаменитый московский градоначальник: Николай Алексеев*

с. 4

с. 26

с. 38

64/ Несладкая жизнь сахарных магнатов

*Особняк на Софийской набережной —
самая красивая британская
резиденция в мире*

70/ ЗОДЧИЙ

Никита Лазарев.
Архитектор и инженер

80/ ОТРАЖЕНИЕ

*«Избушка непотребной архитектуры»
Современное Посольство Уругвая
располагается в доме,
который Федор Шехтель
построил для своей семьи*

88/ ГОРОДСКОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО

*Ларчик просто открывается
Легенды и были знаменитого
дома Игумнова*

94/ КОНТЕКСТ

«В пользу нации своей»

Армянский переулок — Лазаревский институт — Посольство Армении: неслучайная связь

100/ ПАМЯТЬ МЕСТА

Дворовая жизнь

Память о пребывании в средневековой Москве иностранных послов и торговцев осталась в названиях столичных улиц

106/ Посольский обычай

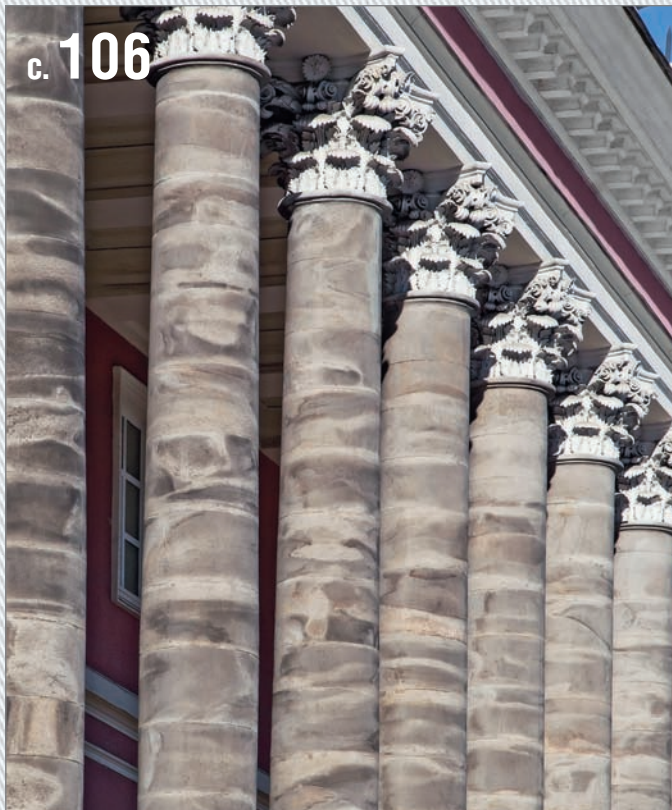
в Москве Петра Великого

Новая дипломатия освоила в Первопрестольной новые адреса

117/ ПУТЕВОДИТЕЛЬ «МН» ПО ПЕШЕХОДНЫМ УЛИЦАМ ГОРОДА

Экскурсия по Петровке

с президентом Союза московских архитекторов Николаем Шумаковым

Учредитель

Департамент культурного наследия города Москвы

Руководитель проекта

Александр Кибовский

Куратор проекта

Марина Ляпина

Объединенная редакция изданий

Мэра и Правительства Москвы

Руководитель Объединенной редакции

Евгения Ефимова

Генеральный директор Объединенной редакции

Эдуард Жигайлов

Редакция журнала «Московское Наследие»

Главный редактор

Татьяна Садковская
(stn@mospress.com)

Заместитель главного редактора

Алла Бурцева

Заместитель главного редактора

Ирина Пугачева

Главный художник

Алексей Раснюк

Верстка

Ольга Кудряшова

Фотограф

Олег Паршин

Цветокорректор

Мария Наumenко

Корректор

Ирина Кондратьева

Научный руководитель номера

Кандидат искусствоведения

Илья Печёнкин

Координатор проекта

Наталья Калинкина

Адрес редакции:

123995, Москва, ул. 1905 года, д. 7,
Объединенная редакция изданий Мэра
и Правительства Москвы

Телефон редакции: (495) 357-20-10

Отпечатано:

ООО «Первый полиграфический комбинат»
Адрес: 143405, Московская обл., Красногорский район,
п/о Красногорск-5, Ильинское ш., 4-й км.

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связей,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-50269 от 14 июня 2012 года

Тираж 30 тыс. экз.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ИММУНИТЕТ

ПОСОЛЬСКАЯ «НЕДВИЖИМОСТЬ» ОТНОСИТСЯ СЕГОДНЯ К ЧИСЛУ
НАИБОЛЕЕ СОХРАННЫХ АРХИТЕКТУРНЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВ ПРОШЛОГО

Словосочетание «старая Москва» чаще всего ассоциируется с совершенно конкретным пластом архитектурной истории города, вызывая в памяти определенные образы: тихий переулок вдали от оживленных магистралей, тенистый палисадник за аутентичной оградой, невысокий фасад особняка с изысканной обработкой в духе эклектики или модерна. Неизменными дополнениями к этой «идиллии» будут, впрочем, табличка с надписью на нескольких языках при входе, развевающийся флаг иностранного государства и прозаическая будка постового у ворот. Действительно, именно дипломатические резиденции являют собой в современной Москве, пожалуй, наиболее сохранные памятники архитектуры.

Миссия выполнима

Первым случаем передачи в пользование иностранных дипломатов казенной недвижимости считается водворение в 1556 году английских купцов в бывших палатах Ивана Бобрищева. Во время посольских миссий здесь, на Старом английском дворе (ул. Варварка, 4), останавливались и дипломаты с Туманного Альбиона.

В XVI веке в Европе наряду с привычными чрезвычайными посольствами складывается институт постоянных дипломатических представителей, но на Московию эта практика не распространялась. Отношение к чужеземцам было сложное, что подтверждает описанный некоторыми из них своеобразный ритуал приема москвитями иностранных послов, в котором хлебосольство (ступив на русскую землю, они на протяжении всего пути к Москве получали снабжение за казенный счет) сочеталось с жестким контролем за действиями и перемещениями гостей. Препровожденные в русскую столицу иностранцы останавливались на Посольском дворе в Китай-городе, где к ним под предлогом обеспечения их собственной безопасности приставлялась многочисленная стража.

Активизация контактов с иностранными государствами в годы правления Петра I, конечно, сказалась и в дипломатической сфере. Царь-преобразователь энергично использовал своих агентов и комиссионеров для добывания информации и попыток влиять на политику европейских держав. При дворе российского государя также находились иностранные посланники. Однако с переносом столицы на берега Невы Москва в статусе «порфиноносной вдовы» очутилась в стороне от важных государственных дел, хотя иностранные путешественники неизменно стремились в нее, дабы почувствовать специфический русский колорит, неуловимый в придворном Петербурге. Так, австрийский фельдмаршал и дипломат времен Екатерины II Шарль де Линь характеризовал Первопрестольную как уютную обитель «знатных господ... которые, наскучив Двором, приезжа-

Дом П.А. Румянцева (Посольство Республики Беларусь).

Ул. Маросейка, 17/6; 1780-е гг., перестройка 1880-е гг.

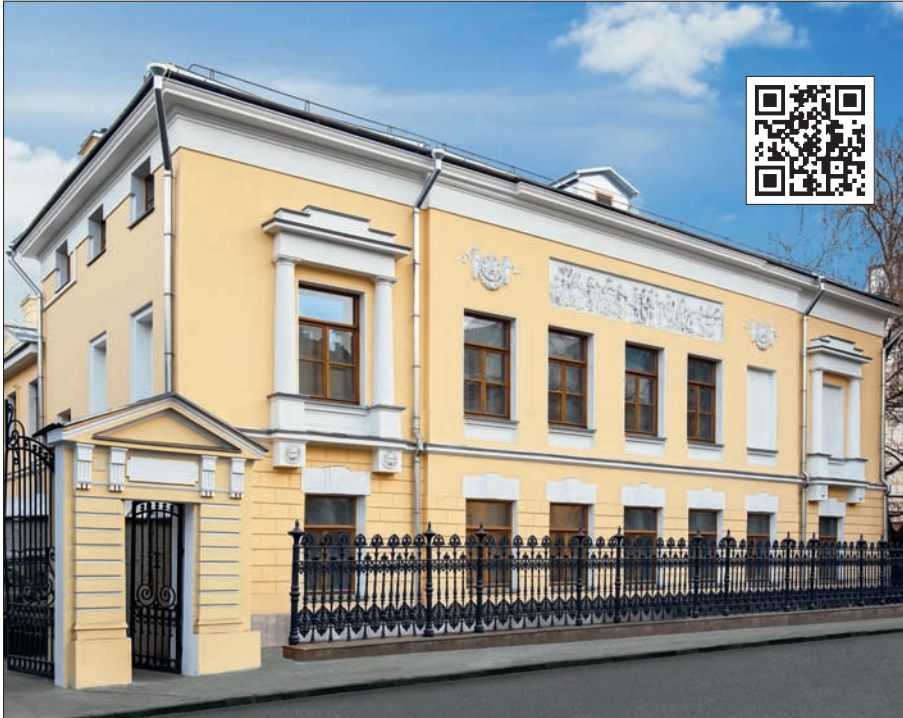
Арх. В.И. Баженов (?), М.Ф. Казаков (парадный зал, 1790-е?), Г.А. Кайзер (1880-е гг.)

Усадьба Лазаревых (Посольство Республики Армения).

Армянский пер., 2, 2/6. Главный дом – 1816–1823 гг.; рекреационный и гимназический залы, библиотека и больница – 1890 г.

Главный дом городской усадьбы князей Мещерских, Е.А. Волковой, Н.В. Сорокоумовской (Посольство Греческой Республики).
Леонтьевский пер., 4; 1760-е гг., 1823 г., 1880-е гг.
Арх. А.Г. Григорьев (1823), А.С. Каминский (1880-е)

Главный дом городской усадьбы (Посольство Аргентинской Республики)
Ул. Большая Ордынка, 72
1827–1833 гг., 2-я пол. XIX века

ют сюда за тем, чтобы свободно жить и говорить».

Современная страница истории Москвы «посольской» начинается в 1918 году, когда по прибытии сюда из Петрограда большевистского правительства возникла необходимость и в размещении представителей международного коммунистического движения. По мере установления дипломатических отношений между Советской Россией и иностранными государствами состав иностранцев, прибывавших в Москву на длительный период, увеличивался. Первоначально они обживали respectable московские гостиницы – «Метрополь», «Националь», «Савой» и другие. 24 августа 1921 года постановлением Совнаркома было учреждено Бюро по обслуживанию иностранцев («Бюробин»). В 1947 году оно преобразовано в Управление по обслуживанию дипломатического корпуса МИД СССР (УПДК), в 1988-м – в Главное производственно-коммерческое управление по обслуживанию дипломатического корпуса при МИД СССР, а затем при МИД России (ГлавУпДК).

С 1920-х годов для нужд дипломатического корпуса стали использовать национализированные особняки и городские усадьбы. Следует заметить, что практика размещения посольских миссий в городских особняках была характерна и для императорского Петербурга, с той, правда, разницей, что иностранные посольства арендовали здания у их частных владельцев. Объяснить такой выбор несложно: частные дома, возведенные для состоятельных заказчиков, были наиболее комфортной по меркам того времени недвижимостью.

«Строения всех цветов и зодчеств...»

Строка из «Очерков Москвы» князя Петра Вяземского емко (хотя, понятно, не без преувеличения) описывает своеобразную пестроту современной ему московской архитектуры. Начиная с XVIII века здесь появляются выстроенные на европейский манер дворцы новой элиты, возвращенной

реформами Петра I. В современной Москве осталось, увы, совсем немного архитектурных свидетельств частного домостроения той эпохи. «Гроза 12-го года» разделила строительную историю Первопрестольной на «до» и «после» разрушительного пожара. Кроме того, почти ни одно из уцелевших «допожарных» зданий Москвы не избежало перестроек и перепланировок в последующем времени.

Поэтому понятие московского особняка включает в себя почти исключительно памятники XIX столетия – периода, когда динамичные перемены в общественно-экономической жизни сопровождались столь же волнующими метаморфозами в области вкуса и стилистической моды. Ампир, эклектика, модерн, неоклассика – в такой последовательности сменяли друг друга архитектурные «тренды» столетия.

«Угодно – вот вам пять аршин греческого «классицизма», а нет – вот три с четвертью итальянского «ренессанса»... хорошенький ломтик «романского», шесть золотников «готики», а то – вот целый пуд «русского», – бичевал сервильность современных ему зодчих-эклектиков критик Владимир Стасов. В ставшей на путь капиталистических отношений России специальность архитектора действительно была неразрывно связана с миром денег. Но равнодушные дельцы-копировщики с модных увражей в стане архитекторов – это еще полбеды. В Москве 1860-х годов имели место случаи, когда отделка фасада вновь построенного здания полностью отдавалась на откуп предприимчивым лепщикам и даже «комнатным живописцам» (так именовались тогда специалисты по росписи интерьеров). Тем не менее пореформенная эпоха (в особенности конец 1880-х – середина 1910-х годов) запечатлела себя в московской архитектуре значительным количеством запоминающихся и ценных с художественной точки зрения творений. Принципиальную роль приобрело понимание частного жилища как статусного атрибута, в некотором роде портрета его владельца. Мрачноватая загадочность неоготи-

Особняк А.В. Лопатиной (Посольство Бразилии); ул. Б. Никитская, 54; 1875 г.
Арх. А.С. Каминский

Городская усадьба П.А. и Н.П. Павловых – «Товарищества мануфактур, основанных И.И. Скворцовым» (Посольство Габонской Республики).
Денежный пер., 16/4; 1899–1900 гг., 1905 г. Арх. К.В. Трейман (1899–1900), С.Д. Кучинский (1905)

Особняк С.Т. Морозова (Дом приемов МИД России).
Ул. Спиридоновка, 17; 1893–1898 гг. Арх. Ф.О. Шехтель

Особняк К.А. Гутхейля (Посольство Королевства Марокко).
Пречистенский пер., 8, стр. 1, 2; 1902–1903 гг. Арх. В.Ф. Валькот

ки, эпатажирующая нарядность русского стиля, претенциозная изысканность модерна и ретроспективная монументальность неоклассики, – все они были призваны эстетически облекать непривычную для России идею личного успеха и богатства, которые не связаны с сословной принадлежностью.

Ощущая себя новой элитой, русские нувориши пореформенных десятилетий стремились воспроизводить модели поведения и вкусы родовой аристократии. Даже в их увлечении стилистикой «а ля рюс» в 1870–1890-х годах едва ли правильно видеть некий пережиток происхождения: в это время мода на «русское» охватила и высшие слои общества, включая Двор. Разве что «бесстыдный стиль модерн» (как его определил В. Брюсов), ненадолго полюбившийся вчерашним купцам и с высокомерной иронией воспринимавшийся представителями благородного сословия, мог бы расцениваться как символ действительно новых культурных запросов буржуазии. Но очарование модерна было недолгим. На рубеже 1900–1910-х годов ностальгия по усадебной России оказалась сильнее грез о будущем. Казалось, непримиримо разные прототипы чеховских Лопухиных и Раневских знаменательно сошлись в архитектурных вкусах. И вскоре удостоились одинаково печальной судьбы.

«Бывшие» в новой Москве

«Великолепные дома вокруг нас (на Поварской) реквизируются один за одним, – записывал в 1918 году Иван Бунин. – Из них вывозят и вывозят куда-то мебель, ковры, картины, цветы, растения... И все привозят, внедряют в эти дома, долженствующие быть какими-то «правительственными учреждениями», мебель новую, конторскую...». Под лозунгом «экспроприации экспроприаторов» роскошные жилища московских промышленников, банкиров и аристократов переходили в распоряжение новых властей и передавались в пользование иностранным дипломатическим представительствам.

В распределении бывших «господских» особняков и доходных домов между иностранными дипломатическими миссиями, по-видимому, на первое место ставились практические соображения: какой-либо связи между архитектурно-художественным обликом дома и культурными традициями стран, чьи представительства его ныне арендуют, усмотреть нельзя. Это так же справедливо, как и то, что сохранностью и ухоженностью этих зданий мы обязаны главным образом их послереволюционной функции. Недвижимость, сдаваемая в аренду иностранным дипломатам, выполняла роль внешней «витрины» советского государства. Поэтому сносы, реконструкции, равно как и бытовой вандализм, к счастью, обошли эти памятники стороной.

Наибольшая концентрация «посольских» особняков закономерно наблюдается в районе Арбата, Пречистенки и Спиридоновки, которые изначально предпочитали в качестве места проживания обеспеченные домовладельцы. Впрочем, некоторые дипломатические представительства располагаются в других частях исторической Москвы.

Редким примером «посольского» здания, архитектура которого в основе своей восходит ко II половине XVIII века, является дом на Маросейке, некогда принадлежавший виднейшему государственному деятелю и полководцу Петру Румянцеву-Задунайскому (1725–1796). В настоящее время лицевой корпус усадьбы, занимаемой дипломатическим представителем Республики Беларусь, способен восхитить обильностью лепного убранства, напоминающего барочные дворцы времен императрицы Елизаветы Петровны. Однако в действительности это ретроспективная стилизация. В 1860–1880-х годах домовладение подверглось серьезной перестройке, мотив которой был продиктован желанием владельцев превратить свою дорогостоящую недвижимость в средство извлечения дохода. Именно тогда появились неobarочный декор лицевого здания и трехэтажный корпус по Армянскому

Доходный дом (Посольство Республики Азербайджан)
Леонтьевский пер., 16; нач. XIX в., 1874 г., 1905 г.;

Доходный дом Н.Д. Ижболдина (Посольство Республики Киргизия)
Ул. Б. Ордынка, 64; 1911 гг. Арх. Н.Г. Лазарев

Детский сиротский приют им. Н.С. Мазурина (Посольство Социалистической Республики Вьетнам). Ул. Б. Пироговская, 13; 1892–1895 гг. Арх. И.А. Иванов-Шиц

Особняк Н.И. Миндовского (Посольство Австрии). Пречистенский пер., 6/1; 1906 г., 1927–1928 гг. Арх. Н.Г. Лазарев

переулку, предназначенный для сдачи внаймы квартирантам. Сегодня здесь размещается функционирующая при посольстве гостиница «Полесье».

Неподалеку (Армянский переулоч, д. 2) – Посольство Республики Армения. Усадьба, выстроенная в начале XIX века на участке, с 1758 года принадлежавшем старейшему в Москве армянскому роду Лазаревых (Егизарянов), воплощает композиционную схему, характерную для классицизма: главный корпус, поставленный с глубоким отступом от красной линии переулоч, симметрично фланкирован двумя флигелями, в результате чего образуется парадный двор-курдонер. В обработке фасада главного корпуса, акцентированного шестиколонным ионическим портиком, видную роль играют палладианские мотивы, напоминающие о виллах венецианской Террафермы. Однако усадебной жизни в традиционном понимании здесь никогда не было: здание изначально возведено для Армянского училища, которое в 1839 году было приравнено в своем статусе к Петербургскому Горному институту и Императорской Академии художеств.

Вообще классицистических зданий среди «посольских» резиденций явное меньшинство. Здесь стоит упомянуть бывшую усадьбу князей Мещерских в Леонтьевском переулочке, в главном корпусе которой, выстроенном в 1817–1823 годах, располагается Посольство Греции. В качестве еще одного примера можно обратить внимание на дипломатическое представительство Аргентинской Республики на Большой Ордынке. В этот небольшой, но опрятный особнячок, выстроенный в 1820-х годах для купчихи Н. Лобановой в формах ампира, посольство переехало не так давно из гораздо более известного и яркого в художественном смысле бывшего дома О. Листа в Глазовском переулочке (арх. Л. Кекушев, 1898–1899). В свою очередь, особняк на Большой Ордынке прежде был занят ныне упраздненным Посольством Руанды. Фасады нового аргентинского представительства несут в своем облике черты эклектики,

поскольку в середине XIX века новые владельцы пожелали придать им более «своевременный» вид.

Теремок по-французски и Вашингтон за углом

Здания, выстроенные в разнообразных версиях эклектики, составляют основу фонда «посольской» недвижимости. Безусловно, подлинной его «жемчужиной» была и остается резиденция официального и полномочного посла Французской Республики – особняк Игумнова на Большой Якиманке. Недавнему выпускнику Императорской Академии художеств и городскому архитектору Ярославлю Н. Поздееву в лучшей своей постройке удалось свежо и нетривиально подойти к воплощению искомого многими в ту эпоху образа возрождающейся русской самобытности. Формы московско-ярославского узора, трактованные в духе преувеличенного декоративизма, рожают эффект сказочных палат, неожиданно восставших посреди современного города.

В похожем направлении двигалась творческая мысль А. Каминского, создавшего несколько ранее на Большой Никитской свой «теремок» – особняк А. Лопатиной (1875). Впрочем, фасад этого здания, ныне занимаемого дипломатической миссией Бразилии, задуман совсем иначе, нежели на Якиманке. Вместо живописно-асимметричной композиции, воспринимаемой как целый конгломерат разновеликих объемов, мы видим щедро орнаментированную плоскость фасада, почти лишенную рельефа.

Другие версии эклектики представлены зданиями дипломатических представительств Габона в Денежном переулке (арх. К. Трейман, 1899–1900) и Вьетнама на Большой Пироговской улице (арх. И. Иванов-Шиц, 1895). Несмотря на различие функций, для которых проектировались и строились эти здания (во втором из них изначально располагался детский приют Мазурина), стилистику их можно определить как неогрек. Для этого

направления характерна специфическая интерпретация античных архитектурных образов, предполагавшая не столько апелляцию к ордеру (превратившемуся к тому времени в некое «общее место» европейского зодчества), сколько интерес к орнаментальным традициям Древней Эллады. Неогрек черпал вдохновение не в величественности афинского Парфенона, но в камерном обаянии вилл и улочек погибшей Помпеи.

Тему антикизирующих стилизаций подхватывает здание Посольства Республики Кипр – бывший особняк

Е. Дункер – О. Цейтлина на Поварской. Основу дошедшей до нас постройки составляет деревянный объем 1860-х годов, который в 1890-х был дополнен по проекту архитектора И. Кузнецова каменным вестибюлем и левым крылом, где сегодня располагается рабочий кабинет посла. В результате еще нескольких перестроек начала XX века особняк приобрел вытянутую вдоль улицы многосоставную композицию, объединенную, пожалуй, лишь общей стилистикой декора.

Интересные с художественной точки зрения примеры классицизиру-

Посольство США на Новинском бульваре; 1941–1952 гг. Арх. Е. Стамо

ющего эклектизма демонстрируют также здания посольств Канады (арх. К. Гиппиус, 1898; Староконюшенный пер., 23) и Италии (арх. П. Бойцов и К. Дулин, 1897; Денежный пер., 5). В последнем случае, пожалуй, можно было бы говорить о счастливом соответствии неоренессансных форм бывшего особняка С. Берга его нынешнему «содержанию». Но какой из известных стилей не ведет своего родословия с Апеннинского полуострова?..

Впрочем, вот и заальпийская альтернатива всепроникающей и чарующей *italianita*. Известно, что Савва Морозов желал видеть в своем жилище архитектурное напоминание о молодых годах, проведенных в готических «декорациях» Кембриджа. Его величественный особняк на Спиридоновке (арх. Ф. Шехтель, 1893–1898) сегодня тоже на дипломатической службе – в качестве Дома приемов МИД России.

На тонкой грани, отделяющей историко-романтические стилизации на тему западного средневековья от индивидуалистического модерна, находят здания, в которых размещены Секция интересов Грузии при Посольстве Швейцарии в Малом Ржевском переулке (арх. С. Соловьев, 1901–1902) и Представительство Пакистана на Садовой-Кудринской улице (арх. К. Разумов, 1911). Характерный для обоих монументальный «готический» щипец в завершении фасада, вероятно, восходит к собственному дому Ф. Шехтеля в Ермолаевском переулке (1894–1896), где уже не первое десятилетие располагается Посольство Республики Уругвай.

Шедеврами московского модерна являются особняки посольств Новой Зеландии (арх. Л. Кекушев, 1903–1904; бывший дом И. Миндовского) и Королевства Марокко (арх. В. Валькотт, 1902–1903; бывший дом К. Гутхейля) все на той же Поварской. Не совсем обычно расположение Посольства Сирийской Республики в Мансуровском переулке. Оно занимает не особняк, а здание доходного дома П. Лоскова, выстроенного в стиле модерн в 1905–1906 годах архитектором А. Зеленко. В бывшем доходном доме эпохи модерна располагается и Посольство Азербайджанской Республики в Леонтьевском переулке. Здание с богатой строительной историей было надстроено в 1870-х годах, а в 1905 году получило изящный фасад в формах «нового стиля».

Композиционная и планировочная структура многоквартирного доходного дома вполне сложилась уже к концу XIX столетия, поэтому дальнейшая эволюция данного типа здания сводилась главным образом к перемене стилистических характеристик фасадного оформления. Как уже было сказано, модерн довольно скоро уступил место в строительной практике неоклассицизму, оказавшемуся понятнее, удобнее и роднее для отечественного архитектора и заказчика. Эффектным образцом московского доходного дома в неоклассике является здание Посольства Кыргызской Республики на Большой

Ордынке. Выстроенный в 1911 году по проекту Н. Лазарева для домовладельца Н. Ижболдина пятиэтажный корпус характеризуется отчетливым «итальянским» акцентом, на что указывают лоджия, обработанная аркадой, «флорентийские» окна-бифоре и тяжелый квадратный руст первого этажа, напоминающий палатцо раннего ренессанса.

Иную грань классики удалось раскрыть тому же архитектору в особняке Н. Миндовского в Мертвом (ныне Пречистенском) переулке, построенном в 1906 году. В невысоком неоампирном здании с выразительной угловой ротондой, с конца 1920-х располагались Посольство Австрии и другие дипломатические структуры.

Вариацией на ту же тему классического «дворянского гнезда» можно считать особняк оружейного магната Н. Второва на Спасопесковской площади, с 1933 года являющийся резиденцией посла США (арх. В. Адамович, В. Маят, 1913–1915). Выстроенный в годы патриотического подъема, связанного с празднованием 100-летия Отечественной войны и вылившегося в ретроспективную моду на «трофейный стиль ампир»,

Посольство Великобритании на Смоленской набережной 1997–2000 гг.; арх. бюро «Ahrends, Burton and Koralek»

дом этот рождает и другие ассоциации, хорошо гармонирующие с его нынешним статусом. Русский классицизм начала XIX столетия, как и его стилизации век спустя, – суть вариации космополитичного по своей природе новоевропейского палладианства, распространившегося в том числе и за океаном. Поэтому вполне закономерно, что колонная полуротонда, акцентирующая главный фасад бывшего второвского

особняка (имеющего теперь англоязычное наименование Spaso House), демонстрирует несомненное родство с палладианской полуротондой Белого дома в Вашингтоне (White House).

Футуристический постскрипtum

Дипломатические миссии, конечно же, размещаются не только в дорево-

ACTA DIURNA

АЛЕКСАНДР КИБОВСКИЙ:

ГлавУнДК – надежный партнер Мосгорнаследия

Главное управление дипломатического корпуса имеет свою реставрационную программу, которую оно успешно реализует. У нас с ГлавУнДК есть соответствующее соглашение: это – один из самых надежных наших партнеров. Управление отвечает за состояние и эксплуатацию более 150 старинных особняков, то есть большинства зданий, формирующих исторический облик столицы. Причем делает это без шести лет столетие. 24 августа 1921 года постановлением Совнаркома было учреждено Бюро по обслуживанию иностранцев («Бюробин»), которое потом

не раз меняло свое название. То, что многие национализированные особняки в 1920-е годы оказались в ведении этой структуры, их, без преувеличения, спасло, потому что судьба других объектов оказалась, в общем-то, печальной – коммуналки, различные совконторы со всеми вытекающими последствиями.

Если до наших дней в старинных московских домах сохранились подлинные интерьеры, то в основном в опекаемых ГлавУнДК особняках.

Только за последнее время по заказу управления отреставрировано 28 зданий и,

как говорит его начальник Владимир Иванович Пашко, в планах на ближайшую пятилетку – еще 20 особняков. Причем это всегда серьезные реставрационные работы – как те, что сейчас, например, заканчиваются на объекте культурного наследия «Главный дом городской усадьбы князей Мещерских (Е.А. Волковой)», в котором располагается Посольство Греции, или те, что начаты в особняке О.П. Коробковой (Посольство Танзании). Свою реставрационную программу ГлавУнДК не сокращает даже в нынешней непростой экономической ситуации, хотя, являясь ГУПом, эта

люционных зданиях. Это было бы попросту невозможно, ведь в современной Москве находятся посольства около сотни иностранных государств. Примером дипломатического представительства, занимающего здание «сталинской» постройки, служит Посольство США: этот многоэтажный дом на Новинском бульва-

ре возведен в 1941–1952 годах по проекту архитектора Е. Стамо. Наряду с лицевым корпусом домовладения посольство располагает еще и новым зданием в виде сурового модернистского параллелепипеда (1979–1986). В еще более смелом для Москвы стиле хай-тек выстроен комплекс Посольства Великобритании на Смо-

ленской набережной (арх. бюро «Ahrends, Burton and Koralek», 1997–2000), часто критикуемый с точки зрения его контекстуальной уместности. Но вполне возможно, что когда-нибудь и они станут памятниками, способными поведать нечто интересное о нашей современности.

организация сама зарабатывает деньги своей хозяйственной деятельностью, а не получает их из бюджета. При этом управление никогда не идет по простому пути, не экономит на реставрационных работах. Установка руководства ГлавУнДК – если беремся что-то делать, то делать следует по высшему разряду и на долгие годы. Мы абсолютно с ними в этом вопросе солидарны, такая позиция не может не вдохновлять наших реставраторов, которые работают с управлением. Хорошей иллюстрацией к нашему тесному сотрудни-

честву может послужить посещение отреставрированного дома великого полководца Суворова Министром иностранных дел России Сергеем Викторовичем Лавровым и мэром Москвы Сергеем Семеновичем Собяниным.

Из интервью «МН» руководителя Мосгорнаследия Александра Кибовского, которое он дал журналу за несколько дней до вступления в новую должность – руководителя Департамента культуры.

P.S.

Редакция поздравляет Александра Владимировича с высоким назначением и благодарит за интересную совместную работу над издательским проектом «Московское Наследие». Отметим, кстати, что в 2014 году журнал стал лауреатом премии Союза журналистов Москвы, а также получил диплом Союза архитекторов России в номинации «Периодическое издание».

5

Особняк К.А. Гутхейля. Пречистенский пер., 8, стр. 1, 2.
Резиденция посла Королевства Марокко

34

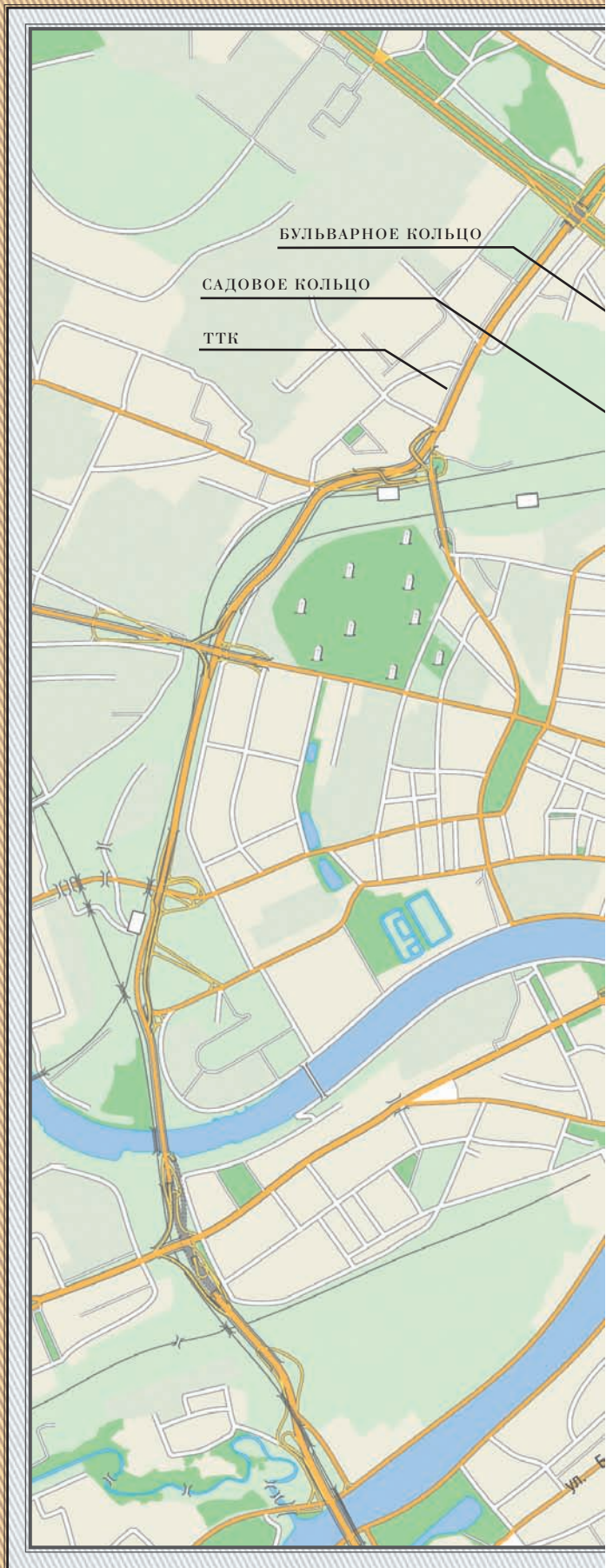

Дом И.Г. Наумова – А.С. Олениной – В.В. Думнова. Малый Кисловский пер., 5А.
Резиденция посла Швейцарии

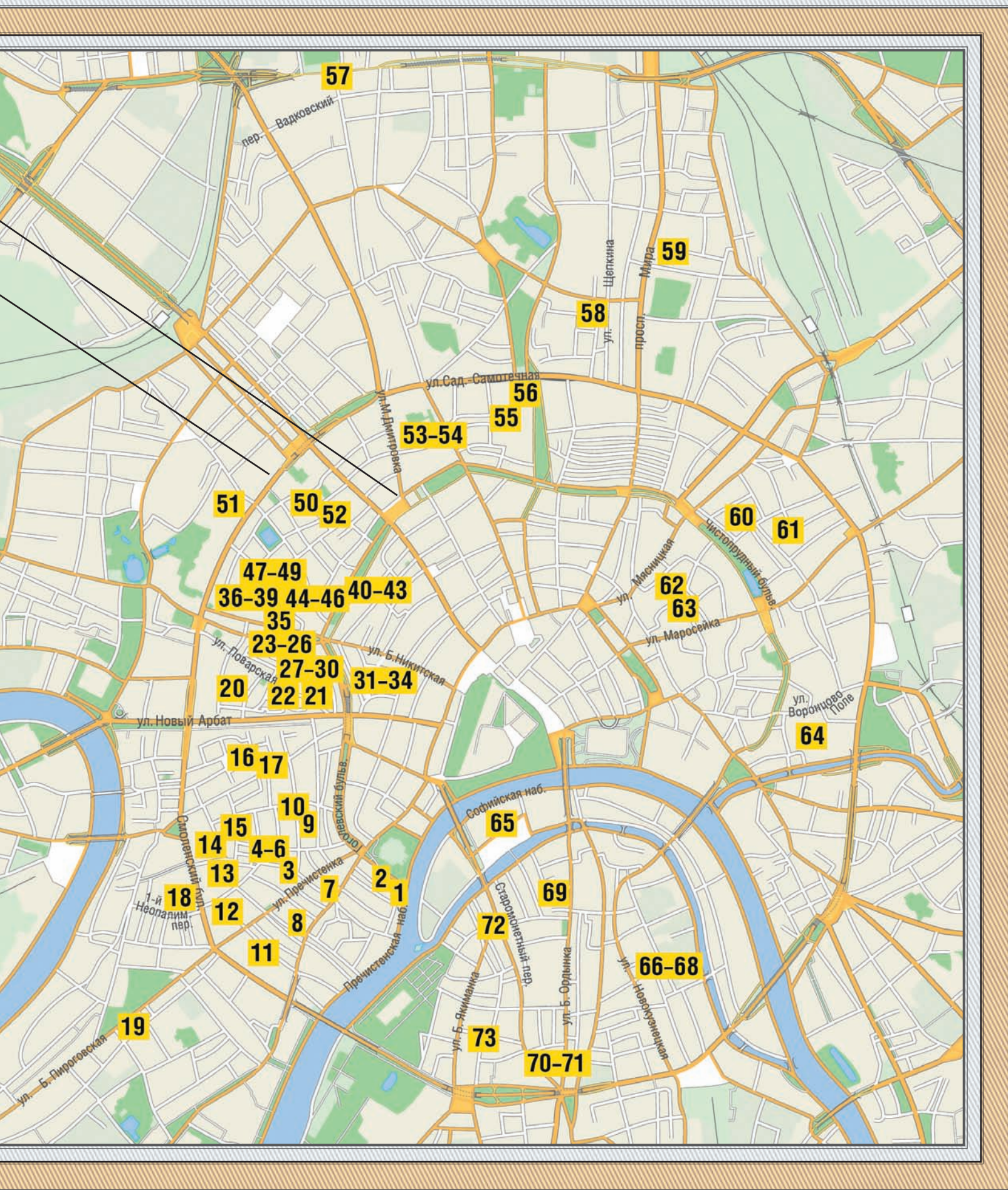
30

Дом А.Н. Верстовского. Хлебный пер., 28. Посольство Исландии

1. **Здание Цветковской галереи**, 1899–1901 гг., арх.-худ. В.М. Васнецов, арх. Л.Н. Кекушев (проект). Пречистенская наб., 29, стр. 1 / Представительство Французской Республики
2. **Жилой дом Перцовой**, 1906–1910 гг., инж. Н.К. Жуков, худ. С.В. Малютин. Курсовой пер., 1
3. **Жилой дом**, нач. XIX в., 1870-е гг., 1900-е гг., 1910. Пречистенка ул., 20 / Особняк ГлавУпДК при МИД России
4. **Особняк Н.И. Миндовского**, 1906 г., 1927–1928 гг., арх. Н.Г. Лазарев. Пречистенский пер., 6/1 / Резиденция посла Австрийской Республики
5. **Особняк К.А. Гутхейла со служебным флигелем и оградой**, 1902–1903 гг., арх. В.Ф. Валькот. Пречистенский пер., 8, стр. 1, 2 / Резиденция посла Королевства Марокко
6. **Городская усадьба М.К. Морозовой: Главный дом**, 1818 г., 1822 г., 1840-е гг., 1898 г., 1914 г. (перестройка), арх. И.В. Жолтовский. Пречистенский пер., 9 / Посольство Королевства Дания
7. **Жилой Дом**, 1876 г., арх. В.Н. Корнеев, 1911–1914 гг., арх. Н.Г. Лазарев. Лопухинский пер., 5, стр.1 / Посольство Республики Кения
8. **Доходный дом П.В. Лоськова**, 1905–1906 гг., арх. А.У. Зеленко. Мансуровский пер., 4 а / Посольство Сирийской Арабской Республики
9. **Городская усадьба А.И. Фонвизина – В.А. Еремеева / Доходный дом**, XVIII в., 1890, арх. В.Ф. Жигардлович. Староконюшенный пер., 16, стр. 1, 2 / Посольство Королевства Камбоджа
10. **Городская усадьба Н.И. Казакова**, 1898–1901 гг., арх. К.К. Гиппиус. Староконюшенный пер., 23 / Посольство Канады
11. **Особняк А.И. Дерожинской – Зиминной**, 1901–1902 гг., арх. Ф.О. Шехтель, при участии арх. А.А. Галецкого. Кропоткинский пер., 13 / Посольство Австралийского Союза
12. **Дом Кропоткина**, кон. XVIII – нач. XIX вв. Кропоткинский пер., 26 / Посольство Палестинской Национальной Администрации
13. **Особняк С.П. Берга**, 1897 г., арх. П.С. Бойцов, К.А. Дулин. Денежный пер., 5, стр. 1–7 / Посольство Итальянской Республики
14. **Особняк и доходный дом Г.Е. и А.Г. Бройдо – В.Я. Бурдакова**, 1910–1912 гг., арх. А.Н. Зелигсон. Денежный пер., 7, стр. 1 / Посольство Республики Чили
15. **Городская усадьба П.А. и Н.П. Павловых / «Товарищество мануфактур, основанных И.И. Скворцовым»**, 1899–1900 гг., арх. К.В. Трейман, 1905 г., арх. С.Д. Кучинский. Денежный пер., 16/4 / Посольство Габонской Республики
16. **Городская усадьба А.Г. Щепочкиной – Н.А. Львова: главный дом**, 1-я пол. XIX в., 1884 г., арх. В.П. Гаврилов. Спасопесковский пер., 8 / Резиденция посла Королевства Испания
17. **Особняк Второва со служебным флигелем и оградой**, 1914 г., арх. В.Д. Адамович, В.М. Маят. Спасопесковский пер., 10, стр. 2 / Резиденция Посла Соединенных Штатов Америки
18. **Дом И.А. Миндовского**, 1878 г., арх. А.А. Корш, 1906 г., арх. Н.Г. Лазарев, позднее здание было сильно перестроено. Неопалимовский 2-й пер., 14/7 / Посольство Федеративной Демократической Республики Непал
19. **Детский сиротский приют имени Н.С. Мазурина**, 1892–1895 гг., арх. И.А. Иванов-Шиц. Большая Пироговская ул., 13 / Посольство Социалистической Республики Вьетнам
20. **Доходный дом**, 1914 г., арх. М.А. Мухин. Борисоглебский пер., 11 / Посольство Монголии
21. **Городская усадьба Грачевых. Главный дом**, 1816 г., 1820–1822 гг., 1867–1869 гг., арх. П.П. Зыков, 1885–1887 гг., арх. Кайзер. Поварская ул., 7 / Посольство Королевства Норвегия
22. **Городская усадьба А.А. Казакова – Е.Д. Дункер – О.С. Цейтлина**, 1813 г., 1867 г., 1892 г., арх. И.С. Кузнецов, 1910 г., арх. К.Г. Дункер, А.Н. Зелигсон. Поварская ул., 9, стр. 1 / Посольство Республики Кипр
23. **Особняк князя А.Б. Голицына**, 1885–1888 гг., арх. А.Э. Эрихсон. Поварская ул., 40 / Посольство Республики Камерун
24. **Особняк М.Г. Понизовского**, 1903 г., арх. Л.Н. Кекушев, 1910 г., арх. В.И. Мотылев. Поварская ул., 42/1 / Посольство Исламской Республики Афганистан
25. **Особняк И.А. Миндовского с флигелем и оградой**, 1903–1904 гг., арх. Л.Н. Кекушев. Поварская ул., 44/2 / Посольство Новой Зеландии
26. **Городская усадьба Я.М. Шлосберга: Главный дом, службы, ограда с пилонами ворот**, 1910–1911 гг., гражд. инж. А.Н. Зелигсон. Поварская, 46, стр. 1–3 / Резиденция посла Федеративной Республики Германия
27. **Особняк В.Н. Грибова**, 1909 г., арх. А.Н. Милуков, Б.М. Великовский. Хлебный пер., 15 / Резиденция посла Королевства Бельгия
28. **Дом архитектора С.У. Соловьева**, 1901–1902, арх. С.У. Соловьев. Хлебный пер., 18/6 / Секция интересов Грузии при Посольстве Швейцарии
29. **Особняк И.И. Некрасова со служебным флигелем и оградой**, 1906 г., арх. Р.И. Клейн. Хлебный пер., 20/3 / Резиденция посла Республики Чили
30. **Дом А.Н. Верстовского**, 1815 г., 1887 г., 1891 г., 1909 г., арх. И.Н. Елагин (?), В.А. Мазырин, А.Н. Зелигсон. Хлебный пер., 28 / Посольство Исландии
31. **Городская усадьба Г.Н. Зарубина – С.С. Лепешкина – А.И. Сергеевой**, 1820-е гг., 1884 г., арх. А.С. Каминский, 1920-е гг. Калашный пер., 12 / Резиденция посла Японии
32. **Главный дом городской усадьбы В.В. Думнова – Н.Л. Маркова с оградой**, 1817 г., 1887 г., арх. А.М. Щеглов, 1896 г., арх. Н.Л. Марков, 1915–1916 гг., арх. В.М. Маят (интерьеры). Калашный пер., 6, стр. 1 / Посольство Королевства Нидерланды
33. **Особняк В.В. Думнова**, 1903 г., арх. А.М. Щеглов. Малый Кисловский пер., 5 / Посольство Эстонской Республики
34. **Дом И.Г. Наумова – А.С. Олениной – В.В. Думнова**, нач. XVIII в., 1816 г., 1894 г., арх. П.М. Самарин. Малый Кисловский пер., 5А/8 / Резиденция посла Швейцарской Конфедерации
35. **Особняк Н.А. Симонова – Е.К. Рукавишниковой**, 1802 г., после 1812 г., 1876 г., арх. А.С. Каминский. Большая Никитская ул., 41 / Посольство Союза Мьянма
36. **Особняк**, 1876 г., арх. К.И. Андреев. Большая Никитская ул., 50/8 / Посольство Королевства Испания
37. **Городская усадьба Н.И. Позднякова – С.В. Волковой – В.Н. Грибова**, 1806, 1834, 1860, 1875, нач. XX в., арх. П.А. Ушаков, Е.И. Зеленский. Большая Никитская ул., 51 / Посольство Объединенной Республики Танзания
38. **Особняк А.В. Лопатиной**, 1875 г., арх. А.С. Каминский. Большая Никитская ул., 54 / Посольство Федеративной Республики Бразилия

39. **Особняк Я.А. Рёкка – С.Д. Красильщиковой**, 1902–1903 гг., арх. Г.А. Гельрих, 1913 г., арх. И.В. Рыльский. Большая Никитская ул., 56 / Посольство Арабской Республики Египет
40. **Главный дом городской усадьбы князей Мещерских – Е.А. Волковой – Н.В. Сорокоумовской**, сер. XVIII в.; 1817–1823 гг., арх. А.Г. Григорьев, 1880-е гг., арх. А.С. Каминский. Леонтьевский пер., 4 / До реставрации Посольство Греческой Республики
41. **Дом городского главы Н.А. Алексеева**, 1910–1912 гг., арх. А.Н. Зелигсон. Денежный пер., 7, стр. 1 / Посольство Республики Чили
42. **Доходный дом /Антикварный магазин «Луксор»**, нач. XIX в.; 1874 г.; 1905 г. Леонтьевский пер., 16 / Посольство Азербайджанской Республики
43. **Дом И.А. Заборовой – графа А.С. Уварова**, сер. XVIII в.; 1-я треть XIX в., кон. XIX в., арх. К. М. Быковский, С. У. Соловьев, 1922 г., арх. В.М. Маят. Леонтьевский пер., 18 / Посольство Украины
44. **Городская усадьба Суворовых – Н.И. Баранова – Н.П. Гагман**, XVIII–XX вв., техн. арх. А.В. Красильников, инж.– арх. В.Г. Залесский. Малая Никитская ул., 13, стр. 1
45. **Особняк А.К. Ферстер – Михельсона**, 1899 г., арх. А.Э. Эрихсон. Малая Никитская ул., 18 / Посольство Лаосской Народно-Демократической Республики
46. **Особняк С.А. Тарасова**, 1884 г., 1911–1913 гг., арх. В.Н. Карнеев, А.Э. Эрихсон. Малая Никитская ул., 28/1 / Посольство Тунисской Республики
47. **Особняк Н.А. и К.А. Протопоповых – В.И. Рёкк**, 1899 г., арх. В.В. Шервуд, 1905 г., арх. В.Д. Адамович. Гранатный пер., 13 / Посольство Республики Таджикистан
48. **Собственный доходный дом архитектора П.С. Бойцова**, 1903 г., арх. П.С. Бойцов, А.В. Флодин. Спиридоновка ул., 14 / Генеральный консулат Греческой Республики
49. **Усадьба Морозова: главный дом, флигель**, 1893–1898 гг., арх. Ф.О. Шехтель. Спиридоновка ул., 17, стр. 1 / Дом приемов МИД России
50. **Городская усадьба Ф.О. Шехтеля**, 1894–1896 гг., арх. Ф.О. Шехтель. Ермолаевский пер., 28 / Резиденция посла Восточной Республики Уругвай
51. **Особняк А.В. Демидова**, 1911 г., арх. К.С. Разумов. Садовая-Кудринская ул., 17 / Посольство Исламской Республики Пакистан
52. **Особняк купца Г.И. Корякина**, 1904 г., арх. М.Е. Приемышев. Мамоновский пер., 3 / Посольство Иорданского Хашимитского Королевства
53. **Усадьба Алексеевых: Главный дом:** 1-я треть XIX века, 1870-е, 1890-е гг., арх. И.П. Залесский; флигель: 1-я треть XIX века, 1840-е гг., арх. Н.И. Козловский (?). Малая Дмитровка, 14, стр. 1,2 / Посольство Республики Словения
54. **Особняк Шимунека**, 1873 г., арх. М.И. Никифоров. Успенский пер., 7 / Посольство Республики Бенин
55. **Особняк А.И. Бородина**, 1908 г., арх. С.К. Родионов. Большой Каретный пер., 13 / Посольство Боливарианской Республики Венесуэла
56. **Особняк**, 1881 г., арх. М.Г. Пиотрович, В.А. Коссов. Садовая-Самотечная ул., 14, стр. 1 / Посольство Ливанской Республики
57. **Особняк А.В. Маркина (?)**, 1905 г., арх. П.В. Харко. Вадковский пер., 7/37 / Апостольская Нунциатура Ватикана
58. **Особняк Болотновых**, кон. 1890-х гг., арх. С.М. Гончаров. Щепкина ул., 24 / Посольство Демократической Социалистической Республики Шри-Ланка
59. **Особняк И.Д., Н.К., С.К. и А.К. Баевых**, 1910 г., арх. И.С. Кузнецов. Мира пр-т, 52 / Посольство Республики Замбия
60. **Жилой дом**, 1887 г., арх. А.И. Гаудринг, 1970. Чистопрудный б-р, 3а / Посольство Республики Казахстан
61. **Особняк Л.В. Готье-Дюфайе**, 1898 г., арх. Н.И. Якунин, 1914 г., арх. Д.С. Марков. Чаплыгина ул., 3 / Посольство Латвийской Республики
62. **Усадьба Лазаревых: главный дом**, 1816–1823 гг.; рекреационный и гимназический залы, библиотека и больница, 1890 г., арх. А.Ф. Мейснер. Армянский пер., 2 / Посольство Республики Армения
63. **Дом П.А. Румянцова**, 1780-е гг., арх. В.И. Баженов (?), 1790-е гг., М.Ф. Казаков (парадный зал), 1880-е гг., арх. Г.А. Кайзер. Маросейка ул., 17/6 / Посольство Республики Беларусь
64. **Усадьба Латышевых – Бахрушиных – Бардыгиных: главный дом**, до 1821 г., 1860, 1896, 1911 гг., арх. А.В. Иванов, К.К. Гиппиус, И.Т. Барютин; служебный корпус, 1-я треть XIX в., нач. XX в.; флигель, нач. XX в., арх. С.Ф. Воскресенский (?); садовый павильон, XVII–XVIII вв., 1911 г.; оранжереи, ограда с воротами, парк, XIX – нач. XX вв. Воронцово Поле ул., 6–8, стр. 1–6, 8 / Посольство Республики Индия
65. **Городская усадьба П.И. Харитоненко**, 2-я пол. XIX в., 1-я пол. XX в., арх. Ф.О. Шехтель, инж.-арх. В.Г. Залесский, худ. Ф. Фламенг. Софийская наб., дом 14, стр. 1–4 / Резиденция посла Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии
66. **Особняк М.Д. Карповой – усадьба А.В. Целибеевой**, 1840-е гг. (флигели); 1900 г., арх. А.П. Вакарин. Новокузнецкая ул., 11 / Посольство Республики Мали
67. **Городская усадьба Н.В. Урусовой**, 1912 г., И.И. Рерберг. Новокузнецкая ул., 12–14, стр. 4,5 / Посольство Республики Индонезия
68. **Городская усадьба С.Г. Протопопова – В.С. Татищева**, нач. XX в., арх. В.В. Шервуд, тех. арх. Г.А. Гельрих. Новокузнецкая ул., 12–14, стр. 9 / Посольство Республики Индонезия
69. **Доходный дом**, 1892 г., арх. П.А. Ушаков. Большая Ордынка ул., 18/1 / Посольство Королевства Бахрейн
70. **Доходный дом Н.Д. Ижболдина**, 1911 г., арх. Н.Г. Лазарев. Большая Ордынка ул., 64 / Посольство Кыргызской Республики
71. **Главный дом городской усадьбы**, 1827–1833 гг., 2-я пол. XIX в. Большая Ордынка ул., 72 / Посольство Аргентинской Республики
72. **Доходный дом Борисова**, 1914 г., арх. Н.Д. Иванов, А.М. Хомко. Старомонетный пер., 14 / Посольство Султаната Оман
73. **Дом Н.В. Игумнова**, 1889–1893гг., арх. Н.И. Поздеев. Большая Якиманка ул., 43 / Посольство Французской Республики

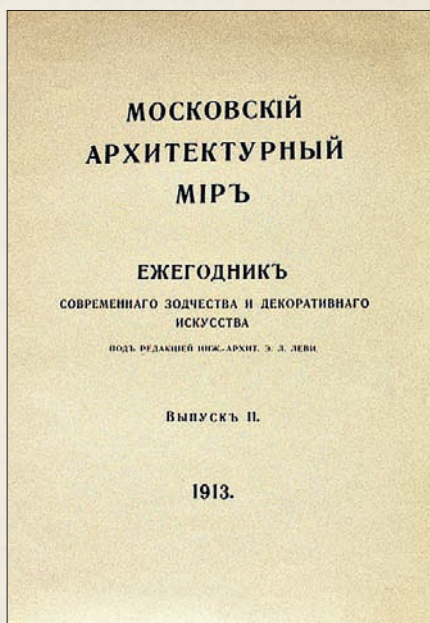
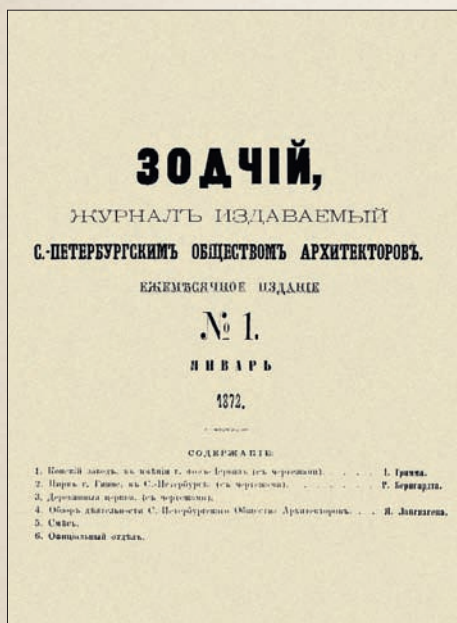
Домъ-особнякъ г. Миндовскаго въ Мертвоу пер., въ Москвѣ. Н. Г. ЛАЗАРЕВЪ, гражд. инженер. Москва.

ОТ ХВАЛЫ ДО ХУЛЫ —
пара страниц

ЧТО ПИСАЛИ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ ИЗДАНИЯ О БУДУЩИХ ОБЪЕКТАХ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Бурные споры конца XIX – начала XX века по поводу развития отечественного зодчества и его будущего любопытно отражались в архитектурной прессе того времени. Особняки в стиле модерн, в которых сегодня размещаются многие зарубежные посольства, к примеру, в одном из выпусков журнала «Зодчий» за 1905 год критиком названы «кошмарными по форме домами».

О «лучших постройках общеевропейского направления»

Мнения порой были прямо противоположными, но не признать явные таланты критики не могли. В том же «Зодчем», кстати, издании Императорского Санкт-Петербургского общества архитекторов, есть признание:

«В Москве за последнее время появилась целая серия весьма любопытных построек превосходного рисунка фасадов, живописно разнообразящих кривые улицы белокаменной».

Это – о работах Федора Шехтеля, Льва Кекушева, Романа Клейна.

Продолжая критично относиться к модерну, анонимный автор «Зодчего» все-таки констатировал:

«К лучшим постройкам общеевропейского направления следует отнести произведения инженера-художника Кекушева. У него разбросанность и неясность композиции бросаются в глаза менее, чем у кого-либо, и можно проследить общую идею композиции без особого затруднения. Хотя и он не избег

общего увлечения колоссальным единственным окном, но у него эта деталь умело отработана и кажется даже как бы нужною, как бы вытекающей органически из самих условий композиции».

О «смелом сочетании исконно-русского с утонченно-западным»

А вот в ежегоднике «Московский архитектурный мир» за 1912 год в статье «Современная Москва» об особенностях архитектуры города читаем просто поэтичные строки:

«В калейдоскопическом разнообразии архитектурных форм и стилей Москвы, в поразительном богатстве художественных течений и идей глазам современного человека, на первый взгляд, представляется та хаотическая разрозненность, то фантастическое сплетение противоположностей, которое говорит о двойственном характере города: с одной стороны – величавый древнерусский Кремль со старинными церквами, башенками, маковками и резными окнами в характерно ярких тонах, с другой

АРХИТЕКТУРНЫЕ МОТИВЫ.

Къ нашимъ рисункамъ.

Помысливъ въ настоящемъ. Небольшое рисункомъ внутренней отделки дома-особняка Т. И. Коробкова, съ чуднымъ фасадомъ, котораго наши подписчики знакомы по художественному фотографическому снимку, помещенному во 2-мъ выпускѣ нашего изданія прошлаго года, мы даемъ образцы скроенныхъ, но въѣсть съ тѣмъ въ нашей стѣнѣ эстетичныхъ мотивовъ для обработки различныхъ помещений. На рис. 4 изображена столовая, на 2 — спальня, а на 3 — вѣстникъ. Если этотъ домъ вообще, можно считать очень удачной работой нашего талантливаго архитектора Т. И.

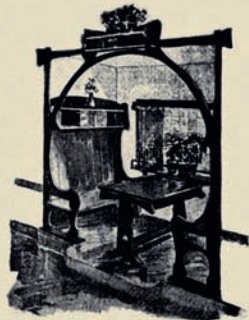

Рис. 4. Залъ въ домѣ Т. И. Коробкова.

Рис. 8. Залъ въ домѣ Т. И. Коробкова. По акварели Т. И. Коробкова.

Кекушева, давшего нашему изданію цѣлую массу интереснаго матеріала. 1-й рис. представляетъ общій видъ дома-особняка, построеннаго имъ же для себя, имѣя продажнаго г-на О. А. Петеръ, въ Глазовскомъ переулкѣ, 61. Зубовскаго бульвара. Дѣлѣ, рисунки 8 и 9 представляютъ эскизы дверей, исполненные акварелью тѣмъ же авторомъ. Работы другого нашего уважаемаго сотрудника, весьма талантливаго архитектора-художника Ф. О. Шехтеля, представлены въ двухъ рис. на 5-мъ и 6-мъ рисункахъ, исполненные въ натурѣ и находящіеся въ домѣ Морозова, на 6 — «маленькая» столовая, дающая, (О величій, широкое, представляемъ читателю судить самому, масштабъ приложенъ). Лампа эта исполнена, не отступая отъ проекта.

— 13 —

АРХИТЕКТУРНЫЕ МОТИВЫ.

цему искусству и какъ выдержать ему соперничество съ машиннымъ производствомъ.

Была бы и такая случай, что архитектору не дается возможности обить, окрасить или оклеить комнаты матеріаломъ такого цѣна, который гармонизировалъ бы съ оттенками другихъ цѣтовъ, употребленныхъ на отделку той же комнаты, только въѣсть того, что фабрикантъ не изготовилъ матеріала требуемаго оттенка.

Проявленію самостоятельности въ декоративномъ дѣлѣ значительно мѣшаетъ также сильное дробленіе одной и той же работы между многими исполнителями, одно и то же лицо рѣдко можетъ, начать работу, довести ее до конца. Прежде дѣлалось иначе: задача столяра состояла не только въ сборкѣ частей, пришедшихъ

съ разныхъ сторонъ, онъ долженъ былъ комбинировать всѣ части своей работы и каждый новый фасонъ этой мебели требовалъ одинаково самостоятельной, изысканной работы.

Стремленіе къ матеріальнымъ выгодамъ принесло искусству также громадный вредъ. До примѣненія машинной работы личный трудъ создавалъ иноподобныя художественныя вещи. Даже кухонныя принадлежности прежняго времени имѣли свою фазіономию и отличались изяществомъ. Сосуды, въ которыхъ во времена нашихъ бабушекъ мылась кухонная посуда, служили теперь для украшенія гостинныхъ и столовыхъ.

Лишь въ концѣ своей статьи авторъ утѣшилъ насъ тѣмъ, что къ счастью настало, наконецъ, время, что среди художниковъ конца вѣка обнаружилось своего

Рис. 4. Столовая въ домѣ Т. И. Коробкова. Построено по проекту Т. И. Кекушева.

— 7 —

стороны — ослепительный блескъ архитектурныхъ шедевровъ западной культуры.

Но в этой двойственности, в этом прихотливо смелом сочетании исконно-русского, наивно-архаического с утонченно-западным и воплощается душа народа, отпечатанная на камнях. И по глубокой сущности русской культуры, и по историческим судьбамъ русского народа, и по своему географически-срединному положению Москва является той столицей, которая объединила в себе Запад и Восток, объединила две культуры. Эти два противоположныхъ полюса мировой культуры в своемъ непрестанномъ касаніи и взаимодействии образовали новые формы, глубина и жизненность которыхъ предуказаны богатствомъ составныхъ элементовъ.

И если верно, что архитектура есть история народа, записанная на камняхъ, то Москва представляетъ собой наиболее яркіе, наиболее красочные страницы этой каменной книги, письмена, дышащие величественно-холоднымъ откровениемъ камня, гранита и мрамора».

В том же номере «Московского архитектурнаго мира» представлены фото и репродукции проектной графики неоклассическаго дома-особняка промышленника Владимира Назаровича Грибова в Хлебномъ переулкѣ (домъ 15), построеннаго в 1909—1910 годахъ инженеромъ Алексеемъ Николаевичемъ Милуковымъ по проекту архитектора Бориса Михайловича Великовскаго. Сегодня здесь — резиденція посла Бельгии.

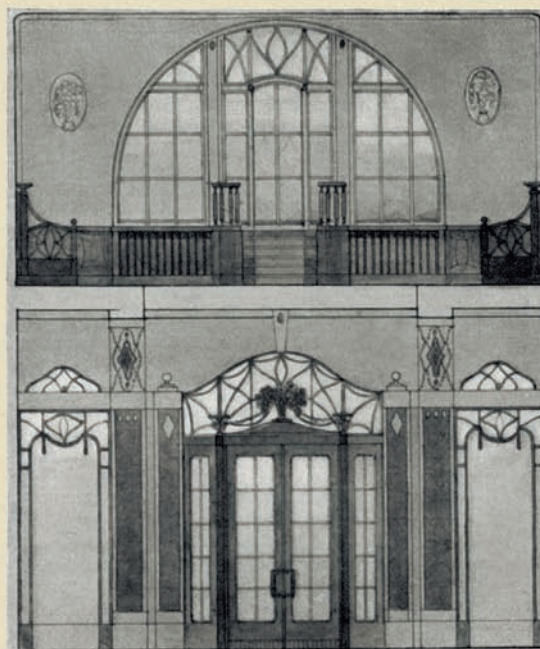
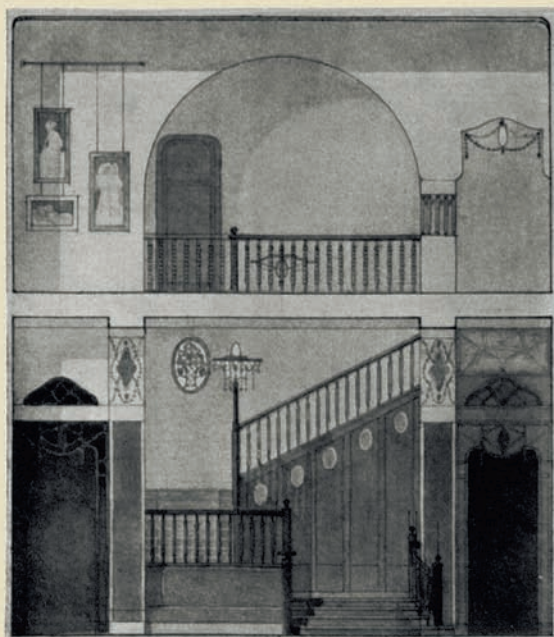
О «злополучномъ ропетовскомъ стилѣ» вообще и домѣ Игумнова в частности

Критики «Московского архитектурнаго мира» (1912), однако, не пощадили столь сегодня любимый москвичами знаменитый домъ Игумнова — ныне резиденцію посла Франціи. В статьѣ «Мастера русскаго стиля» авторъ (в этихъ изданіяхъ авторы часто оставались анонимными) прежде всего «разнесъ» одного из основоположниковъ «псевдорусскаго стиля» — Ивана Павловича Ропета: «Когда русскіе после крымской компаніи вспомнили о Россіи, они захотѣли, конечно, разыскать в Россіи и русскій стиль... «Русскій стиль», созданный Ропетомъ, оказался такимъ удивительнымъ винегретомъ изъ узоровъ русскихъ вышивокъ с тирольской деревянной резьбой, что его смело можно было применять на всемъ земномъ шарѣ. ...Ропетовскій стиль отлился в очень незамысловатый шаблон, по которому возведена большая часть московскихъ построекъ, долженствующихъ быть русскими.

Вот этотъ шаблон: четырехскатная крыша с конькомъ, около нее пирамидальная крыша типа кремлевскихъ башенъ и тут же отдельная башенка с крышей в видѣ приземистаго четырехграннаго кубинчика. Окна, скопированные с оконъ несколькихъ церквей XVII вѣка, и в изобиліи пестрящие стѣны, скопированные оттуда же орнаменты. Вот и все.

И сколько бы ни бился архитекторъ, онъ ничего не въ силахъ былъ прибавить къ этому шаблону. Фантазія его могла только перемещать эти крыши, дѣлать то две

34

Домъ В. П. Грибова въ Хлебномъ пер., въ Москвѣ. Проектъ внутренней отделки. Б. М. ВЕЛИКОВСКІЙ, гражд. инж., и А. Н. МИЛЮКОВЪ, архит. Москва.

35

башины, то одну, ставить две четырехскатные крыши вместо одной и бесконечно пестрить стены изразцами.

Сравним, например, три наиболее «русские» постройки Москвы: Щукинский музей, дом Игумнова и Интернациональный театр. Как все эти три здания похожи! Кажется, что их строил в одно и то же время один и тот же архитектор.

Этот злополучный ропетовский стиль, положительно, отравил нашу архитектуру на целый ряд десятилетий. Апогея своего эта безвкусица достигла в деревянных постройках наших дач, но влияние ее чувствуется и до сих пор в целом ряде даже таких монументальных построек, как дом Игумнова на Якиманке».

О заслуживающих похвалы московских постройках

В «Московском архитектурном мире» за 1913 год размещен некролог замечательному архитектору Сергею Устиновичу Соловьеву. В его собственном доме в Малом Ржевском переулке, 6/18 до 2008 года располагалось Посольство Грузии, а сегодня здание занимает Секция интересов Грузии Посольства Швейцарии в Москве.

В «Московском архитектурном мире» от 1914 года немало хвалебного написано о человеке, в чьем доме нынче живет посол США — коммерсанте Ни-

колае Александровиче Второве. О его торговом центре «Деловой двор» (арх. И.С. Кузнецов; 1911–1912 гг.), строительство которого обошлось в несколько миллионов рублей, пишут: «...Впервые нарушить вековые традиции в пользу рациональной и разумной постановки торгового дела решился известный московский коммерсант Н.А. Второв... Со свойственным ему широким размахом он предпринял смелый план — разгрузить старый вековой торговый центр и перевести часть московской торговли за стены Китай-города».

И в этом же номере — особняк Второва на Старопесковской площади, 10, построенный в 1913–1915 гг. Владимиром Дмитриевичем Адамовичем и Владимиром Матвеевичем Маятом. На момент выхода этого номера особняк полностью еще не завершен — потому даны только планы этажей.

В «Ежегоднике Московского архитектурного общества» за 1909 год представлен построенный в 1906 году архитектором Никитой Герасимовичем Лазаревым дом промышленника Николая Ивановича Миндовского в Мертвом переулке (современный адрес — Старокожуховский пер., 1/Пречистенский пер., 6). Сегодня это Посольство Австрии.

В следующем номере «Ежегодника Московского архитектурного общества» (1910–1911) показан уже упомянутый дом Грибова в Хлебном переулке. В 1912 году его изображение публикуется в «Московском архитектурном мире», а в 1913 году этот объект назван в числе лучших московских особняков —

Домъ г. Миндовскаго на Поварской ул. въ Москвѣ. Л. Н. КЕКУШЕВЪ, архитекторъ. Москвѣ.

согласно публикации в «Путеводителе по Москве, изданном Московским архитектурным обществом для Членов V съезда Зодчих в Москве, под редакцией Товарища Председателя общества И.П. Машкова». И в этом же номере «Ежегодника МАО» за 1910–1911 гг. – дом Ивана Александровича Миндовского на Поварской улице (дом 44), построенный в 1904 году Львом Николаевичем Кекушевым. Сегодня в этом доме – Посольство Новой Зеландии.

Об «образцах скромных, но в высшей степени элегантных»

В «Ежегоднике Московского архитектурного общества» за 1914–1916 подробно показан уже упомянутый в «Московском архитектурном мире» особняк Второва с подробным планом и надворными постройками. Так одни и те же здания становились объектом пристального внимания разных изданий. К некоторым объектам издания возвращались не один раз. Так, в журнале «Архитектурные мотивы» за 1899 год, выпуск 2 есть публикация об особняке Коробковой на Пятницкой улице (дом 33), построенном Кекушевым в 1894–1896 годах. В следующем году журнал представил уже подробное описание отделки этого дома. И не просто так, а как образец

«Московский архитектурный мир». 1914 г.

хорошего стиля на фоне общего упадка. Читаем статью «Прикладное искусство нашего времени»: «Далее, самый способ возведения современных построек также отчасти способствует усилению упадка декоративного и строительного искусств. Теперь нередко акционерными обществами возводится сразу по несколько домов по одному и тому же плану, причем все необходимое для построек изготавливается сразу машинным трудом и в большом количестве. Один и тот же образец повторяется до бесконечности, и все экземпляры его исходят из одного источника».

Рис. 2. Кабинет

Рис. 3. Лестница

в домъ Т. И. Коробкова, на Пятницкой ул., въ Москвѣ. Построено по проекту Л. Н. Кекушева.

И в качестве альтернативы журнал показывает работы Кекушева:

«Помещая в настоящем № несколько рисунков отделки дома Т.И. Коробкова, с чудным фасадом которого наши подписчики знакомы по художественному фототипическому снимку, помещенному во 2-м выпуске нашего издания прошлого года, мы даем образцы скромных, но вместе с тем в высшей степени элегантных мотивов для обработки различных помещений. На рис. 4 изображена столовая, на 2 – главная лестница, а на 3 – вестибюль. Весь этот дом вообще можно признать очень удачной работой нашего талантливого архитектора Л.Н. Кекушева, давшего нашему изданию целую массу интересного материала. 1-й рисунок представляет общий вид дома-особняка, выстроенного им же для себя, ныне проданного г-ну О.А. Листу в Глазовском переулке, близ Zubовского бульвара. Далее, рисунки 8 и 9 представляют эскизы дверей, исполненные акварелью тем же автором». Сегодня особняк, до 2013 года занимаемый Посольством Танзании, находится на реставрации.

В том же номере «Архитектурных мотивов» – дом О.А. Листа в Глазовском переулке, который долгие годы был Посольством Аргентины (сегодня это представительство Калужской области при Правительстве РФ).

О веянии века – «максимальных коммунальных удобствах»

«Путеводитель по Москве, изданный Московским архитектурным обществом для Членов V съезда Зодчих в Москве» (1913) среди лучших особняков Москвы отметил, помимо дома Грибова в Хлебном переулке, также дом Миндовского в Мертвом переулке. Что интересно, здания удостоились похвалы за... максимальные коммунальные удобства. Но если посмотреть, что больше всего интересовало участников V съезда зодчих, то становится понятно, почему так. Водоснабжение, железные дороги (трамваи), городские бойни, газовое освещение, хлебопекарни, речные сооружения и мосты, церковные здания, дворцы, музеи, памятники, театры, общественные и промышленные здания, учебные заведения, больницы – обо всем этом подробно.

И буквально две страницы – постройки доходных домов и особняков. Разве что еще фотографии дома Соловьева в Малом Ржевском и дома Миндовского на Поварской.

Эпоха модерна с ее индивидуализмом и стремлением к личному комфорту уходила в прошлое. Более важными становились проблемы налаживания городской инфраструктуры.

CURRICULUM VITAE

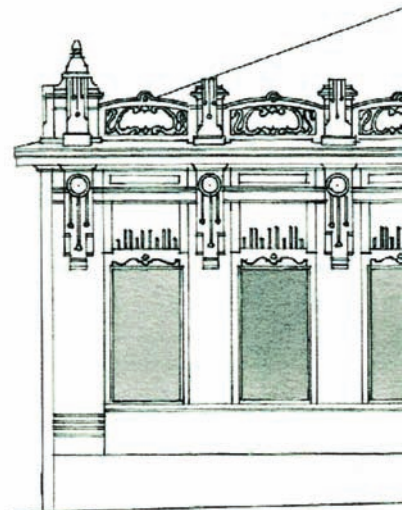
ЕВГЕНИЙ ГЕОРГИЕВИЧ КОКОРЕВ

Дата рождения: 11 марта 1951 г.

Образование: МАРХИ, 1974 г.

Рабочая деятельность с 1974 г. – институт «Центромашпроект», «Моспроект-2», институт «ГСПИ 10»; с 1988 г. – главный архитектор института «ГСПИ 10»; с 1991 г. – руководитель персональной творческой мастерской; с 2007 г. – генеральный директор ООО «Проектное бюро «АрКо».

Член Союза архитекторов с 1978 г., лауреат всесоюзного архитектурного конкурса, лауреат премии ВДНХ, лауреат конкурса «Московская реставрация» (2012, 2013, 2014 гг.). Реализовал более 200 проектов промышленных предприятий, административных и общественных зданий, частных жилых домов, жилых и общественных интерьеров.

7.67

5.02

4.02

3.73

2.31

2.02

+0

-0.8

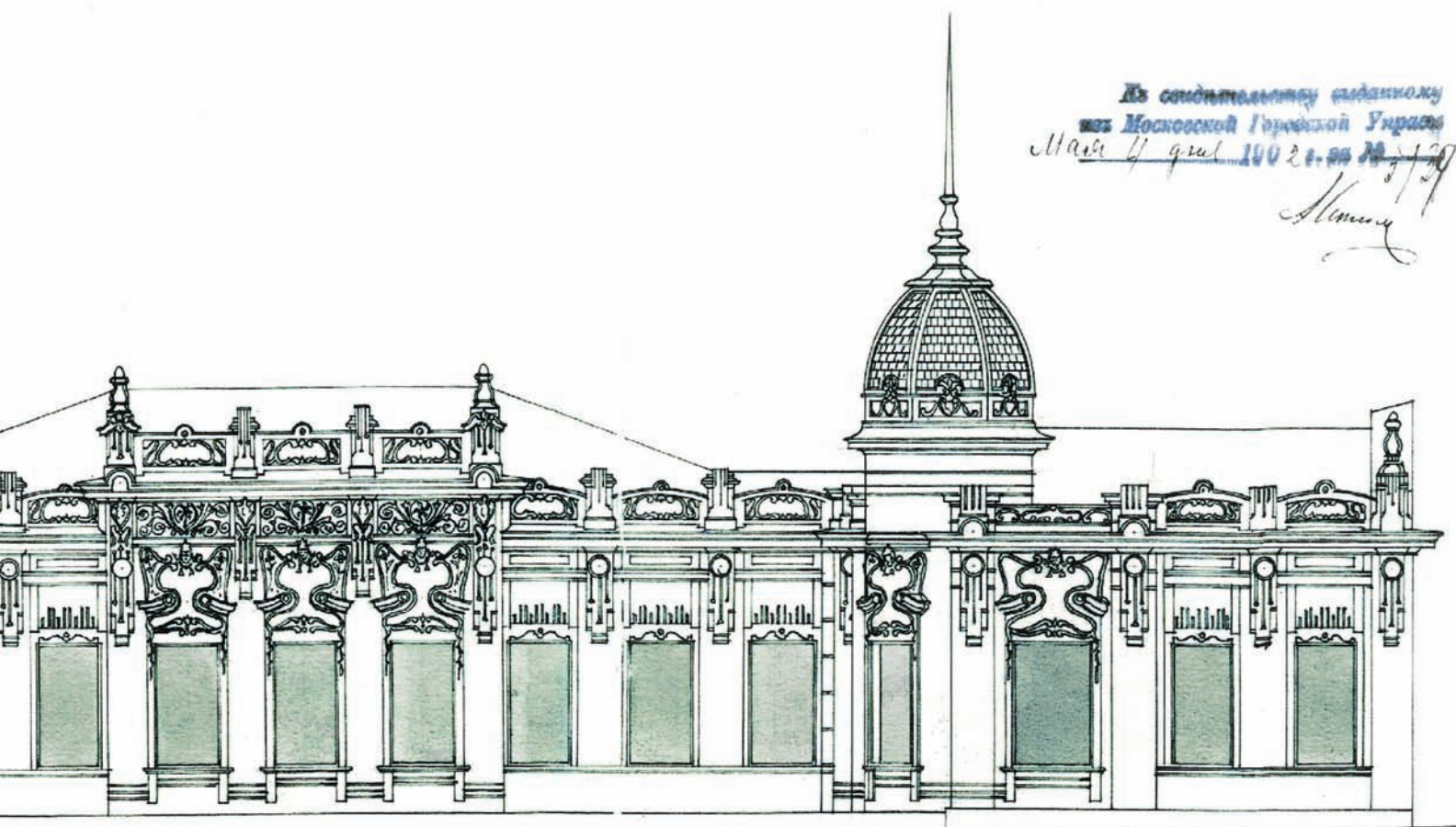
-1.01

-1.84

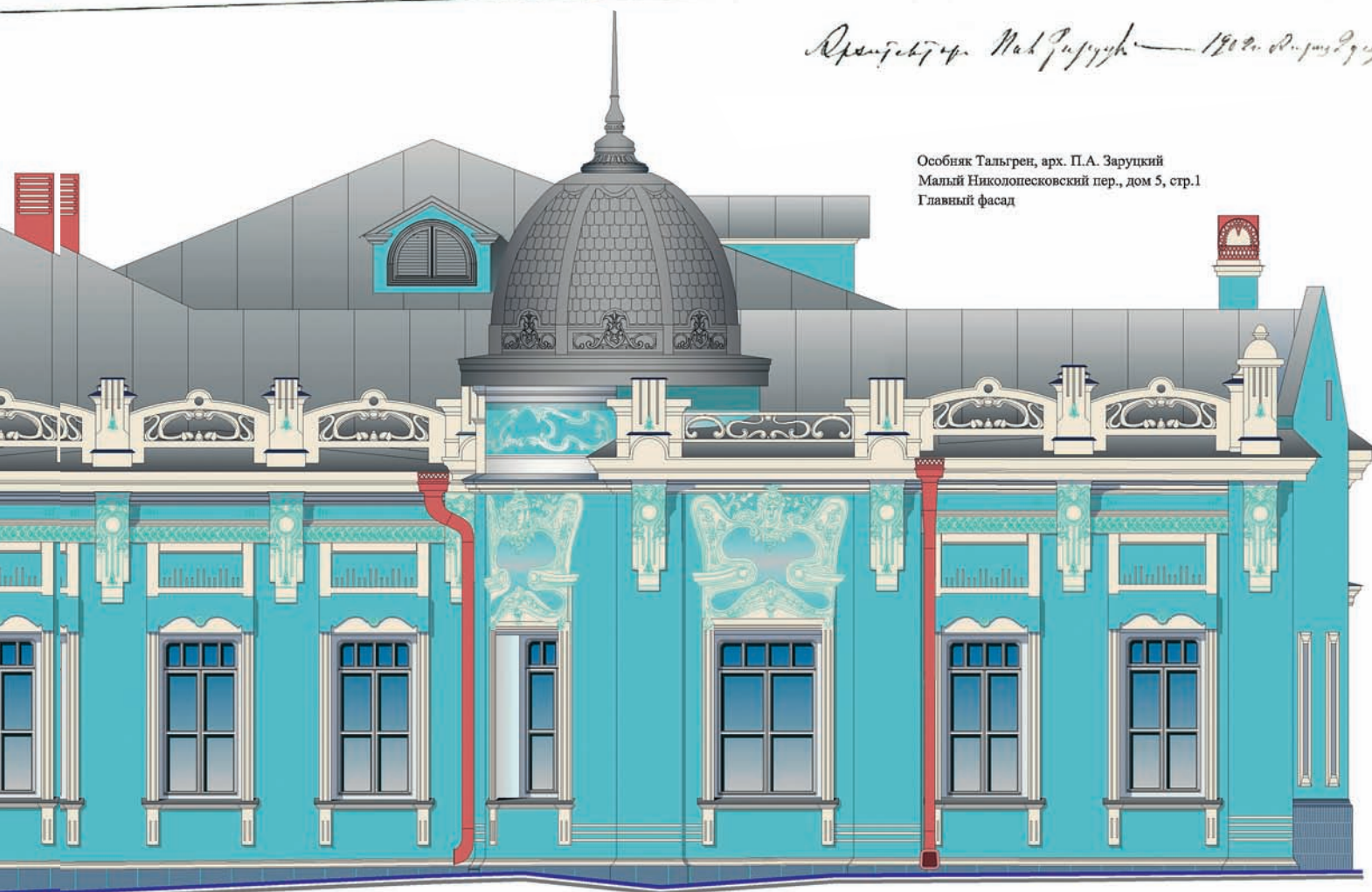

Из собрания архитектора
из Московской Городской Управы
Мая 11 год 1902-го М. З. З.
Минин

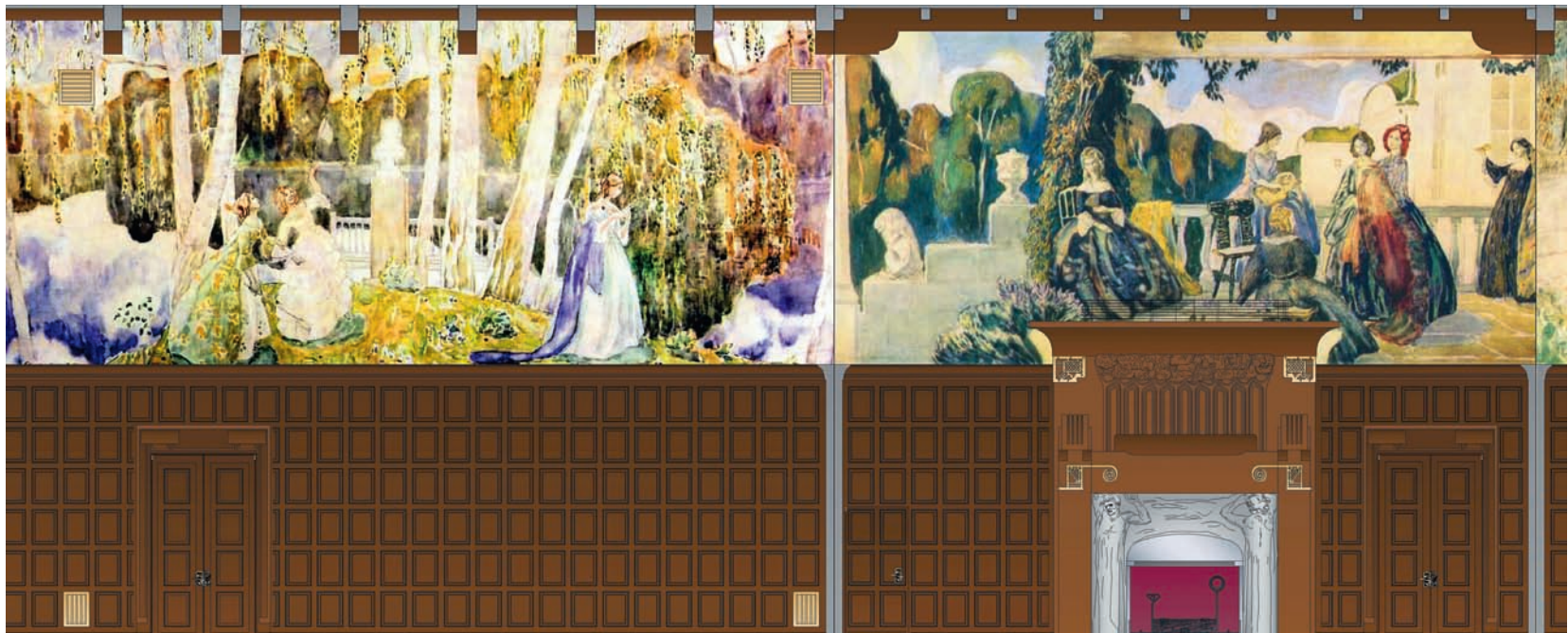
Архитектор П. А. Заруцкий — 1902 г. 2-й этаж

Особняк Тальгрен, арх. П. А. Заруцкий
Малый Николопесковский пер., дом 5, стр. 1
Главный фасад

31484 184 2590 3650 4800 5900 6640 135 1679 840 1250 2630 3040 3900 260 1375 2550 3650 3940 4770

Развертка стен холла гостиной особняка А.И. Дерожинской

АРХИРЕСТАВРАТОР

ДВА ТВОРЧЕСКИХ НАЧАЛА ОДНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО УСПЕХА

Евгений Георгиевич Кокорев с первого же взгляда производит впечатление человека, чуткого к правилам и их нарушению. Тем интереснее было услышать от него, какие правила для реставратора незыблемы и есть ли исключения из них.

Евгений Георгиевич, Вы – кавалер ордена «Элитарх», высшей общественной награды архитекторов. Другими словами, входите в международную архитектурную элиту. Не в реставрационную, заметьте...

Отчего же не в реставрационную?.. Думаю, знак «Почетный реставратор», который впервые был вручен мэром Москвы мне и четырем моим коллегам в прошлом году, кроме всего прочего, обозначил мой статус в профессиональной реставрационной среде. Итоги конкурса «Московская реставрация» в декабре прошлого года подводились уже четвертый раз, и я трижды был его лауреатом.

От Вас хотелось бы услышать: четырежды...

На участие в первом конкурсе (в 2011 году) я не успел подать заявку: поздно узнал о нем.

Мало кто из Ваших коллег-реставраторов может сказать, что на его счету около 200 собственных реализованных проектов промышленных предприятий, административных и общественных зданий, частных жилых домов, даже интерьеров. Считается, что это взаимоисключающие вещи – творческое самовыражение, важное для архитектора, и следование чужому авторскому

Проект современного посольского комплекса

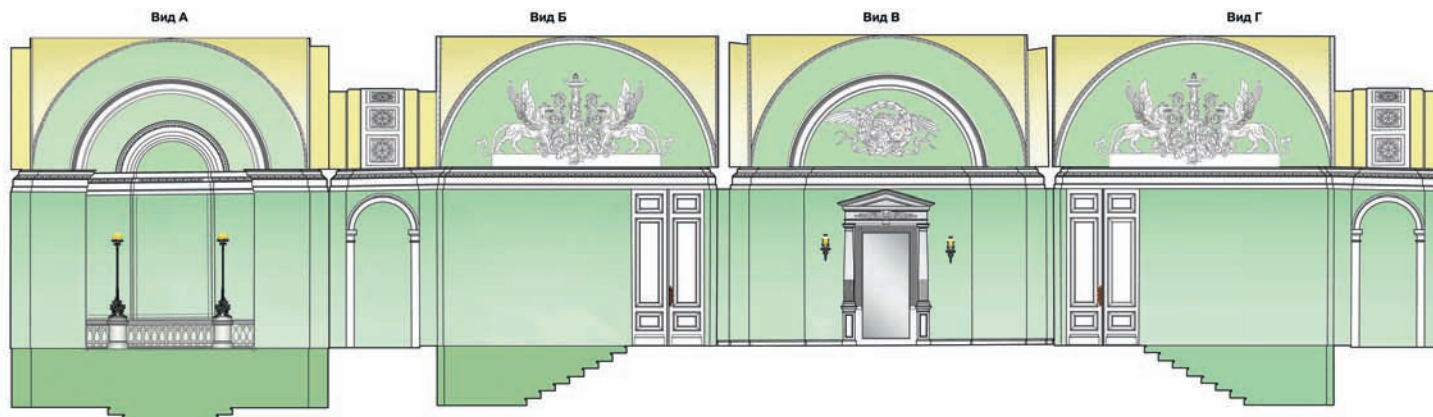
замыслу, на что ориентированы реставраторы. Вы, похоже, так не считаете?..

Я по профессии все-таки архитектор. В 1980-х годах был главным архитектором проектного института и курировал строительство приборных заводов по всему Советскому Союзу. Являюсь автором проекта площади в Москве, на проспекте Сахарова, бывшего здания Менатеп на Са-

довом кольце. И вы правы: в 1990-е годы, будучи руководителем персональной творческой мастерской, активно занимался интерьерными работами – сделал около 20 элитных квартир. Я готов к любым архитектурным решениям. И поскольку согласно обозначенной вами главной теме интервью у нас дальше пойдет речь об особенностях дипломатических миссий, реставрацией которых

Развертки стен. Парадная лестница
М 1:40

Главный дом городской усадьбы князей Мещерских (Е.А. Волковой). Леонтьевский пер., 4

я занимаюсь последние 15 лет, могу сказать, что у меня есть и современный проект посольского комплекса, который, к сожалению, остался нереализованным.

Имеется в виду тот, что мог стоять на улице Довженко и получил весьма доброжелательную критику в модных архитектурных изданиях?

Главная особенность этого проекта в том, что это посольство, так сказать, временного пребывания, своего рода переселенческий фонд на период реконструкции или ремонта «родного» здания дипломатической миссии. Нестандартностью функциональной задачи объяснялась и определенная атипичность архитектурного решения. Я отошел от лежащей на поверхности модели усадебного дома, предпочтя ему тип так называемого «недома». В предложенной связке двух неправильных усеченных конусов кто-то видел многократно увеличенную дизайнерскую вещь, кто-то — промсооружение, пересаженное в среду жилой городской застройки, а кто-то — даже нечто вроде приземлившихся летающих тарелок. Я бы провел скорее параллель с вигвамом, образ которого был порожден временным статусом комплекса. На Западе подобные «недома», своего рода имплантированные в городскую среду абстрактные скульптуры, — явление достаточно распространенное. Правда, в большинстве своем они имеют культурно-развлекательное назначение, но в любом случае своя достопримечательность из арсенала такой новейшей архитектуры есть едва ли не в каждом западном городе. Москва в этом смысле только в начале пути. И, с моей точки зрения, посольский объект вполне подходил для пробы реализации в нашем городе популярной идеи дома — «недома».

И все-таки опыт работы в современной архитектурной среде помогал или мешал, когда Вы начали заниматься реставрацией? Почему вдруг резко сменили творческий вектор? Неужели доходы успешного архитектора ниже, чем у реставратора?

Насчет резкой смены творческого вектора можно поспорить. Во-первых, еще работая в «Моспроекте-2», в 1982 году я был в составе авторского коллектива ТЭО на рес-

тавацию ансамбля Царицыно. Над проектом работали четыре автора: первый — главный архитектор Москвы М.В. Посохин, ну а я значился четвертым в списке. ТЭО на реставацию Царицына представляло собой около сорока планшетов. Колоссальная работа! Потом, в середине 1980-х годов, я занимался реставрацией зимнего сада, примыкающего к Владимирскому залу Большого Кремлевского дворца. Когда я туда впервые вошел, было ощущение, что попал в типовую парикмахерскую — так его «поновили» в 1960-х годах. Я просто в шоке был и от кованого оленя в кустах (это не шутка!), и от прямоугольных железных окон... Реконструкция с элементами реставрации зимнего сада затрагивала прежде всего фасады исторической части дворца, выходящие во внутренний двор, которые я постарался привести в соответствие с архитектурой Тона. Одним словом, с реставрационной практикой я имел дело и в то время, когда был архитектором, реализовывавшим собственные проекты.

Когда стал плотно сотрудничать с Главным управлением по обслуживанию дипломатического корпуса при МИД России, реставрация объектов культурного наследия стала моей основной работой. Почти все здания, находящиеся на балансе ГлавУпДК, являются памятниками архитектуры. И такая принадлежность — их настоящее везение. Управление имеет профессиональную службу капитального строительства и эксплуатации, поэтому здания всегда нормально содержались, а потому и прилично сохранились. За время сотрудничества с ГлавУпДК, то есть с начала 2000-х, мною выполнено около двадцати проектов реставрации городских усадеб и особняков, входящих в фонд этого ведомства.

Первый Ваш дипломатический адрес?

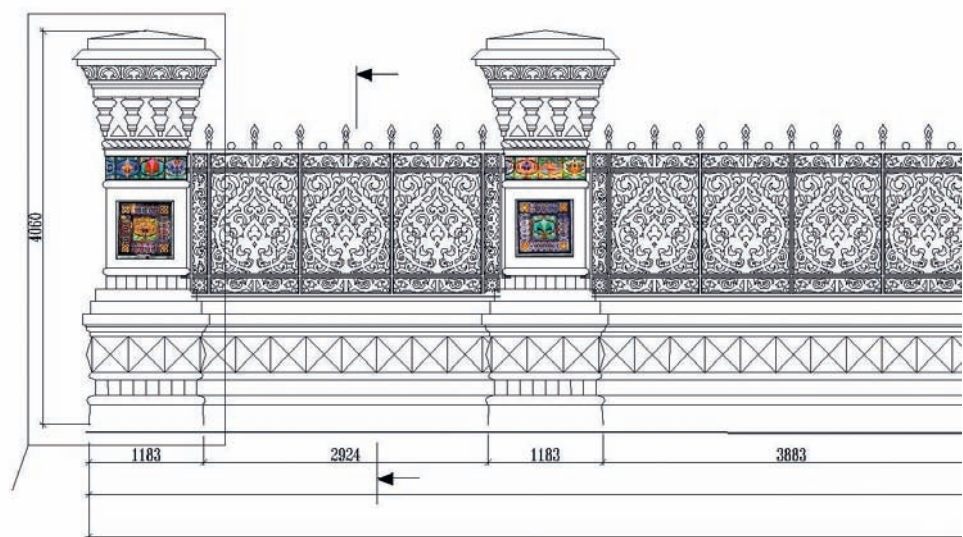
Первым было Посольство Непала. Но по реставрации больше запомнился Малый Николопесковский переулок, дом 5 — усадьба Н.П. Михайловой — В.Э. Тальгрена. Это одно из первых московских зданий, фасад которых был переделан в стиле модерн. В 1901 году архитекторы П.А. Заруцкий и А.Е. Антонов сильно преобразили некогда классический ампирный особняк: дом получил небольшую пристройку с угловой башенкой, на фасаде появилась рокайльная лепнина, волнообразные линии ниш над

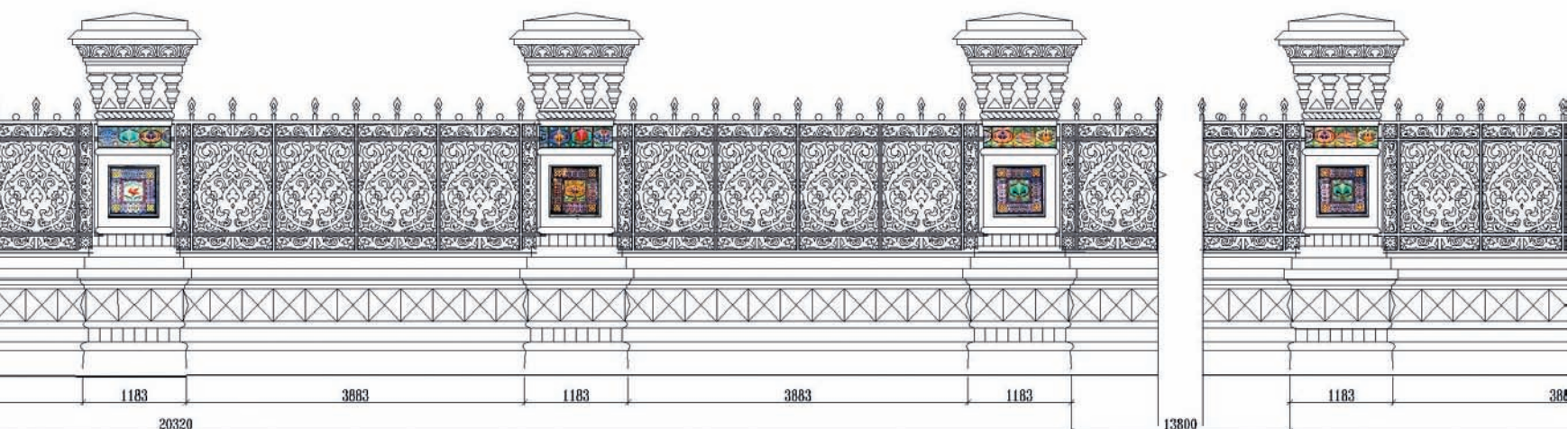

Ограда дома Игумнова на Якиманке

43670

окнами, три женские головки; горизонтальные профили над центральными проемами украсил цветочный орнамент с большими подсолнухами.

В 1990-е годы, когда началась реставрация, особняк, обстроенный кучей разных страшных железных сараев, был в откровенно плохом состоянии. Перед нами, кроме очевидных профессиональных проблем, стояла еще очень сложная задача, с которой не каждый реставратор, наверное, может справиться. Техническое задание ГлавУпДК предусматривало обеспечение защиты строения от вибрации. Метро в этом месте залегает неглубоко, и, даже если просто стоишь на тротуаре, чувствуешь ногами, когда идет поезд. В самом же здании от вибрации буквально сползал со стола стакан. С этой технической задачей наша команда справилась, нелепые строения вокруг особняка были снесены, а он сам приведен в достойный вид. Сейчас там находится дипломатическое представительство одной из стран СНГ. Занимаясь этим проектом, мы постарались решить интереснейшую творческую задачу. Обратите внимание на декор крыши особняка. Ничего подобного в прежней реальности никогда не было – все это существовало только на эскизе архитектора. Я решил, что будет правильным при реставрации полностью реализовать авторский замысел. Сам архитектор не смог этого сделать, потому что основа здания тогда представляла собой уже почти столетие поживший деревянный сруб, который не выдержал бы дополнительной нагрузки. Мы реализовали авторский замысел, но уже в новых материалах с применением новой, разработанной нами технологии. На самом деле этот декор выполнен из пластика. Но никто этого не поймет, пока я не скажу...

Обвинений в «новоделстве» не боитесь? Не могу не процитировать популярную Википедию, в которой о реставрации особняка Держинской, занимаемом ныне послом Австралии, написано буквально следующее: «...на стенах холла гостиной появился новодел – фрески, сделанные по эскизам художника Виктора Борисова-Мусатова, сохранившимся в архивах Третьяковской галереи».

Очень неточные формулировки. Причем я даже не про новодел, а об эскизах, «сохранившихся в архивах Третьяковской галереи». Но обо всем по порядку. Я получил

удовлетворение, работая с этим объектом, особенно с интерьерами авторства Федора Шехтеля. На стенах холла гостиной росписей действительно не было никогда — просто штукатурка с побелкой. Но они, по замыслу Шехтеля, должны были быть! Для работы над ними он пригласил сначала Грабаря — тот запросил 10 000 рублей, и хозяйка отказалась от его услуг. Тогда Шехтель передал заказ Борисову-Мусатову, который и сделал эскизы, но заказчица снова отказалась платить. Итог этого, в общем-то, традиционного конфликта — деньги против творчества — тем более обиден, что в последний год его жизни у Борисова-Мусатова были большие надежды на реализацию своих замыслов в декоративных монументальных росписях. Для особняка Держинской он создал эскизы декоративных панно на тему времен года: «Весенняя песнь», «Летняя мелодия», «Осенний вечер», «Сон божества». Его техника акварели прекрасно передавала призрачные тона будущих фресок, которые могли бы навсегда остаться только в проекте. Была в этом некая несправедливость по отношению к замечательному художнику. С этой мыслью я и занялся поисками эскизов Борисова-Мусатова. Два из них я нашел в Третьяковской галерее, один — в Пушкинском музее. Четвертый эскиз в свое время был украден. Но поскольку все авторские листы тиражировались, удалось найти и четвертый сюжет. А далее мы призвали на помощь современные технологии. Взяв акварельные эскизы совсем небольшого размера, мы с помощью цифровых технологий многократно увеличили их — до пяти метров в высоту (общая высота холла — 11 метров) и перевели изображение, по сути, на обои, но с фактурой штукатурки. В результате мы получили задуманное именно Шехтелем цветовое решение интерьера: панели из темного дуба в нижней части стен гармонично дополнили монументальные фрески в изысканной цветовой палитре. Новодел? Или все-таки реализация авторского замысла, в который изначально не входили многочисленные квадратные метры безликой штукатурки? Принимая ответственные решения, я несколько свободнее иных реставраторов оперирую современными материалами и технологиями.

Как добывается право на такую свободу?

Не просто так, конечно, за этим всегда стоят мучительные сомнения. Наша идея с фризовой росписью в особняке Держинской прошла через множество экспертных советов, мы консультировались со знатоками творчества Шехтеля... Причем мой приятель — один из лучших среди них, он сам из Саратова, откуда родом и великий архитектор, — провел серьезное исследование, чтобы понять, какой эскиз Борисова-Мусатова должен располагаться на какой стене, и я его работой воспользовался.

Руководитель Мосгорнаследия Александр Кибовский, выступая на торжественной церемонии вручения дипломов конкурса «Московская реставрация — 2014» сказал, что востребованные профессионалы отрасли работают с колоссальной нагрузкой. И назвал, в частности, Ваше

ОФИЦИАЛЬНО

Департамент культурного наследия города Москвы впервые объявляет **творческий конкурс на разработку проекта приза** в рамках конкурса Правительства Москвы на лучший проект в области сохранения и популяризации объектов культурного наследия «Московская реставрация».

Организатор конкурса — Департамент культурного наследия города Москвы.

Победитель конкурса награждается благодарностью министра Правительства Москвы, руководителя Департамента культурного наследия города Москвы; участники конкурса — дипломами участников.

Проект приза конкурса «Московская реставрация», признанный лучшим по итогам конкурса, будет взят за основу приза для ежегодного награждения лауреатов конкурса «Московская реставрация».

Подробная информация о конкурсе размещена на сайте www.dkn.mos.ru

имя, отметив, что Вы сейчас занимаетесь реставрацией четырех(!) объектов одновременно. Это тоже посольские особняки?

Да, все четыре. Мы заканчиваем, в частности, ремонтно-реставрационные работы на объекте культурного наследия «Главный дом городской усадьбы князей Мещерских (Е.А. Волковой)», по Леонтьевскому переулку, 4, в котором располагается Посольство Греции.

Этот дом — один из лучших образцов московской усадебной застройки периода классицизма. Его хорошо сохранившаяся структура включает капитальные стены и систему сводов II половины XVIII века, планировку и отделку фасадов 1823 года, интерьеры парадных залов в редакции конца XIX столетия. То есть для реставратора это во всех отношениях потрясающий объект! Большой архитектурный интерес здесь представляют не только редкие конструкции сводов, но и кладка стен, выполненная из белокаменных блоков. Несомненную историко-художественную ценность имеет также интерьер основных гостиных и крупных залов правого крыла, которые были расширены и отделаны А.С. Каминским в 1880-х годах. Поскольку главный дом старинной усадьбы сегодня используется как посольское здание, его реставрация была призвана не только восстановить исторический облик памятника, но и повысить эксплуатационные качества здания. В связи с этим проект реставрации включал целый ряд операций, связанных

Главный фасад особняка А.И. Дерожинской

с ремонтом строительных конструкций и актуализацией инженерно-технического оснащения. Работая на этом объекте, можно было получать настоящее удовольствие, занимаясь реставрацией его интересных фасадов с изысканными лепными рельефами, элегантным тянутым карнизом и другим декором. Этот дом в оценочных ведомостях конца позапрошлого века назван «роскошным барским особняком». В том числе благодаря его уникальным интерьерам, многие элементы которых дожили до наших дней. Реставрируя их, мы ставили своей задачей безусловное сохранение и восстановление всех ценных элементов планировки и художественной отделки. В этом смысле показательна, например, реставрация парадной лестницы. Каменные ступени, резное ограждение лестницы, деревянные балясины балкона круглого светового фонаря в уровне чердака, его потолочная роспись в технике гризайль, горельефы с грифонами и более мелкие рельефы, пр. – возвращая ядру внутреннего пространства здания первозданный вид, нельзя было упустить ни единой детали. Думаю, что после завершения всех реставрационных работ бывший барский, а нынче посольский особняк вернет себе главное свое определение – роскошный.

Считается, что особнякам, которые в силу разных обстоятельств стали «посольскими», повезло: они – едва ли не самые сохранные московские памятники, исключая

разве что являющиеся национальными архитектурными символами...

Однозначно согласен с этим. И даже не то хорошо, что они стали посольскими, а то, что ГлавУпДК профессионально подходит к ремонту и эксплуатации памятников.

А как же мнение о том, что иностранные обитатели с большим пиететом относятся к памятникам, чем, скажем, наши арендаторы и собственники объектов культурного наследия?

Это не всегда так. Но, например, жена предыдущего посла Франции в России с большим пиететом относилась к дому Игумнова. Она даже нашла в одном из залов особняка под штукатуркой роспись, написала книгу о нем. Впрочем, французы изначально понимали, чем владеют. Архитекторы, присланные в 1937 году из Парижа, чтобы привести будущую французскую резиденцию в подобающий вид, уже тогда не поскупились на восторженные оценки. Но сказать, что иностранные дипмиссии активно предпринимают что-то для сохранности памятников, в которых они живут и работают, не могу. Это наш МИД тратит усилия и средства на их качественную реставрацию, ремонт и добросовестную эксплуатацию.

Вы так увлеченно рассказываете о каждом своем проекте, что нельзя не задать «детский» вопрос: какой из

двадцати реставрированных Вами посольских особняков больше всего любите?

Я с большим удовольствием занимался особняком Игумнова. Это вершина русского стиля, абсолютно профессиональный дом, у архитектора Поздеева многому можно поучиться. Он уникальный, по-моему мнению, зодчий. В его проектах честно прорисовано все до деталей, до последнего гвоздя — это то, что действительно отличает архитектурный почерк настоящих мастеров. В доме Игумнова нет ни одного повторяющегося наличника на многочисленных окнах — я вообще впервые в жизни с таким столкнулся. На первый взгляд, они вроде бы одинаковы, на самом деле использован один прием, но все наличники разные. Этот архитектор уж точно умел работать с деталью! Изразцы, которые изготавливались на знаменитом кузнецовском заводе, уникальны во всех отношениях. Процентом двадцать из них к началу реставрации, которая завершилась в 2014 году, было утрачено, и мы делали новые, абсолютно точно совпадающие по цвету с оригиналом.

Открою, кстати, небольшой секрет: мы продлили ограду дома до следующего переулка, хотя на самом деле она никогда не была столь протяженной. Ограда изначально сделана из камня и металла. Мы так до конца и не поняли, как в начале прошлого века можно было изготовить такое ее металлическое заполнение. Это абсолютно повторяющаяся цельковая металлическая панель толщиной 8 мм — видимо, был изготовлен такой штамп. В наше время подобное металлическое заполнение можно сделать с помощью лазерной резки, но для того времени это невероятный продукт!.. Продлевая ограду, мы использовали уже современные технологии и материалы — в частности, заменили камень архитектурным бетоном. К сожалению, известняк в наше время очень недолговечен — на него негативно влияет современная агрессивная городская среда.

При реставрации покрытой шпиастром кровли, которая имела значительные утраты, также использовались современные материалы и технологии. Поскольку полностью воссоздать покрытие из шпиаstra не представлялось возможным — технология его производства практически утрачена, — было принято решение делать кровлю из современного, аналогичного по качеству и цвету материала — цинк — титана. При этом бережно использовался весь сохранившийся шпиастр. Отдельно шло воссоздание по старым фотографиям декоративных наверший шатров кровли, также изготовленных из цинка-титана.

Вполне можно было предположить, что Вы назовете именно дом Игумнова. Ваша пятерка первых почетных реставраторов Москвы учредила собственный приз для мастеров, занимающихся практическими реставрационными работами — красивый изразец с птицей Сирин. Она ведь «прилетела» из дома Игумнова?

Да, оттуда. Мы взяли за образец изразец с птицей Сирин и заказали наш приз в мастерских Нового Иерусалима, в которых делался, кстати, и керамический декор для реставрации дома Игумнова. Образ «птицы-души» — райской птицы Сирин — очень часто встречается и в древних фолиантах, и в старинных ювелирных изделиях, и в произведениях традиционного русского прикладного искусства. Словом, на всем том, что делалось талантливыми руками, так что выбор символа неслучаен. Впервые мы с коллегами его вручали на церемонии подведения итогов конкурса «Московская реставрация — 2014» в номинации «За высокое качество реставрационных работ по живописи» в Картинной галерее фабрики К. Жиро художнику Алипию Васильевичу Балдину.

Работая с посольскими особняками, Вы сталкивались с чем-то, заставившим Вас по-настоящему удивиться и

ACTA DIURNA

110 ЛЕТ СТАЖА И 100 ПАМЯТНИКОВ НА ТРОИХ

5 марта 2015 года второй раз в истории нашего города вручались знаки и дипломы «Почетного реставратора города Москвы». Первая подобная церемония состоялась ровно год назад. А 5 марта 1994 года приказом Госкомвуза, напомним, впервые в истории России была создана специальность 291200 — «Реставрация и реконструкция архитектурного наследия». И, по словам руководителя

Мосгорнаследия Александра Кибовского, именно к этому дню правительство столицы старается приурочить награждение знаком «Почетный реставратор города Москвы» лучших из лучших в этой уникальной профессии.

Первыми московскими почетными реставраторами стали Дмитрий Николаевич Кульчинский, Нина Леонидовна Барышкова, Леонид Васильевич Островский, Евгений Георгиевич Кокорев, Надежда Ивановна Даниленко. В этом году ряды звездного реставрационного сообщества попол-

нили Виктор Федорович Коришунов, Лариса Валерьяновна Лазарева и Григорий Валерьевич Мудров. Их общий трудовой стаж — 110 лет, количество реставрированных памятников — почти 100! Александр Кибовский назвал их выдающимися профессионалами, которые не только очень многое сделали для становления московской реставрации, славны своими делами, своими конкретными достижениями, но и являются прекрасными педагогами, талантливо обучающими молодых специалистов.

С их именами связано обретение исторического облика замечательными, знако-

восхититься, несмотря на Ваше архитектурное образование и богатейшую практику?

Пожалуй, назову городскую усадьбу Наумова – Олениной – Думнова в Малом Кисловском переулке, в которой сегодня размещается дипломатическая миссия Швейцарии. Обычно, когда речь идет о реставрации этого объекта, вспоминается прежде всего восстановление утерянного лепного декора – в частности, акротерия на коньке крыши, двух грифонов на свесах фронтона торцевого фасада. Для меня же настоящим открытием стали обнаруженные в главном доме усадьбы деревянные фер-

мы с пролетом на 14 метров. Они оказались в отличном состоянии – выдерживали тяжелый подвешенный штукатурный потолок с богатой лепниной. И сейчас-то сложно осуществить аналогичное конструктивное решение, а сделать такое два века назад...

На этой фразе мы с сожалением выключили диктофон: наше оговоренное заранее время истекло. Евгений Георгиевич уезжал на встречу в ГлавУпДК. Точность – вежливость дипломатов. И, добавим, реставраторов, которые с ними работают. Причем во всем.

Слева направо: почетные реставраторы Г.В. Мудров, В.Ф. Коршунов, Л.В. Лазарева

выми памятниками российской столицы. В числе двадцати отреставрированных объектов Виктора Федоровича Коршунова – гостиница «Националь», дом А.А. Морозова, городская усадьба В.А. Морозовой, комплекс Теремного дворца и Теремных церквей в Московском Кремле, Средние торговые ряды в составе ансамбля Красной площади. С именем Ларисы Валерьяновны Лазаревой ассоциируются такие культовые московские памятники, как мемори-

альная квартира А.С. Пушкина на Арбате; Петровский пассаж, ансамбль Марфо-Мариинской обители – итого 20 отреставрированных объектов за 41 год в профессии. Григорий Валерьевич Мудров за 31 год продлил жизнь 60 объектам культурного наследия.

Вручая знак «Почетный реставратор», мэр Москвы Сергей Собянин отметил, что стараниями виновников торжества и их коллег за последние четыре года количест-

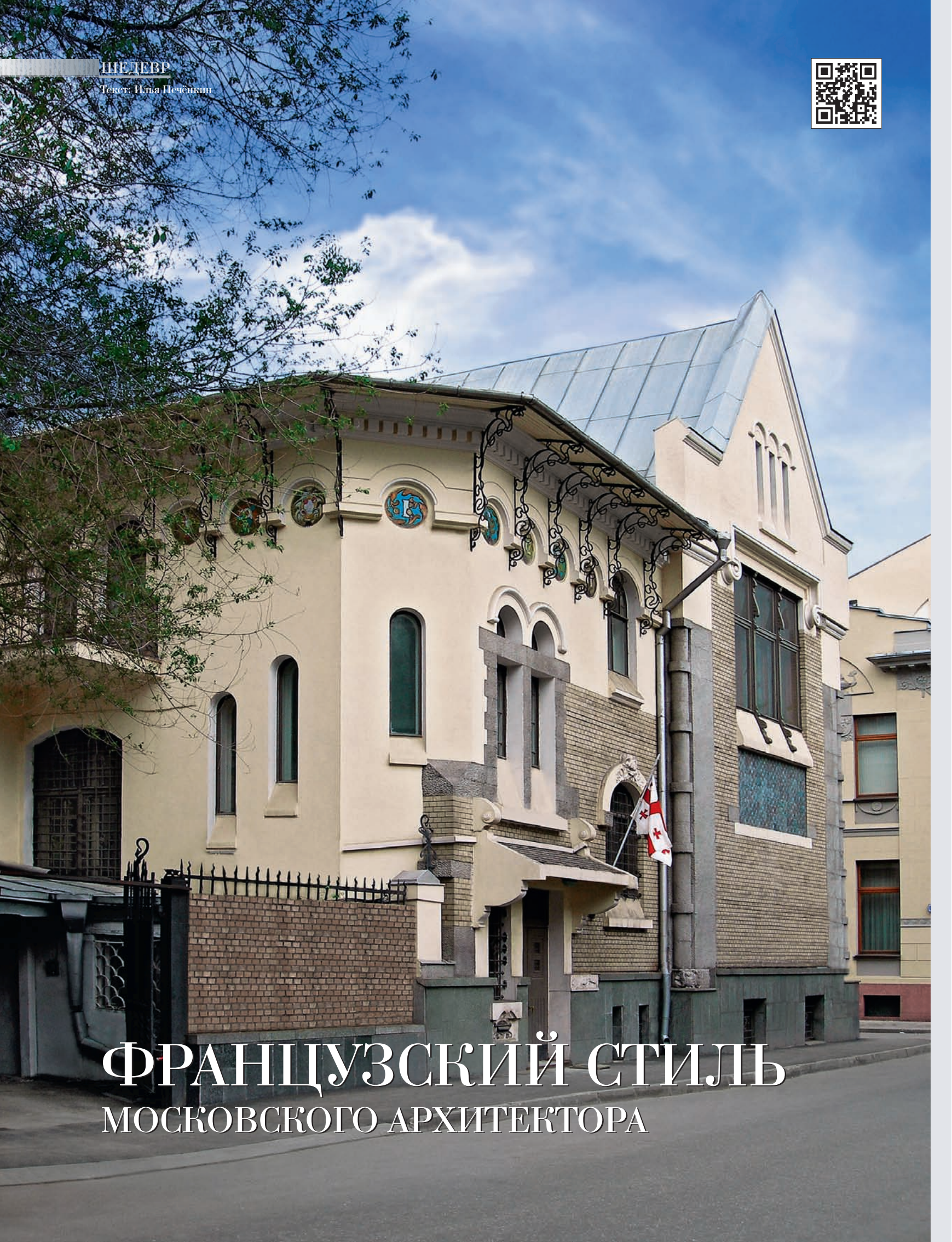
во московских памятников, которые находились в аварийном состоянии, уменьшилось более чем на треть. И, по его словам, в конце 2015 года соотношение памятников, которые находятся в хорошем состоянии, и тех, которые требуют реставрации, будет составлять 80 к 20%. Лицо города действительно меняется! С этим утверждением мэра нельзя не согласиться.

По сообщениям пресс-службы
Департамента культурного наследия

ШЕДЕВР

Текст: Илья Печенкин

ФРАНЦУЗСКИЙ СТИЛЬ

МОСКОВСКОГО АРХИТЕКТОРА

Академик архитектуры С.У. Соловьев.
Фото начала 1900-х (из архива наследников
архитектора)

В ПУТЕВОДИТЕЛЕ ПО МОСКВЕ, ВЫПУЩЕННОМ В 1913 ГОДУ
ДЛЯ УЧАСТНИКОВ V СЪЕЗДА РУССКИХ ЗОДЧИХ, ДОМ-СТУДИЯ
СЕРГЕЯ СОЛОВЬЕВА БЫЛ НАЗВАН ОДНИМ ИЗ САМЫХ
ЗНАЧИМЫХ ПРИОБРЕТЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Дом на углу Малого Ржевского и Хлебного переулков, занимаемый ныне дипломатическим представительством Грузии, обладает запоминающейся наружностью. Мрачноватый образ особняка с высоким «готическим» щипцом позволил некоторым увидеть в нем обиталище булгаковской Маргариты. И хотя такое мнение давно и убедительно оспорено, дом примечателен именно своей «художественной» биографией, причастностью к миру искусства.

«Особенно – особняки»

Посещение парижской выставки 1900 года всерьез переменило творческое мировоззрение многих русских художников. Например, скульптор Николай Андреев, сопровождавший во французской столице представительную экспозицию Императорского Строгановского училища, по возвращении отказался от былой реалистично-повествовательной манеры своих работ и всецело погрузился в стихию причудливых, сумрачных образов декаданса (уместно вспомнить его памятник Н.В. Гоголю, вызвавший у современников противоречивые чувства). Но к персоне Андреева мы еще возвратимся. Гораздо существеннее для нашего рассказа отметить присутствие в числе русских путешественников, чинно прогуливавшихся в дни Всемирной выставки по парижским бульварам, академика архитектуры Сергея Устиновича Соловьева, находившегося на взлете творческой карьеры. В экспозиции Русского отдела фигурировал небольшой павильон-киоск в русском стиле, исполненный по его проекту для фирмы чаепрокатчиков Перловых.

Соловьев был по-настоящему влюблен в русскую художественную старину, однако горизонты ис-

кусства для него не ограничивались национальной традицией. С успехом окончив архитектурное отделение Училища живописи, ваяния и зодчества, он продолжил образование в петербургской Академии художеств. Затем была пенсионерская стажировка за границей, где Соловьев с увлечением изучал памятники Флоренции, Венеции, Рима, посетил развалины Помпеи и вместе с тем ознакомился с современными функциональными сооружениями. Из Италии он просит Совет академии дать ему возможность завершить пенсионерство экспедицией по городам Средней России. За собранный в этих странствиях богатый графический материал Соловьев был удостоен звания академика.

Москвич по рождению, Соловьев, в отличие от многих однокашников-москвичей, искавших способа за-крепиться в столице империи, по

Деталь

СУДЬБЫ ДОМОВ, КАК И СУДЬБЫ ЛЮДЕЙ, НЕПРЕДСКАЗУЕМЫ.

В начале 1970-х бывший особняк Соловьева, благодаря режиссеру Татьяне Лиозновой, совершил виртуальное путешествие в пространстве и времени. В 9-й серии культового сериала «Семнадцать мгновений весны» он «сыграл» здание, в котором гестаповцы держали захваченную ими русскую радистку.

окончании академии возвратился в свой город, с которым неразрывно будет связан весь его жизненный путь. Обзаведясь семьей, он начинает педагогическую деятельность в родном для него Училище живописи, ваяния и зодчества и Строгановском училище технического рисования, в котором довольно скоро достигает высокой должности инспектора классов, часто замещает и самого директора. Параллельно трудится в Строительном отделении Московской городской управы, исправляя должность участкового архитектора.

Преподавание и административная рутина, само собой, не могли вполне удовлетворить молодого зодчего. В начале 1890-х годов он заявляет о себе в проектно-строительной практике, руководя перестройкой бывших университетских клиник на Рождественке для переехавшего сюда Строгановского училища с Художественно-промышленным музеем. Сам архитектор с женой и детьми поселяется, наряду с другими служащими училища, в квартирном корпусе на углу Рождественки и Сандуновского переулка, возведенном по его собственному проекту. Возможно, уже тогда у Соловьева возникла мечта о доме-особняке, удобном для жилья и работы, насквозь проникнутом духом творчества.

Конец XIX столетия ознаменовался ростом популярности идеи индивидуального жилища. На фоне нарастающей урбанизации парадоксальным образом оказался востребован тип городской виллы, близкий традициям московской городской усадьбы. Разумеется, строительство и обустройство такого домовладения было делом затратным. Поэтому первыми произведениями в этом жанре стали дома представителей наиболее состоятельной части буржуазии – Морозовых, Рябушинских, Кузнецовых, Якунчиковых. Однако довольно скоро в Москве появляются собственные дома архитекторов – как отклик на соответствующую европейскую тенденцию. Более скромные по размерам и оформлению, эти постройки, в числе которых дом Федора Шехтеля в Ермолаевском переулке и особняк Льва Кекушева на Остоженке, в художественном отношении не уступали виллам промышленников и банки-

Подкрадывающийся лев. Барельеф на фасаде особняка (скульптор Н.А. Андреев)

ров. Петербургский архитектор и критик Борис Николаев не без сарказма констатировал в начале 1900-х: «Волна новых художественных идей в Европе... отразилась и здесь и вылилась в весьма своеобразную форму. Особенно – особняки».

Дом-автограф

Тема дома-студии художника или архитектора на исходе XIX века активно разрабатывалась на Западе. Проекты иностранных коллег вдохновляли русских зодчих на опыты в этом русле. Но, пожалуй, ни один из домов московских архитекторов не в состоянии соперничать по силе воздействия романтического образа с особняком Соловьева, выстроенным на углу Малого Ржевского и Хлебного переулков в 1901–1902 годах. Можно лишь удивляться тому, как мастер, сформировавшийся в период поздней эклектики и всерьез увлеченный русским стилем, смог воплотить формально-эстетическую программу европейского «нового стиля».

Проектируя свой собственный дом, Соловьев опирался на вполне конкретные западные образцы. С уверенностью в облике московской постройки опознаются черты двух знаковых произведений

раннего франко-бельгийского модерна – дома-студии архитектора Поля Анкара в Брюсселе и доходного дома «Кастель Беранже» Гектора Гимара в Париже. Второй кажется источником общей стилистики дома Соловьева, довольно сдержанной в сравнении с большинством образцов «нового стиля» и ненавязчиво отсылающей к формам средневековой городской застройки. Несмотря на грандиозную разницу масштабов и функциональных задач, московская постройка напоминает парижскую щипцовым завершением фасада; «ползущими» по диагонали окнами, которые выдают в экстерьере местоположение лестницы; интригующим сочетанием гладко оштукатуренных поверхностей (имитирующих каменные детали) с фактурой облицовочного кирпича и пластичными металлическими элементами.

Интересно, что в 1901 году Соловьев придумал для своих подопечных в

Училище живописи, ваяния и зодчества задание, по условиям которого требовалось составить проект дома-особняка для художника, причем особо подчеркивалось: «стиль – французский». Идейная связь между педагогикой и творчеством налицо.

Что же касается брюссельского прототипа дома Соловьева, то здесь стоит говорить о прямом цитировании фасадной композиции ателье Анкара. Московский зодчий изящно «вплетает» ее в свой проект, усиливая романтический флер посредством скульптурного декора, выполненного упоминавшимся Николаем Андреевым. Прозаическая деталь – отверстие для корреспонденции сбоку от входной две-

ри оформлено в виде стилизованной летучей мыши, расправившей крылья. С другой стороны в цоколь вмуровано изображение крадущегося льва, напоминающее ассирийские барельефы. Углы здания стерегут лепные совы, а на фасаде по Хлебному переулку разворачивается целая сюита символических образов, намекающих на атмосферу творчества и красоты, царящую в стенах особняка.

Это керамическое панно с видом античных руин при лунном свете и рас-

Деталь

В ЗАМЫСЛОВАТЫХ УЗОРАХ КРУГЛЫХ МЕДАЛЬОНОВ

под нависающим карнизом заключены даты строительства дома – частично арабскими, частично римскими цифрами: «1-9-0-1» и «MD-CC-CC-II» («1902»).

ющих на сродство с «почтовой» летучей мышью при входе?) на доме добрейшего семьянина и умеренного в своих артистических дерзаниях московского архитектора было способно вызвать не столько мистический трепет, сколько растроганную улыбку.

Как показывают архивные чертежи, мысль о столь насыщенном художественно-декоративном убранстве дома возникла не сразу. Первоначально на месте керамических панно с пейзажем и олицетворениями искусств предполагались шаблонные «ренессансные» филенки, распространенные в архитектуре эклектики. Появление изобразительных мотивов не просто оживило облик здания, но и существенно откорректировало его стилистические характеристики, приблизив к образцам московского модерна, щедро украшавшимся многоцветными керамическими мозаиками. К слову, самый знаменитый из них – отель «Метрополь» также украшен скульптурой Николая Андреева – его фриз «Времена года» лентой нескончаемого шествия мужских, женских, детских фигур опоясывает фасады здания.

Авторство же керамических деталей достоверно не установлено, хотя местом их изготовления был, скорее всего, завод «Абрамцево» за Бутырской заставой, названный его владельцем Саввой Мамонтовым в честь своей прославленной усадьбы. Исследователи предполагают возможность использования в качестве эскизов работ различных живописцев – Марии Якунчиковой-Вебер, Михаила Врубеля и даже Виктора Васнецова. Не исключена также и вероятность авторства самого Соловьева, ведь акварели, привезенные им из пенсионерской командировки, весьма хороши и свидетельствуют о немалом таланте его как художника.

положенная ниже горельефная головка Афины Паллады, наглядно покровительствующей искусствам, которые представлены изображениями четырех «муз» – ваяния, живописи, архитектуры и музыки, также решены в майолике. Интерпретация образа Афины, напоминающей не столько древнюю богиню, сколько олицетворение *femme fatal* (роковой женщины), чарующей и одновременно пугающей декадентов, фокусирует в себе противоречивость этических и эстетических стремлений эпохи. Однако не стоит забывать про контекст. Появление столь «демонического» лика в сопровождении цветов дурманящего мака и перепончатых крыльев (намек

Планировка дома отразила уклад жизни и специфику занятий домовладельца. Входной вестибюль с парадной лестницей, ведущей на первый и второй этажи, вынесены в особую пристройку. На первом этаже главного объема разместился рабочий кабинет архитектора с библиотекой и печью, облицованной кафелем; наверху – жилые комнаты и светлая чертежная мастерская, в которой Сергей Устинович работал вместе со своими помощниками.

*Letum non omnia binit**

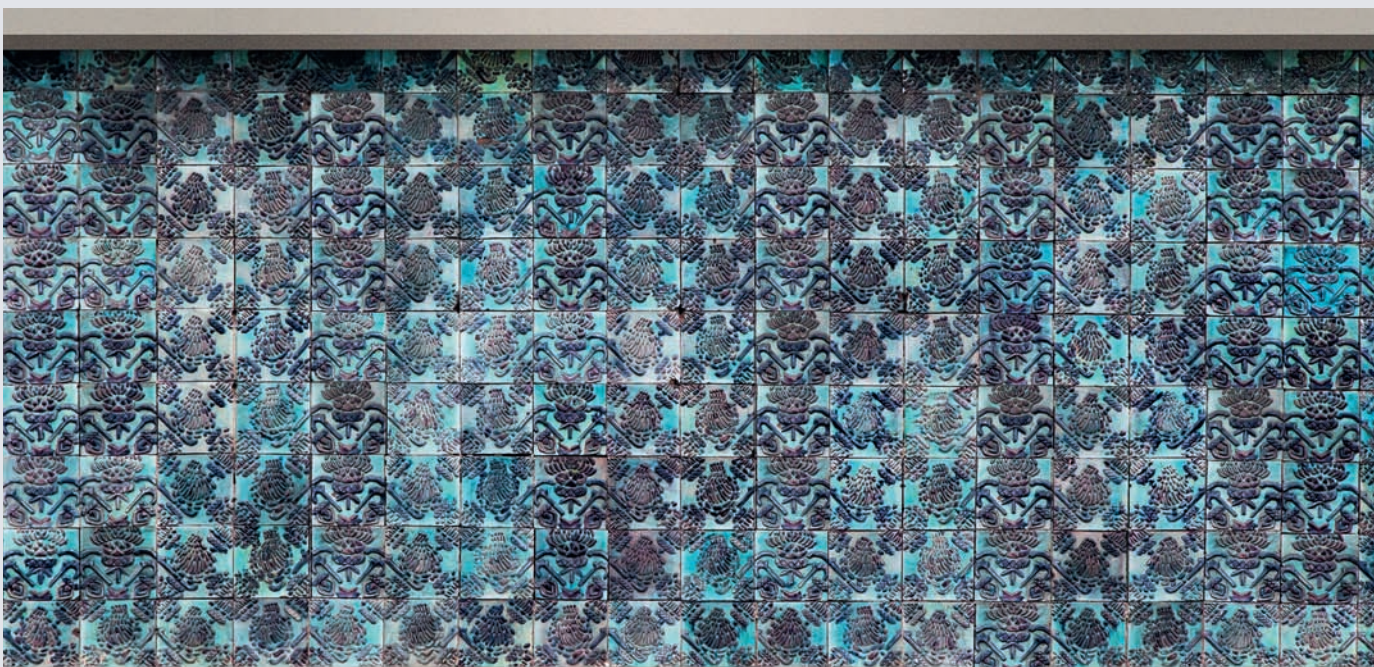
В сентябре 1912 года архитектора не стало. Содержание дома, и прежде выходившее в копеечку, оказалось непосильным бременем для вдовы с тремя юными дочерьми. Заложенный в Московском кредитном обществе еще при жизни его строителя особняк было решено продать, а самим снять квартиру в только что возведенном доходном доме Филатовой на Арбате (т.н. «Доме с рыцарями»). К этому времени дом-студия в Малом Ржевском приобрел репутацию одной из московских достопримечательностей. В частности, составители «Путеводителя по Москве», выпущенного в 1913 году для участников V съезда русских зодчих, сочли целесообразным поместить фото его фасада в числе наиболее значимых приобретений московской архитектуры последних лет.

Новым владельцем дома-студии Соловьева стал также человек незаурядный, художник-график Павел Яковлевич Павлинов. К тому времени он, выпускник Морского кадетского корпуса, вольнослуша-

телем посещавший классы Академии художеств, сделал окончательный выбор в пользу искусства и, выйдя в отставку, поселился в Москве. С 1914 года Павлинов входит в состав Московского Товарищества художников, а в грозном 1918-м возглавляет его. Дом в Малом Ржевском в этот период не только служит местом проведения художественных вечеров, собраний Товарищества, но и продолжает функционировать как творческая мастерская – только уже не архитектурная, а печатная ксилографическая. В 1920-х Павел Яковлевич снискал известность как мастер книжной иллюстрации и преподаватель ВХУТЕМАСа.

Уходящая натура

Павлиновы прожили в доме до 1921 года, хотя владение столь приметной недвижимостью в Москве стало опасным сразу после прихода к власти большевиков. По данным на 1922 год, по адресу Малый Ржевский пер., 6 располагалось Экономическое представительство Грузии в РСФСР, преобразованное в связи с образованием Советского Союза в Постоянное Представительство Закавказской Социалистической Федеративной Со-

* Со смертью все не кончается

ПОСОЛЬСКИЕ
ОСОБНЯКИ
НА ПОВАРСКОЙ УЛИЦЕ
РАБОТЫ
ЛЬВА КЕКУШЕВА —
ТОЛЬКО ЧАСТЬ
«КОММЕРЧЕСКОГО
ЗАМЫСЛА»
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ
ЯКОВА РЁККА

ветской Республики, объединявшей до 1937 года Грузинскую, Армянскую и Азербайджанскую ССР. В 1960 году Малый Ржевский переулок был переименован в честь выдающегося грузинского композитора Захария Палиашвили. Вплоть до распада Союза в доме 6 находилось Постоянное Представительство Грузинской ССР при Совете Министров СССР, со временем закономерно превратившееся в Посольство суверенной Грузии (в настоящий момент – Секция интересов Грузии при Посольстве Швейцарии).

В советский период к бывшему дому архитектора Соловьева пристроили кубический модернистский объем по линии Хлебного переулка. Вызванное понятным желанием пользователя увеличить пространство, это добавление, однако, заметно контрастирует со стилем особняка 1900-х годов. Печальные «преобразования» его облика, увы,

продолжаются: не так давно исчезла оригинальная двустворчатая дверь главного входа. Сменивший ее безликий металлический лист на петлях ничем не отличается от аналогов, берегущих покой обитателей спальных районов. Стоит пожалеть и об утраченной отделке интерьеров, спроектированной автором-домовладельцем с большим вкусом и мастерством исторической стилизации. Сегодня эта красота доступна нам лишь на архивных фотографиях...

Р.С. «МН» благодарит наследников П.Я. Павлинова, в частности, историка искусства П.С. Павлинова, за помощь в подготовке публикации.

Текст: Виктор Сутормин

ПРИКЛЮЧЕНИЯ *одной идеи*

Особняк М.Г. Позниовского
(Посольство Афганистана).
Ул. Поварская, 42.
Арх. Л.Н. Кекушев, 1900–1903 гг.;
В.М. Мотылев, 1910 г.

Улицу Поварскую, засаженную тенистыми липами, некоторые склонные к юмору горожане в начале XX века называли Линденштрассе – такая она была стильная, по-европейски благообразная и солидная. Ни конка, ни трамвай не нарушали своим шумом ее покой, ибо жильцы доходных домов позволяли себе не экономить на извозчике, а владельцы особняков имели собственный выезд или автомобиль с шофером.

«Новое коммерческое предложение» для новых людей

В начале XX века деньги в здешнюю недвижимость вкладывали промышленники и финансисты. Выходцы из крестьян, ставшие текстильными королями и железнодорожными магнатами, имели потребность в жилье, достойном их нового статуса – со всеми удобствами, с паровым отоплением, выстроенном по самой последней моде.

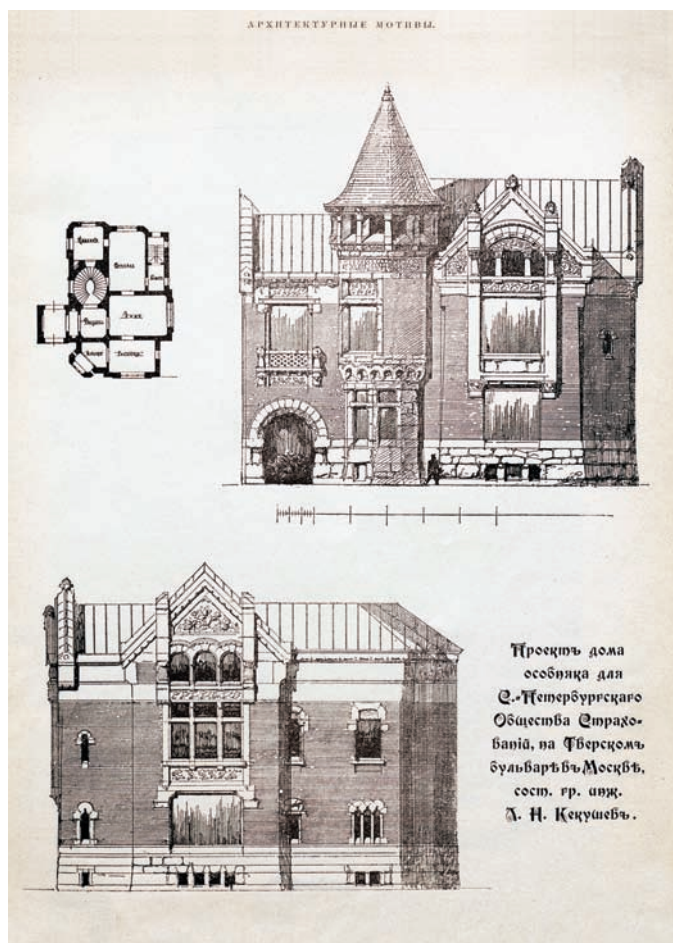
Первым, кто уловил возникший спрос, был Савва Мамонтов. «Северное домостроительное общество» вначале было им создано для утилитарной цели – возведения доходных домов на участках рядом с Мамонтову же принадлежавшей Ярославской железной дорогой. Но когда Савва Иванович вошел в проект перестройки «Метрополя», его замысел обрел иное значение. Возвести на месте второсортной гостиницы не только отель мирового класса, но целый многофункциональный комплекс с выставочным залом и сценой для «Частной оперы» – это была задача и техническая, и художественная. Для ее решения Мамонтов собрал целое созвездие талантов, способных создать не просто большой и красивый дом со всеми удобствами, но целостную, художественно осмысленную среду, где каждый предмет обстановки был бы поднят до уровня искусства. Таковы были запросы тогдашнего общества.

Не только гостиница, но и частные дома могут и должны быть красивыми и комфортными, вот такие и нужно строить! Полностью готовые к заселению, рассчитанные на состоятельного покупателя и потому продуманные до мельчайших деталей, выполненные по последнему слову техники, а главное – по последнему слову моды. Не нужно искать заказчиков, на уже готовые архитектурные шедевры в стиле art nouveau покупатели сами найдутся.

Исходя из этих соображений, «Северное домостроительное общество» приобрело и расчистило участок на Тверском бульваре. После успешно проведенного конкурса на лучший фасад «Метрополя» Мамонтов хотел было «объявить конкурс на составление проектов нескольких домов-особняков», но ограничился тем, что просто заказал эти проекты Льву Николаевичу Кекушеву, который как главный архитектор «Северного домостроительного общества» прекрасно проявил себя при перестройке «Метрополя». Его проект фасада был удостоен 1-й премии (хотя в окончательном варианте облик гостиницы соединил в себе самые интересные решения, предложенные авторами четырех премированных проектов). К тому же смета на строительство «Метрополя» была уже много-

кратно превышена, что сильно усложняло отношения между «Северным домостроительным обществом» и «Санкт-Петербургским обществом страхований», владевшим гостиницей. Тут уже было не до конкурсов. Впрочем, страховщики вообще не рискнули затевать строительство, и участок на Тверском бульваре предпочли продать, а Мамонтов и вовсе утратил возможность вести предпринимательскую деятельность, поскольку в сентябре 1899 года был арестован по обвинению в растрате и, хотя присяжные его и оправдали, оказался банкротом. Заказанные Мамонтовым проекты Кекушев выполнил уже не для него. Идея строить особняки не для конкретного заказчика, а просто на продажу, не умерла.

Л.Н. Кекушев. Проект особняка «Санкт-Петербургского общества страхований» на Тверском бульваре. Фасады. 1899

«Надо Москву украсить стильными домами»

Во всяком случае, предприниматель Яков Андреевич Рёкк тоже планировал этим заняться. «Надо Москву украсить стильными домами, которые, имея технические удобства западноевропейских городских строений, в то же время не убивали бы национального колорита Москвы», – так сформулировал он свою цель, имея в виду обычаи строить городские дома на манер усадеб. И хотя позволить себе эту роскошь мог далеко не каждый, Рёкк верил в успех своего проекта. Созданное им «Московское Торгово-строительное акционерное общество» приобрело в 1899 году участки в Мертвом (ныне Пречистенском) переулке, где вскоре были построены два особняка по проектам В.Ф. Валькота.

Родившийся в Одессе и получивший образование в Петербурге и Париже Вильям Францевич Валькот громко заявил о себе успешным участием в конкурсе на лучший фасад «Метрополя» (его проект был удостоен 4-й премии). Одаренный архитектор и прекрасный рисовальщик, Валькот построил один особняк в стиле англо-шотландского, другой – французского модерна. Однако 25-летний шотландец не имел достаточного опыта в строительстве, а Рёкку требовался специалист, способный руководить одновременно несколькими проектами. Поэтому на должность

главного архитектора «Московского Торгово-строительного акционерного общества» был приглашен Лев Кекушев. Под его руководством заказы Якова Рёкка выполняли Иван Фомин, Густав Гельрих и другие архитекторы, а сам Лев Николаевич построил доходный дом на Пречистенке и два особняка на Поварской. Расположенные по соседству, созданные одним зодчим, начатые и оконченные одновременно, особняки получились не похожими друг на друга, и судьбы им выпали тоже очень разные.

Посольство Афганистана: снимите шляпу...

Дом на углу Поварской и Скатертного переулков (Поварская ул., дом 42), облицованный светлой глазурованной плиткой, привлекал взгляды прохожих криволинейными оконными переплетами, ажурным ограждением плоской кровли, а также покрытым листовой медью четырехгранным куполом. Похожий на широкополую шляпу, он увенчивал угловую часть здания, главный элемент его композиции. Вертикальный объем с парадным входом, обложенным блоками натурального камня, выступал на передний план, подобно шагнувшему на авансцену актеру. Фасад слева деликатно отступал за узкий палисадник, справа стена неглубокими уступами уходила в переулок.

Кроме оригинального композиционного решения и продуманных планировок здание должно было привлечь будущих жильцов изящными интерьерами и множеством технических новинок того времени, от электрического освещения до калориферного отопления с системой вентиляции. Но, к большому удивлению и огорчению Якова Река, комфортабельный и во всех отношениях привлекательный особняк, выставленный на продажу в 1904-м, продолжал висеть на балансе «Московского Торгово-строительного акционерного общества» еще 4 года.

Сложно понять, что именно не устраивало потенциальных покупателей – чересчур необычный вид здания или высокая цена (а Яков Рёкк, несомненно, хотел хорошо заработать на своем проекте). Да и события 1905 года вынуждали состоятельных людей относиться с опаской к приобретению недвижимости в России, когда дело пахнет революцией. Так или иначе, лишь в 1908 году этот дом за 165 000 рублей приобрел текстильный фабрикант Матвей Понизовский, член Московского автомобильного общества и Общества пособий бедным евреям. Похоже, что для него имели значение отнюдь не архитектурные достоинства особняка, а лишь его расположение в очень respectable районе: уже в 1910 году по желанию Понизовского архитектор Василий Мотылев произвел реконструкцию дома. Интерьеров она не коснулась – потолочная живопись и витражи, оригинальные кекушевские светильники и мебельная фурнитура сохранились, но внешний вид здания изменился кардинально. Вышедший из моды стиль ар-нуво уступил место неоклассике.

После революции особняк М.Г. Понизовского был национализирован и в 1922 году передан в пользование Посольству Королевства Афганистан – первого государства, признавшего РСФСР. По такому случаю помещения наполнили предметами обстановки из музейных фондов, а стены украсили полотнами известных художников, конфискованными у прежних владельцев. В 1958 году решением Советского правительства бывший особняк Понизовского был передан афганской стороне в бесплатную аренду на 99 лет.

В 2009 году построенный Львом Кекушевым особняк вошел в список объектов культурного наследия, охраняемых государством. Посетить его можно в рамках экскурсий, проводимых в Дни исторического и культурного наследия.

Посольство Новой Зеландии: под сенью путти

Второй особняк (Поварская, дом 44) – одна из лучших работ Льва Кекушева и даже более того – один из самых ярких образцов московского модерна. Но прежде всего это кекушевский модерн, с очень характерными, узнаваемыми формами и приемами: выгнутыми аттиками, ажурной оградой балкона, сочным скульптурным декором, пружинистыми коваными консолями и оградой, скопом стен на уровне цоколя. Однако отделка в духе франко-бельгийского направления ар-нуво – не главное в этой

постройке, гораздо важнее новый подход к пространственной композиции дома, его внутренней структуре.

Вместо планировки классического типа – с внутренними коридорами, с определенной смысловой симметрией в расположении комнат – архитектор предоставляет пространству свободу, чтобы отдельные, залитые светом помещения могли «перетекать» друг в друга беспрепятственно. Как пишет М.В. Нащокина, здесь «соблюдается один из неписаных законов архитектурной организации пространства – попадая в дом, человек должен всегда идти «на свет», связь с внешним миром ориентирует его в интерьере». Чтобы это получить, Кекушев как бы составил дом из нескольких плотно пригнанных друг к другу кубов и призм и затем сплавил все в единый объем. Результатом стала постройка асимметричная, но при этом очень гармонично формирующая угол Скарятинского переулка и Поварской. Здание с любой точки смотрится великолепно. Кстати, облик дома – подчеркнуто городской, представить его стоящим где-то «на лоне природы» довольно трудно.

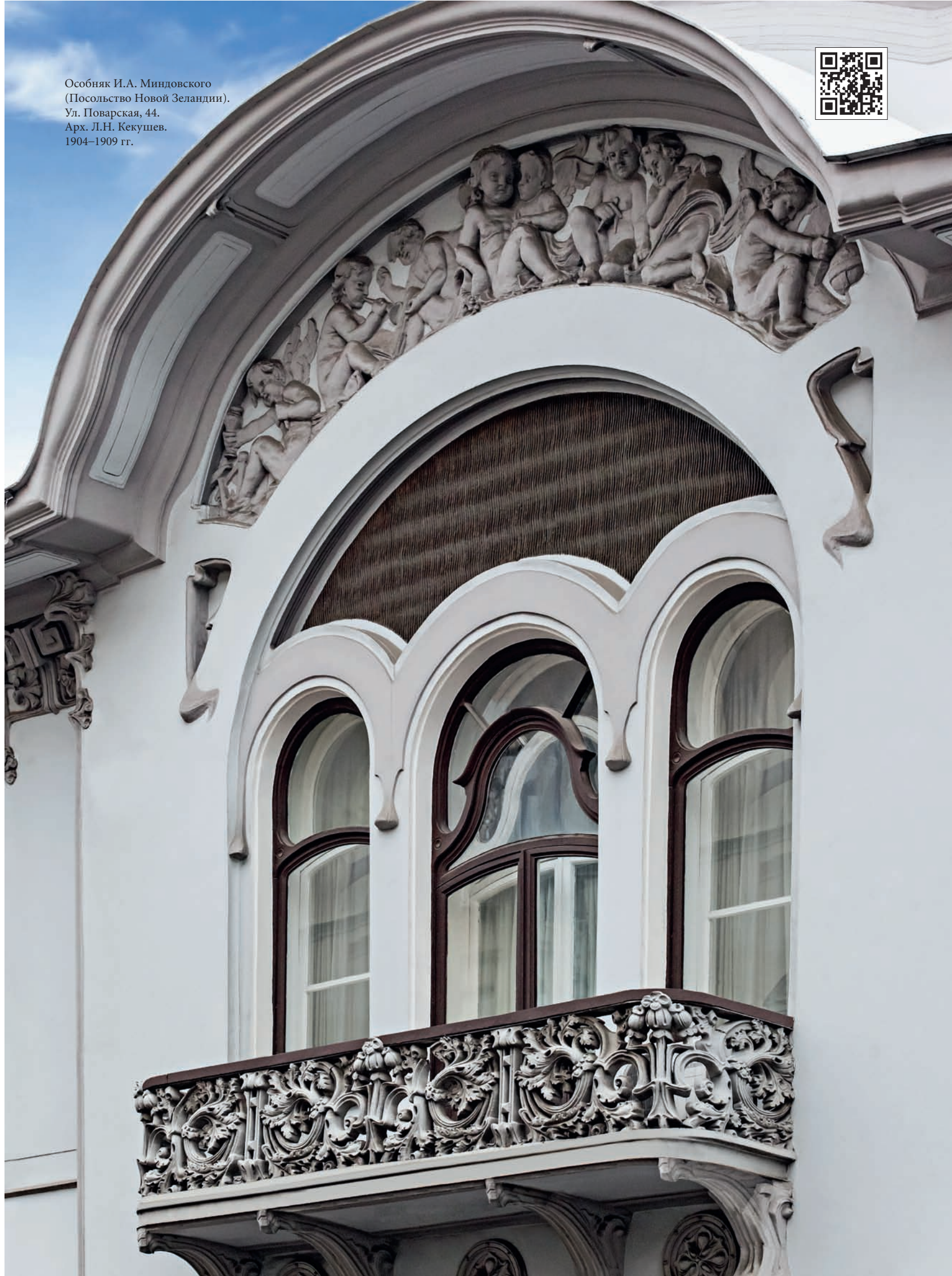
Особого внимания заслуживает скульптурный декор. Выходящее на Поварскую трехчастное окно второго этажа украшает архивольт с изображением путти – маленьких мальчиков, рожденных для прекрасного мира. Они беседуют, изучают глобус, один играет на дудочке, другой высекает вазу из мрамора... Выгнутый козырек над барельефом до революции венчала скульптура богини, разбрасывающей цветы, – символ радости и благополучия, не вписавшийся в парадигму жертвенного XX века.

Фасад со стороны Скарятинского переулка декорирован одновременно и проще, и сложнее. Все неброско и спокойно – круглые медальоны, листья каштанов, маскароны с женскими лицами... Но стоит всмотреться, как проявляются прежде не замеченные детали: над окнами второго этажа нечто вроде замковых камней, изящно-тягучих, прорезают собой горизонтальные полосы с притаившимися между ними полушариями, похожими на осинные гнезда. Две лорелеи могли бы быть одинаковыми – но они разные. Та, что справа над овальной люкарной, смотрит на прохожих сосредоточенно, а вторая, на левом эркере, полуприкрыла веки и словно старается не уснуть. Есть еще и третья лорелея, которая дремлет на обращенной к северу стене дворового фасада. Словно Спящую красавицу, ее оберегает принц – правда, не в виде статуи, а всего лишь парадного рыцарского шлема с плюмажем из листьев и лент. А где принц, там и верный конь – над воротами конюшни красуется изящная гипсовая голова скакуна.

Вообще, мотивы живой природы в стилистике модерна занимали важное место, в полной мере они проявились и здесь. Фонари на устоях ворот – два светлячка, ограда напоминает переплетение побегов растения, а кованые створки ворот подобны крыльям бабочки. Еще есть тритон, лапками и пастью удерживающий гирлянду цветов. А вот фирменного кекушевского льва обнаружить не удастся (хотя некоторые источники указывают, что львиными масками были изначально украшены дымовые трубы).

Особняк И.А. Миндовского
(Посольство Новой Зеландии).
Ул. Поварская, 44.
Арх. Л.Н. Кекушев.
1904–1909 гг.

В декоре интерьеров преобладает растительная орнаментика, особенно в травленых стеклах зимнего сада и витражах. Архитекторы эпохи модерна очень любили витражи, а Кекушев к стеклу был равнодушен с молодости. Еще студентом Петербургского института гражданских инженеров он участвовал (и побеждал) в конкурсах «на составление рисунка шлифованного или вытравленного на стекле украшения», проводившихся одним из лучших стекольных предприятий России – художественной мастерской братьев Франк, – поэтому любил использовать технологии, хорошо ему известные.

Мраморные перила и бронзовое ограждение парадной лестницы, облицованный ониксом камин, гипсовая лепнина плафона в гостиной – все в этих интерьерах должно было понравиться человеку, обладающему взыскательным вкусом и солидным состоянием. Но и этому дому дожидаться жильцов пришлось долго. «Московскому торгово-строительному акционерному обществу» в ожидании покупателя пришлось использовать для представительских целей до 1909 года.

А ведь всего несколькими годами ранее у Якова Андреевича Рёкка не было сомнений в том, что план сработает! Более того, и сделки совершались.

Существует информация, что из этой непростой ситуации Яков Андреевич нашел оригинальный выход – он «в качестве расчета за построенные в Москве и непроданные дома стал приобретать имения в Виленской, Киевской, Минской, Полтавской, Рязанской губерниях. Затем, действуя по схеме землеустроительных комиссий, созданных в ходе аграрной реформы П.А. Столыпина, Рёкк дробил большие имения помещиков на мелкие хуторские хозяйства и через Харьковский земельный и государственный Крестьянский банки продавал их крестьянам». Возможно, что описанную схему он и применял, но непонятно, к какому из объектов она имела отношение – разве что к доходным домам.

Что же до особняков, то тот, что на Поварской, 44, купил в конце концов текстильный магнат Миндовский.

Миндовские были родом с Поволжья. Основатель династии, Иван Миндовский, свою первую бумаго-сновальную и красильную фабрику организовал, еще будучи крепост-

ным. Трудилось на ней 200 рабочих и 470 надомников, и развивалось предприятие настолько успешно, что уже через три года Иван Иванович смог оплатить помещику Глушкову вольную для себя и всех домочадцев. Второе поколение Миндовских развернуло текстильный бизнес еще шире, породнилось с другими фабрикантами – семействами Кокоревых, Бакакиных, Коноваловых и Красильщиковых. Некоторые из них впоследствии стали клиентами Якова Рёкка – например, Красильщиковы купили особняк на Большой Никитской, 56 (архитектор Густав Гельрих, ныне резиденция посла Египта).

Иван Александрович Миндовский, представитель третьего поколения семьи, и сам имел вкус к хорошему жилью, и детям его передал. Кроме особняка на Поварской он в разное время приобрел еще два – на Большой Ордынке, 43 (арх. Владимир Чагин) и в Леонтьевском переулке, 9 (арх. Дмитрий Чичагов, ныне Представительство ООН в Москве). Дочь Ираида жила в доме, построенном Федором Шехтелем (Вспольный переулок, 9 стр. 2, ныне резиденция посла Индии), дочь Ольга с мужем Александром Бакакиным –

неподалеку и тоже в хорошем доме (Вспольный переулок, 1, арх. Адольф Эрихсон, ныне Посольство Туниса). Для сына Николая особняк рядом с вальковтовскими построил архитектор Никита Лазарев (ныне Посольство Австрии, Старокожуховский переулок, дом 1/6).

С 1972 года в бывшем особняке Миндовских располагается Посольство Новой Зеландии. За прошедшие десятилетия обитатели дома по-настоящему сроднились с ним. Супруга посла, г-жа Филиппа Ларкиндейл, написала историю здания, которая хранится в посольстве и сейчас, после их возвращения на родину. Новый посол, г-н Уильям С. Прайор, тоже полюбил этот дом, ставший для новозеландцев родным, и 100-летний юбилей своей резиденции отметил настоящим праздником, для которого специально была подготовлена и напечатана книга «Особняк И.А. Миндовского». Правительство Москвы не могло оставить без внимания такое трепетное отношение к культурному наследию России, и представительство Новой Зеландии было удостоено премии «За уважение к культуре России».

Текст: Татьяна Лючанова, правнучка С.П. Берга

ИТАЛЬЯНСКИЙ ОСТРОВ

БЕРГА

Семейная история

В 1991 году посол Италии в России Фердинандо Саллео и его супруга Федерика Саллео издали книгу «Итальянское посольство в Москве». В предисловии к ней посол написал: «Я надеюсь, что с помощью фотографий и архивных материалов эта книга поможет передать уникальность Московской атмосферы, в которой Итальянское Посольство жило и работало почти семьдесят лет». Первая глава книги, которая называлась «Особняк Берга и Москва», посвящена потомственному дворянину и одному из крупнейших промышленников России Сергею Павловичу Бергу, владельцу построенного в 1897 году особняка, сегодня занятого итальянским посольством. В то время авторы книги располагали сведениями, что вся семья Бергов после революции эмигрировала в Швейцарию, однако это не соответствовало действительности: на самом деле они приняли сознательное решение остаться на Родине. Когда это выяснилось, потомков Сергея Павловича Берга неоднократно приглашали в итальянское посольство. Семья Бергов подарила сеньоре Саллео бронзовый бювар, который когда-то лежал на письменном столе в кабинете Сергея Павловича.

Результат восхищает!

В 1893 году Сергей Павлович Берг купил участок земли в Денежном переулке и обратился в Московскую городскую управу с просьбой разрешить ему сломать старый деревянный дом и вместо него построить каменный особняк, на что и получил добро. Проект особняка был заказан известному архитектору того времени Петру Самойловичу Бойцову. Над интерьерами работали также известные архитекторы – Алексей Викторович Флодин и Владимир Дмитриевич Адамович.

Бойцов являлся блестящим мастером эклектики, однако, Берг доверился таланту Бойцова только после серьезного изучения уже реализованных проектов архитектора – таких, как, например, «романтический замок» Майендорф в Барвихе и дом князя Б.В. Святополк-Четвертинского на Поварской улице (ныне Дом литераторов). Да и сам Сергей Павлович желал видеть в своем доме смешение стилей и непременно итальянские мотивы: он обожал Италию, где часто бывал.

С выбором архитектора мой прадед явно не ошибся. В сложной эклектике особняка смело смешиваются неогрек, барокко, ренессанс –

Стеклянная часть обеденной комнаты

Обеденная комната с разложенным столом

Парадная лестница

«Красная комната», в которой убили германского посла

результат восхищает! В интерьерах использовано множество великолепных деревянных деталей, эскизы к которым Бойцов рисовал собственноручно. Многочисленные античные элементы воспроизведены с археологической точностью.

Этот дом-замок имеет особенную структуру внутренних помещений: комнаты соединены между собой и расположены вдоль фасада. Все внутренние помещения имеют порталные обрамления и громадные оконные проемы, наполняющие пространство светом и воздухом. Великолепие начинается с лестницы, которая ведет к залу для приемов – огромному пространству с прекрасным паркетным полом, сделанным из светлых пород дерева. Здесь происходили великолепные зрелищные приемы, в том числе знаменитый «электрический бал» у Бергов. Особняк прадеда – первый московский частный дом, в который было проведено электричество.

На бал пригласили весь высший свет Москвы – аристократов, чиновников, предпринимателей. Среди гостей оказался известный журналист Владимир Гиляровский, который подробно описал зрелище включения света – неожиданного сюрприза, поразившего гостей. Мало кто знает, но в особняке Берга были и другие электрические новинки: например, в спальне – замаскированная под зеркало дверь, которая открывалась с помощью электрической кнопки (для того времени удивительная вещь!).

Трагедия «красной комнаты»

Посольская жизнь особняка началась с апреля 1918 года, когда в нем разместилось германское посольство. 23 апреля 1918 года посол Германии граф Вильгельм фон Мирбах-Харф представил верительные грамоты председателю ВЦИК Якову Свердлову, а уже 6 июля он был убит. Произошло это в печально известной «красной комнате» особняка. За день до убийства почему-то была снята посольская охрана. В 14:15 6 июля к особняку подъехал автомобиль, из него вышли два человека в форме ВЧК – эсеры Андреев и Блюмкин, которые потребовали встречи с послом. Их провели в красную гостиную, и к ним вышел граф Мирбах. После непродолжительной беседы Блюмкин выхватил револьвер и открыл огонь, смертельно ранив дипломата. Террористы выпрыгнули в разбитое окно и скрылись. Вечером в посольство прибыл Ленин и, выразив соболезнование, обещал наказать убийц. Правительство большевиков обвинило левых эсеров в попытке срыва мира с Германией, и на V съезде Советов в Москве их лидеры были арестованы. А «красная комната»

в особняке до сих пор не используется для рабочих целей итальянскими дипломатами, которые чтят, таким образом, память немецкого коллеги.

После установления дипломатических отношений между Италией и Советским Союзом особняк Берга был передан в 1924 году дипломатической миссии Италии. В 1925 году послом Италии был назначен граф Гаэтано Манцони. Направленный правительством Муссолини посол имел полномочия в переговорах по вопросу отношений между Россией и Великобританией. Вот как описывают презентацию верительных грамот сотрудники итальянского посольства того времени: «Презентация была назначена на 22 февраля, но была отложена на несколько дней из-за нездоровья одного из дежурных председателей исполнительного комитета, к которому были официальные обращения как главному лицу. В связи с крайней необходимостью был вызван в Москву Михаил Иванович Калинин. Манцони передал ему верительные грамоты. Церемония была простая: Манцони произнес речь на итальянском языке, а Калинин ответил ему на русском. Это событие проходило при участии Георгия Васильевича Чичерина, участвовавшего в качестве переводчика».

Чичерин и другие советские гости

В марте 1925 года Манцони подписал договор аренды особняка в Денежном переулке на три года за 32 000 рублей золотом, что было эквивалентно 15 391 доллару, или

85 000 итальянских лир. В 20-х – начале 30-х годов жизнь в посольстве была организована на «коллективных принципах»: весь персонал жил в здании представительств. В ту пору советская власть стремилась установить культурные связи с западными странами: были приняты встречи и интеллектуальные дискуссии с западными и итальянскими дипломатами.

Частыми гостями посольства были наркомы иностранных дел Чичерин, позже – Литвинов. Чичерин свой дипломатический долг видел в признании миром преемственности между прежней царской и новой советской Россией. Имевший «итальянские корни» (его далекий предок прибыл в Москву в составе итальянского посольства в XV веке), он особенно любил посещать «итальянский остров» – Посольство Италии в особняке Берга. Георгий Васильевич был высокообразованным человеком и артистически одаренной натурой: музыкантом, знатоком живописи, автором биографии Моцарта, он прекрасно владел многими языками. Особую любовь нарком иностранных дел питал к фортепианным концертам, проходившим в итальянском посольстве. В 1925 году графиня Сильвия Манцони, используя свою роскошную коллекцию театральных костюмов, устроила костюмированный бал, на который был приглашен и Чичерин со своими помощниками. Встречались итальянские дипломаты и с деятелями искусств: старая фотография сохранила для нас память о посещении посольства артистами театра Мейерхольда после генеральной репетиции комедии «Мандат» 16 апреля 1925 года.

POSTGENITUS

БЕРГИ – БЫЛИ И ЕСТЬ! НЕСМОТЯ НИ НА ЧТО...

Сергей Павлович Берг, по образованию инженер, был сыном дворянина Павла Сергеевича Берга и его жены Ольги Ивановны Ярцовой (дочери дворянина Ивана Матвеевича Ярцова). Берги и Ярцовы – потомственные горнозаводчики Урала и Сибири. Сергей Павлович и его брат Василий Павлович оказались достойными продолжателями семейного дела. Берги прославились также немалым финансовым участием в российской культуре, образовании и благотворительности.

У Сергея Павловича и его жены Ольги Леопольдовны было семь сыновей, в том числе мой дед, Владимир Сергеевич, и одна дочь. Дореволюционная фотография запечатлела еще счастли-

вую и благополучную семью на даче в Быково. После революции 1917 года судьба С.П. Берга, его жены и детей сложилась трагически.

Сыновья Павел и Сергей (на втором плане фотографии, справа от отца) были в составе спецотряда, сформированного для освобождения царской семьи в Екатеринбурге. Они погибли по дороге в Екатеринбург: очевидцы опознали их изрубленные тела. Василий умер от болезни вскоре после освобождения из сталинских лагерей. Был женат, имел дочь Елену. Сыновья Константин и Дмитрий, дочь Ольга умерли от туберкулеза в конце тридцатых годов. У Ольги был сын Владимир. Сын Сергея Павловича – Николай (третий справа на переднем плане) был талантливым инженером. В 30-е годы он стал директором завода, но вскоре его арестовали и отправили в

сталинские лагеря на 10 лет. Он жил в Серпухове, был женат, имел сына Константина. Умер в начале 80-х годов прошлого века.

В семейном архиве сохранилась фотография 1975 года. На ней Николай Сергеевич Берг и жена его брата Владимира Сергеевича – Татьяна Леонидовна Берг, моя бабушка, идут под руку мимо когда-то своего дома – особняка в Денежном переулке. В этом особняке родилась в 1915 году и старшая дочь Владимира Сергеевича, моего деда, – Татьяна Владимировна.

В 1920 году, уже в Крыму, родилась вторая дочь – Вевея Владимировна, моя мама. Мой дед, Владимир Сергеевич Берг (на фото на даче в Быково – на переднем плане второй справа), воевал в Белой армии и после ее поражения оказался в Турции. Он больше никогда не

Прием в честь возвращения

В начале Второй мировой войны особняк Берга со всем имуществом, как государственным, так и частным, был передан на попечение посла Японии в Москве генерала Татекавы. Что располагалось в здании особняка в этот период, не совсем ясно. Известен только факт, что, когда Посольство Италии возвратилось в особняк, его сотрудники обнаружили мебель, сваленную в гаражах и отдельных комнатах и покрытую толстым слоем пыли. Восстановлением интерьеров занимались сотрудники посольства под руководством жены посла Клотильды Брозио. В декабре 1949 года новый посол Италии в Москве Манлио Брозио дал прием в честь возвращения дипломатов

его страны в свои первые московские стены. С того времени и по сей день Посольство Италии располагается в особняке Бергов.

Официальные приемы – важная часть посольской жизни. Самые грандиозные из них, на которые собираются до тысячи гостей, устраиваются в День провозглашения Республики Италия – 2 июня. В большом зале, где проходят все официальные встречи, на Рождество и на Пасху представитель Ватикана в Москве проводит праздничное богослужение, на которое приглашаются все желающие итальянцы. Посольство остается, как это и было изначально, «островом Италии» в российской столице.

смог встретиться с женой и двумя дочерьми – Татьяной и Вевеей, а их переписку запретили. Сам Сергей Павлович Берг и его жена Ольга Леопольдовна были по причине «неправильного» происхождения лишены продовольственной карточки

и умерли в нищете в начале войны. До старости дожили только Николай Сергеевич Берг и жена Владимира Сергеевича Берга – Татьяна Леонидовна Берг (скончалась в 1989 году), моя бабушка. Род Бергов в России продолжили семьи Николая, Владимира,

Василия и Ольги. Потомки Сергея Павловича Берга всегда следовали семейной традиции быть полезными своей стране. Среди внуков и правнуков Сергея Павловича Берга – ученые, врачи, офицеры, учителя, журналисты, писатели.

Текст: Константин Полещук

ВСЕМУ ГОЛОВА

В ЗДАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ООН В РОССИИ КОГДА-ТО ЖИЛ САМЫЙ ЗНАМЕНИТЫЙ МОСКОВСКИЙ ГРАДОНАЧАЛЬНИК НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВ

Э легантный двухэтажный особняк в Леонтьевском переулке (дом № 9) построен в 1882 году видным мастером эклектики, архитектором Д.Н. Чичаговым для предпринимателя, происходившего из богатейшей семьи Алексеевых, Н.А. Алексеева – самого известного и популярного московского городского головы. В советское время в здании находилось Посольство Кубинской Республики. Ныне в бывшем доме городского головы – представительство Организации Объединенных Наций.

Обаяние и драмы родительского дома

«Алексеевское семилетие» – один из самых, пожалуй, динамичных периодов в истории городского хозяйства Москвы. В «Московском Наследии» уже была публика-

ция о том, за что современники ценили московского «лорд-мэра» (№ 5, 2014 год). Но Алексеева как личность характеризует не только деятельность на посту городского головы, но и его семья, его семейный дом.

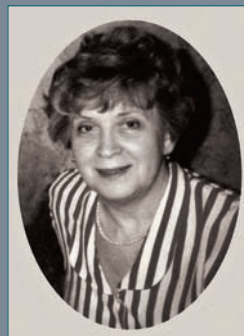
Николай Александрович родился в Москве, в родовом гнезде Алексеевых на Большой Алексеевской улице, в доме 29 (сегодня – ул. Александра Солженицына, 29), где провел первые десять лет жизни. Этот особняк сохранился и славен в московских летописях еще и как место рождения реформатора русского театра – Константина Сергеевича Алексеева (Станиславского), двоюродного брата Николая Александровича. В 1863 году семья будущего городского головы переезжает в дом на Пречистенском (ныне – Гоголевском) бульваре, 16, также сохранившийся до наших дней. Здесь прошли последующие семнадцать лет жизни нашего героя.

Особняк Алексеевых, расположенный в аристократическом районе Москвы, был одним из культурных центров города. Алексеевы-старшие, представители просвещенного московского купечества, серьезно увлекались классической музыкой, дружили с основателем Московской консерватории Николаем Григорьевичем Рубинштейном, с великим композитором Петром Ильичом Чайковским. Мать Николая Александровича была действительным членом Московского отделения Императорского Русского музыкального общества (ИРМО). На обедах и балах у Алексеевых бывали многие известные музыканты.

Знакомство с основателем Московской консерватории оказало большое влияние на Николая Алексеева. От природы он был наделен хорошим музыкальным слухом. Увлечшись творчеством и личностью маэстро Рубинштейна, юный Алексеев начал посещать заседания Русского музыкального общества. Молодой купец подружился со знаменитым музыкантом. Рубинштейн, оценив деловые качества Алексеева, стремился использовать его административный талант во благо искусства. Именно Рубинштейн предложил кандидатуру Алексеева на должность директора московского отделения ИРМО. В середине 1870-х годов финансы Московской консерватории и музыкального общества были расстроены. Один из пяти директоров, а с 1877 года – казначей Музыкального общества, Николай Александрович быстро изменил положение дела: он привел в порядок финансовую документацию и из собственных средств выделял беспроцентные ссуды московскому отделению ИРМО. Николай Александрович восхищал музыкантов своей энергией и плодотворной работой.

В родительском доме Николай Александрович обрел личное счастье. В 1876 году он женился на Александре Владимировне Коншиной (1852–1903), доводившейся племянницей Павлу и Сергею Михайловичам Третьяковым. Этот брак укрепил статус молодого Алексеева в среде купеческой элиты. Семейный союз оказался по-настоящему счастливым. В браке родилось три дочери. К сожалению, семейное счастье Николая Александровича порой нарушали разногласия, возникавшие между его матерью и супругой. Елизавета Михайловна отличалась жестким характером и, по словам современника, была женщиной «властной, умной, красивой и сумасбродной». Став бабушкой, Елизавета Михайловна стремилась навязать Александре Владимировне свою «стратегию» воспитания

POSTGENITUS

НА ЗДАНИЕ ООН ПРОСИТСЯ МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА

Дочери Н.А. Алексеева еще до 1917 года вместе с мужьями переехали в Европу – в Швейцарию, Германию, Австрию, где их потомки живут и по сей день. Московские потомки всей ветви «Рогожских» Алексеевых – тех, что с XVIII века жили у Рогожской заставы (к ним относился и Н.А. Алексеев), поддерживают память о своем знаменитом предке. О нем написаны книги: С.С. Балашов «Алексеевы» (2008), З.М. Агеева, Н.А. Добрынина «Николай Александрович Алексеев» (2012).

1-й Московской клинической психиатрической больницы (бывшей им. Кашенко) возвращено имя Н.А. Алексеева. Музыкальная школа на Николо-Ямской улице также носит имя Н.А. Алексеева.

В доме № 9 по Леонтьевскому переулку, где Н.А. Алексеев жил с семьей с 1881 года до своей смерти, теперь размещается Представительство ООН в России. Было бы справедливо, чтобы на этом доме была соответствующая мемориальная доска. Давно ждет своего часа установление памятного знака у стен Новоспасского монастыря в Москве, где в фамильном склепе Алексеевых (теперь разрушенном) покоится тело самого популярного городского головы, который так много сделал для Москвы. Сохранение достойной памяти о нем – это желание не только нас, его потомков, но и тысяч москвичей, знающих историю своего города.

Наталья Александровна Добрынина, внучатая племянница Николая Александровича Алексеева, кандидат химических наук, доцент химического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

внучек. Николай Александрович вынужден был выступать в роли примирителя, поддерживая все же супругу.

Неслучайный выбор архитектора

В 1880 году Алексеев, во многом по настоянию жены, решил отделиться от родителей и обзавестись своим домом. Николай Александрович покупает владение в Леонтьевском переулке, принадлежавшее потомственной почетной гражданке Н.М. Андреевой, хозяйке обувной фабрики. Алексеев заказывает строительство нового

дома представителю архитектурной династии Чичаговых – известному московскому зодчему Дмитрию Николаевичу Чичагову (1835–1894). Его архитектурная деятельность была очень разнообразной. В списке построек значилось тридцать три сооружения – общественные здания, церкви, школы, частные дома, усадьбы и дачи в Нижнем Новгороде, Киеве, Ростове-на-Дону, Томске, Крыму. Но особую известность Чичагову принесли его московские работы. В 1871 году он стал главным архитектором Политехнической выставки в Москве. Спустя одиннадцать лет удостоился золотой медали Промышленной выставки за «превосходные рисунки для промышленных целей и в особенности за разработку русского стиля, а также за долготелную полезную деятельность

на поприще искусства и промышленности». Чичагов – автор Тургеневской читальни, варварски снесенной в советское время. Символично, что именно Дмитрий Чичагов победил в конкурсе проектов нового здания Московской городской думы на Воскресенской площади (ныне – площадь Революции, 2), сооруженного по инициативе Н.А. Алексеева в 1890–1892 годах.

Комфорт по-московски

Особняк Н.А. Алексеева в Леонтьевском переулке можно назвать образцовым для стиля эклектики. Главное здание усадьбы и флигеля служб образуют внутренний двор в форме каре, распахнутый в Леонтьевский переулок. Эф-

Особняк Н.А. Алексеева
в Леонтьевском переулке.
Арх. Д.Н. Чичагов.
1880–1882 гг.

фектный парадный подъезд вносит разнообразие в уравновешенную композицию фасада. Прелестные женские головки смотрят на нас из сандриков окон. Красивая кованая ограда с чугунными столбами и витиеватым рисунком ворот завершает гармоничный образ старинного здания. Проецируясь на плоские поверхности стен особняка, фигурные металлические решетки придают особняку своеобразие и нарядность.

Интерьеры комфортабельного здания отделялись с учетом предпочтений супруги владельца. Так, по желанию Александры Владимировны, большая часть помещений была выкрашена в голубой цвет.

Работа Дмитрия Николаевича пришлась по вкусу заказчикам. Вскоре именно Чичагов получил заказ Елизаветы Михайловны Алексеевой на перестройку дома на Пречистенском бульваре, произведенную им в 1884–1886 годах.

Семья Николая Александровича переселилась в новый дом в 1882 году. Здесь прошли последние десять лет жизни замечательного москвича. Из дома в Леонтьевском 9 ноября 1885 уезжал на заседание городской Думы городской гласный Николай Алексеев, а вернулся избранный городской голова. В 1880-х – начале 1890-х этот дом был одним из главных центров московской жизни. Сюда приезжали с визитами, официальными и частными, многочисленные гости: коллеги-думцы, представители официального и делового мира, интеллектуальной и художественной элиты.

Творческих людей привлекала доброжелательная, интеллигентная и вместе с тем непринужденная атмосфера особняка в Леонтьевском. В семейном кругу Алексеев любил дурачиться, был мастером веселой шутки. Эта черта его характера запомнилась в семье Третьяковых. Вера Николаевна Третьякова отзывалась об Алексееве как о «веселом собеседнике». Ее старшая дочь Вера Павловна отмечала, что «в натуре Николая Александровича было много клоунства, балагурства, и, когда он хотел, мог балаганить и душить напропалую».

Проводы «не частного человека»

9 марта 1893 года во время приема посетителей в городской Думе умалишенный мещанин В.С. Андрианов тяжело ранил городского голову выстрелом в живот. Более суток врачи боролись за жизнь Николая Александровича. Знаменитый хирург Николай Васильевич Склифосовский провел сложную операцию под хлороформом. Характерно поведение Алексеева в последние часы жизни. По свидетельству современника, писателя Александра Валентиновича Амфитеатрова, «больной завещал не переносить его тела из Думы в свой фамильный дом, к семейному очагу. Он умер Алексеевым, гражданином и представителем Москвы... а не частным человеком».

Смерть городского головы потрясла москвичей. 14 марта 1893 года вся Москва скорбела вместе с убитой горем вдовой и дочерьми Алексеева. Гроб с телом покойного мэра был установлен в главном зале Думы. Помещение украшали 230 венков от организаций и учреждений Москвы, депутатов других городов Российской империи – Петербурга, Нижнего Новгорода, Тулы, Астрахани, Казани, Киева, Одессы, Харькова. Дипломатические представительства иностранных государств также почтили память городского головы – венки возложили греческий, французский, итальянский и датский консулы. Грандиозная похоронная процессия, провожавшая Николая Александровича в последний путь, насчитывала до 200 тысяч человек – четвертая часть (!) тогдашнего населения Москвы. Городской голова был похоронен в Новоспасском монастыре, в родовой усыпальнице Алексеевых. В советское время захоронение уничтожили.

После гибели мужа Александра Владимировна Алексеева занялась благотворительностью. Она передала без малого два миллиона рублей на благотворительные нужды в увековечение памяти супруга, в том числе 300 тысяч на строительство корпусов психиатрической больницы, основанной по инициативе Николая Александровича и ныне носящей его имя. В 1994 году на ее территории была выстроена часовня в память Алексеева. После смерти вдовы особняк в Леонтьевском был продан текстильному фабриканту И.А. Миндовскому, от которого перешел к нефтепромышленнику А.Ш. Асадуллаеву. В советское время в здании находилось Посольство Кубинской Республики.

Ныне в бывшем доме городского головы – Представительство Организации Объединенных Наций. В 2007 году особняк был прекрасно реставрирован: его очаровательный фасад и красивая кованая ограда, вернув свой первозданный вид, стали настоящим украшением старинного переулка.

Текст: Виктор Сутормин

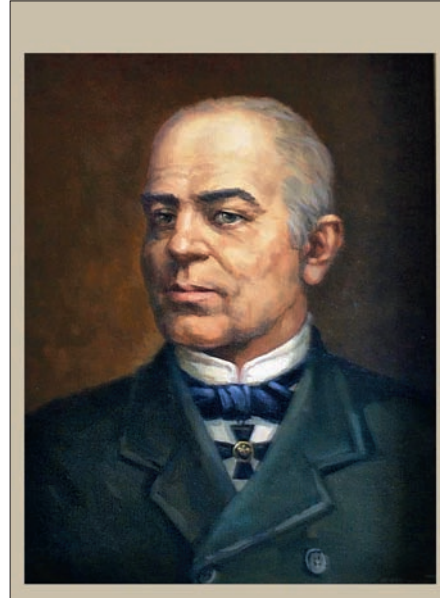
НЕСЛАДКАЯ ЖИЗНЬ САХАРНЫХ МАГНАТОВ

«ОСОБНЯК НА СОФИЙСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ –
САМАЯ КРАСИВАЯ БРИТАНСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ В МИРЕ»

Королева Великобритании Елизавета II

В 1891 году сахарный магнат Иван Герасимович Харитоненко обратился в городскую управу с просьбой разрешить ему строительство нового каменного дома и двух флигелей на Софийской набережной. Разрешение было получено, и архитектор Василий Залесский приступил к строительству роскошной усадьбы в формах ордерной эклектики, с балкона второго этажа которой открывался прекрасный вид на Кремль.

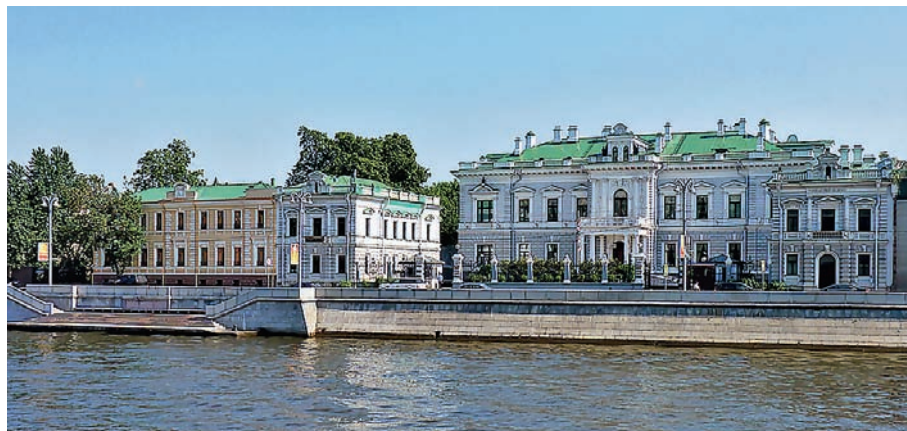
Иван Герасимович Харитоненко (1822–1891)

таки, что одному – опасность, то для другого – возможность. Харитоненко рискнул: под высокий процент взял банковский кредит и разом скупил сахар всех заводов от Сум до Белгорода и Харькова. Успешно реализовав эту партию, он погасил кредит и оставшуюся прибыль вложил в восстановление бизнеса.

К 1870-м годам Харитоненко сделался одним из самых крупных землевладельцев на Сумщине: торговый оборот его предприятий превысил 20 млн рублей серебром. Настало время и в Москве обзавестись солидным представительством с оптовым складом, для чего фирма «И.Г. Харитоненко и сын» приобрела владение № 14 по Софийской набережной. Место было хотя и с видом на Кремль, но тогда ни в коей мере не пафосное – в соседстве с литейным заводом Густава Листа и большим фруктовым рынком на Болотной площади. Впрочем, где фрукты, там и варенье, а какое же варенье без сахара?

Первый московский дом крестьянского сына

Крестьянский сын Иван Харитоненко держал бакалейную торговлю в городе Сумы и неплохо зарабатывал на поставках украинского сахара в Москву и Петербург, потом начал скупать землю под выращивание свеклы, а сахарные заводы сначала брал в аренду, затем построил и свои собственные. Правда, один завод вскоре сгорел, и новый сахаропромышленник оказался на грани банкротства. Но, опять-

Голубая гостиная.
Камин и фрагмент отделки двери

Вверху: фрагмент живописного плафона (худ. Ф. Фламенг)
Нижe: холл особняка Харитоненко

Дела шли все лучше и лучше, и к концу жизни Иван Герасимович Харитоненко стал настоящим сахарным магнатом. Несмотря на очень скромное образование, полученное в сельской приходской школе, этот человек был открыт всему новому – оборудование закупал за границей самое современное, семена выписывал самых лучших сортов. Стремясь разбираться во всем досконально, он до последних дней своих занимался самообразованием, в 55 лет начал изучать французский и вскоре изъяснялся на нем свободно.

Понятно, что своему единственному сыну он постарался дать самое

лучшее образование, отправив его на учебу в Германию. В Гейдельбергском университете Павел кроме экономики и естественных наук изучал химию и математику, а также философию – но это уже не для бизнеса, а по душевной склонности. И сын, и отец любили искусство, коллекционировали живопись, иконы старого письма.

В усадьбах на Сумщине, Наталиевке и Пархомовке, картин было множество; украшали они и московский дом – вот только усадьба эта не соответствовала тому общественному положению, которого достигла семья Харитоненко.

Положение обязывает

В 1891 году Иван Герасимович обратился в городскую управу с просьбой разрешить ему строительство нового каменного дома и двух флигелей на Софийской набережной. Разрешение было получено, архитектор Василий Залесский подготовил проект, однако нового дома Харитоненко-старший не увидел – в том же году он скончался, и заканчивалось строительство уже при младшем Харитоненко. К тому времени Торговый дом Харитоненко снабжал сахаром едва ли не полстраны.

Опираясь на формы французского ренессанса, архитектор Василий Гаврилович Залесский возвел усадьбу в академической манере – главный дом, два симметричных флигеля по бокам и между ними просторный курдонер, отделенный от набережной ажурной чугунной оградой с двумя воротами. Парадный вход, украшенный колоннами тосканского ордера, покрывала широкая сень, служившая балконом второго этажа. Оттуда открывался прекрасный вид на Кремль.

За фасадами, богато декорированными эклектической лепниной, гостей ожидал сюрприз – интерьеры в готическом стиле, каких в Москве еще не было. Удивил ими Первопрестольную не кто иной, как Федор Шехтель.

Облицованные резными дубовыми панелями стены, потолочные балки и лестничные перила, мебель и мелкие декоративные элементы – все настроено по единому камертону.

На дубовых перилах парадной лестницы восседают два геральдических существа, охраняющие вход наверх. Словно признавая входящего почетным гостем, они не враждебны: орел недвижим, а дракон словно склонил голову в глубоком поклоне. Площадка второго этажа предстает маленькой уютной гостиной с камином, приглашающей гостя обогреться. Не задержаться здесь невозможно – так хочется разглядывать стрельчатые завершения каминного свода и затейливо переплетенные потолочные балки, образующие глубокие кессоны.

От развешанных по стенам лестничного холла гобеленов веет средне-

Голубая гостиная.
Деталь отделки портала

вековьем. Они долгое время считались работами XVII века. Только при последней реставрации, сделанной специалистами высочайшего уровня, выяснилось, что гобелены были выполнены одновременно со строительством дома, но в тех же французских мастерских, которые с XVI столетия занимались их изготовлением.

На втором этаже – анфилада парадных залов. Кессонированные потолки с деревянными балками и резные стеновые панели обеспечивают стилевое единство, но каждая комната имеет свои особенности. Столовую – большой зал в три окна – украшают великолепный камин и покрытые тонкой резьбой дубовые буфеты, отделанные зеленым камнем, перекликающимся с облицовкой камина и подоконников.

Самое величественное помещение в доме – Белый зал, предназначенный для торжественных приемов. Огромная хрустальная люстра красуется в центре, освещая декорированный позолотой и барельефами лепной потолок; стены – цвета слоновой кости; набранный из ценных пород дерева паркет подобен роскошному ковру с орнаментом в центральном круге и разбегающимися в стороны ромбами.

Из танцевального зала можно пройти в две гостиные – Розовую и Голубую. Первая – с выходом на балкон, откуда открывается чудесный вид на Кремль, – оформлена в средневековом духе. Камин украшают резные изображения: рыцари в латах, всадники на вздыбленных конях, величест-

венные башни замков... Невозможно не заметить два круглых медальона с саламандрой и дикобразом, эмблемами Франциска I и Людовика XII.

Голубая гостиная служила будуаром хозяйки. Эту комнату оживляют забавные деревянные гномы, примостившиеся над дверными наличниками в таких позах, будто готовы спрыгнуть на плечо входящему гостю.

Кроме резного декора, выполненного по эскизам Шехтеля, своеобразной визитной карточкой усадьбы Харитоненко стал изысканный расписной плафон рокайльного зала.

Для выполнения этой работы был специально приглашен из Парижа художник Франсуа Фламенг. Зал служил картинной галереей – здесь висели лучшие полотна из коллекции, унаследованной Павлом Ивановичем от отца и постоянно пополнявшейся. Собрание включало в себя работы Кипренского и Боровиковского, а также современников хозяина коллекции – Крамского, Сурикова, Репина, Шишкина, Верещагина, Васнецова, Нестерова, Поленова, Рериха, Малявина, Коровина, Айвазовского...

«Трудом возвышаюсь»

«Богат, как Крész, щедр, как Меценат», – говорили об этом человеке. И говорили совершенно справедливо. Харитоненко установил 20 стипендий для студентов Московской консерватории, первым откликнулся на призыв профессора Цветаева помочь в строительстве Музея изящных искус-

ств, на свои средства содержал канцелярию Румянцевского музея. За его счет строились больницы и детские приюты и в Москве, и на родине. На Общество попечения о бедных и больных детях Харитоненко пожертвовал 100 тысяч. Когда в Сумах решено было образовать кадетский корпус, Павел Иванович безвозмездно предоставил Военному ведомству 50 десятин земли и 500 000 рублей.

За заслуги перед Отечеством Павел Иванович Харитоненко в 1899 году был возведен в дворянское достоинство. Девиз на гербе нового дворянского рода гласил: «Трудом возвышаюсь».

Закат династии

Диагноз, который был поставлен сахарному магнату, был скорее для последнего бедняка – скоротечная чахотка. Вызвать из Европы лучших докторов? Уехать в Альпы, в санаторий? И первое, и второе представлялось равно бесполезным на 62-м году жизни. Павел Иванович сделал то, что считал самым правильным – просто попрощался со всеми. Сел в открытый автомобиль и на полной скорости объехал свою сахарную империю – заводы, экономии, усадьбы... Вернувшись домой, он в ночь на 13 июня 1914 года скончался, оставив после себя состояние в 60 млн рублей и созданное отцом предприятие. Продолжить семейное дело предстояло Ивану Павловичу Харитоненко, студенту Московского университета.

Голубая гостиная.
Деталь отделки портала

По плечу ему эта ноша оказалась бы или нет, сказать сложно, поскольку и двух месяцев не прошло после кончины отца, как началась Первая мировая война, а потом грянула революция... Вслед за старшими детьми Павла Ивановича, Еленой и Натальей, покинувшими родину вместе с мужьями, в 1918 году эмигрировала и вдова Вера Андреевна с сыном. Дочери – Елена Олив и Наталья Горчакова поселились в Италии. Иван с матерью жили в Мюнхене, но обрести вторую родину не смогли: в 1927 году (по другим данным, в 1929-м) Иван Павлович застрелился, вскоре после этого скончалась Вера Андреевна.

С Union Jack на флагштоке

Национализированный особняк на Софийской набережной спасло от разграбления то, что в нем располагалась датская миссия Красного Креста – единственная в то время международная организация, которая в охваченной гражданской войной стране могла хоть как-то защищать интересы иностранных граждан. С точки зрения чекистов, деятельность подобных организаций не внушала доверия, так что датчане пробыли здесь недолго, и в начале 1920-х годов особняк был передан Наркомату иностранных дел. В тот период здесь останавливались гости Советского правительства – король Афганистана Амманулла-хан, один из военных лидеров Турции Энвер-

паша, известный писатель Герберт Уэллс, танцовщица Айседора Дункан, американский коммерсант и будущий миллионер Арманд Хаммер...

Английские дипломаты обосновались на Софийской набережной в 1931 году, когда по мере развития отношений между СССР и Великобританией штат посольства увеличился настолько, что прежняя резиденция на Поварской стала слишком тесной. Впрочем, познать настоящую тесноту англичанам еще предстояло. Когда в октябре 1944 года посетивший Москву Уинстон Черчилль пригласил на обед в посольство товарища Сталина, безопасность «вождя народов» обеспечивало такое количество сотрудников НКВД, что заместитель наркома иностранных дел Вышинский не удержался от иронии: «Как видно, Красная Армия одержала еще одну победу – она захватила британское посольство».

Говорят, что в период «холодной войны» расположение идеологических противников в непосредственной близости от Кремля так сильно нервировало наши спецслужбы, что руководству завода Листа (который к тому времени, понятное дело, уже назывался «Красный Факел») поступило негласное указание: трубами коптить что есть мочи, когда надо и когда не надо, – авось англичанам атмосфера не понравится и они захотят сменить место дислокации. Но напугать британца смогом сложно: сотрудники посольства даже бровью не

повели. Бывший особняк сахарных магнатов им искренне пришелся по душе: к 100-летию своей резиденции они даже напечатали в Лондоне роскошный альбом на двух языках «Посольство Великобритании в Москве. Особняк Харитonenko».

Во время визитов в нашу страну в здании посольства останавливались члены британской королевской семьи – принц Эдвард и принцесса Диана, герцог Эдинбургский и герцог Глостерский, а в октябре 1994 года жила королева Елизавета II. По ее словам, «особняк на Софийской набережной – самая красивая британская резиденция в мире».

В 1996 году бывший особняк Харитonenko был поставлен на государственную охрану, и вскоре после того, как разросшийся штат дипломатического представительства Соединенного Королевства переехал в новое здание на Смоленской набережной, здесь была проведена полномасштабная реставрация. Когда работы завершились, британцы подтвердили свою приверженность традициям – резиденция посла Ее Величества сохранила прежний адрес, о чем свидетельствует реющий на флагштоке Union Jack. В Дни культурного наследия господин посол позволяет экскурсантам осматривать и фотографировать особняк – практически весь, за исключением жилых и служебных помещений.

Текст: Александр Никифоров, архитектор

НИКИТА ЛАЗАРЕВ. АРХИТЕКТОР И ИНЖЕНЕР

Имя Никиты Герасимовича Лазарева в литературе по истории строительства Москвы, справочниках по архитектуре или популярных путеводителях по российской столице встречается часто — он много строил в нашем городе.

МОСКВА ЛАЗАРЕВСКАЯ

По сведениям из биографического словаря М.В. Нащокиной, Никита Герасимович Лазарев родился в 1866 году в Москве, в купеческой семье. Он получил прекрасное образование в Петербургском институте гражданских инженеров. Его выпускники были отлично подготовлены как инженеры-строители, а в архитектурно-художественном отношении не уступали питомцам Петербургской академии художеств или Московского училища живописи, ваяния и зодчества. В самом конце XIX века Лазарев начинает делать себе имя на строительном рынке Москвы. Известно, что с 1898 года он владеет строительной конторой. То, что в разных источниках Лазарев именуется то архитектором, то инженером — не заблуждение

их авторов. Расцвет его творчества пришелся на начало XX века, когда проектировщики, как правило, еще не делились по специальностям: на архитекторов, решающих планировку и фасад здания, на инженеров-конструкторов, отвечающих за его прочность и устойчивость и т.д. Такое разделение придет позже, через несколько десятилетий, когда многократно возрастет объем строительства, когда системы инженерного оборудования будут становиться все сложнее и совершеннее. Во времена Лазарева талантливые и энергичные люди успешно брались за проектирование и строительство всего объекта в комплексе. Кроме того, Лазарев был еще и строительным подрядчиком, а значит, экономистом, сметчиком и предпринимателем. Первые его значительные проекты — доходные дома на Арбате.

Арбат

К строительству здесь он подошел с четким пониманием того, что это должны быть дорогие статусные дома, соответствующие престижному району. Дом, имеющий сегодня номер 23, возведен Лазаревым в 1902–1903 годах для потомственной дворянки Е.Л. Веселовской. В дальнейшем он был известен уже как гостиница А.К. Ечкина. Чуть поодаль стоит пятиэтажное здание под № 29 – бывший доходный дом Я.М. Толстого, построенный Лазаревым в 1904–1906 годах. Оба здания имеют эклектичные фасады с явными формами стиля модерн: окна с овальным завершением, выходящие узоры балконных решеток. Однако и в них уже ощущается интерес Лазарева к классике. Он перерабатывает в новом духе традиционные для классицизма архитектурные темы, нередко включает в де-

Ул. Арбат, 29

кор барельефы с античными сюжетами. По выражению известного искусствоведа И.Э. Грабаря: «Лазарев вывел Арбат и Пречистенку в новый век».

Волхонка

Интересна судьба в еще более «новый век» лазаревского доходного дома № 7 по Волхонке, построенного в 1904–1905 годах для К.Г. Лобачева. В 1972-м при расширении улицы часть домов по ее нечетной стороне снесли. Но этот четырехэтажный дом был настолько капитален и велик (его фасад протянулся чуть ли не на треть улицы Ленивки), что его снести не решились, а вышли из положения, превратив высокий первый этаж его торца, выходящего на Волхонку, в проход для пешеходов.

Пречистенка

Отдельно стоит сказать о переделке архитектором старого барского особняка на Пречистенке (сегодняшнее владение № 10) – ввиду стоящих перед ним особенных задач. В середине XVIII века здесь был дом видного

дипломата А.М. Обрескова. В 1812 году строение сильно пострадало от пожара и по заказу нового владельца –

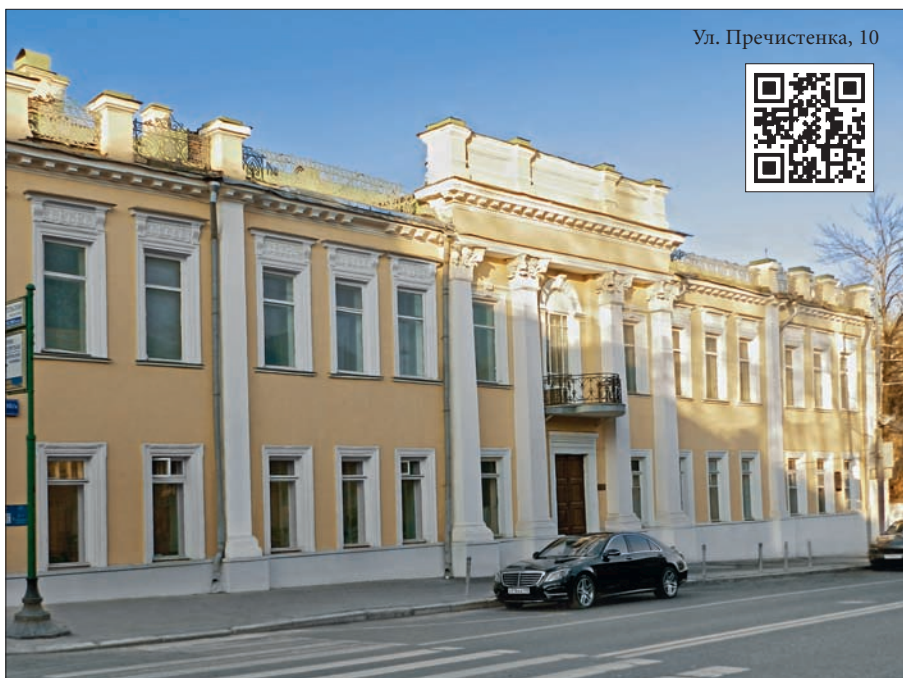
обер-провиантмейстера А.П. Аблязова – было перестроено по проекту архитектора О.И. Бове. С 1839 года особняк принадлежал генералу Михаилу Федоровичу Орлову, герою Отечественной войны 1812 года, активному участнику движения декабристов. Супруги Орловы были близкими друзьями А.С. Пушкина. Некоторые черты Екатерины Николаевны, дочери другого героя войны – генерала Н.К. Раевского, отражены поэтом в образе Марины Мнишек. Ей же посвящено стихотворение «Увы, зачем она блистает минутной нежной красотой?».

После смерти Орлова у дома сменилось много владельцев. В середине 1880-х годов здесь были меблированные комнаты, где одно время жил художник И.И. Левитан. В 1906 году особняк купил крупный коммерсант, владелец большого галантерейного магазина на Лубянской площади Мориц Филипп. Домашним учителем его сына был юный студент Борис Пастернак, который даже жил здесь в одной из комнат. По заказу М. Филиппа

Ул. Волхонка, 7

такому дорогому архитектору, каким уже стал к тому времени Лазарев.

Гоголевский бульвар

Из путеводителей известно, что на Гоголевском бульваре (владение № 9) Лазаревым в 1909–1912 годах был возведен еще один особняк. Но в начале 1990-х годов его по каким-то со-

в 1907 году Лазарев приступил к перепланировке дома и переделке его фасада. Деликатность задачи архитектора заключалась в том, чтобы оформить фасад дома со столь замечательной исторической судьбой более «современно», не нарушив при этом гармонии с окружающей застройкой. Лазарев, безусловно, добавил на фасаде эклектические элементы и детали (парапеты с узорчатыми решетками, кованое ограждение балкона и т.д.), но формы классицизма в основном тактично сохранил, рассматривая свою задачу как приобщение нового сословия к ценностям родовой знати.

Тверской бульвар

В ряду красавцев-домов, выстроившихся по четной стороне Тверского бульвара, плечом к плечу стоят два доходных дома работы Лазарева. Семизэтажный дом № 8 постройки 1910 года принадлежал известному врачу-стоматологу В.Ф. Грефе. Стоящий вровень с ним шестиэтажный дом № 10 построен в 1908 году по заказу знаменитой портнихи и модельера Надежды Петровны Ламановой (1861–1941). В этом доме она жила, и здесь же было ее ателье. Сама императрица заказывала себе наряды у Ламановой, так что она могла себе позволить заказать строительство дома

ображениям снесли и стали строить новый дом. Автор этих строк видел, как возводились его конструкции, поскольку в это время занимался проектированием соседнего дома № 11. Судить, в какой степени облик нынешнего двухэтажного особняка-новоедела соответствует лазаревскому оригиналу, невозможно. Уж очень в те годы к таким вопросам относились легко.

Рождественский бульвар

По адресу Рождественский бульвар, дом 21 стоит бывший доходный дом банкира И.И. Джамгарова – четырехэтажное строение с высоким полуподвалом. Как и большинство лазаревских доходных домов, он добротно и функционален. Декоративных элементов, украшающих фасад, немного, но небольшой белый барельеф с античным сюжетом присутствует обязательно.

Большая Ордынка

В 1911 году владелец участка на Большой Ордынке, представитель семьи купцов-миллионеров из Вятской губернии Николай Дмитриевич Ижболдин задумал поставить на нем шестиэтажный доходный дом. Его строительство он заказал Лазареву. Никита Герасимович возвел здание строгих очертаний, со скупым набором декоративных элементов на фасаде, но совершенно уникальное для того времени по внутреннему комфорту, комплексу самых современных систем инженерного оборудования. Сегодняшний номер бывшего доходного дома – 68. Сам Ижболдин до начала строительства и во время его жил буквально «под боком» у возводимого гиганта – в изящном одноэтажном особнячке (дом № 70). Автор особнячка, построенного еще в 1880-х годах для купца 1-й гильдии

К.В. Осипова, – архитектор Н.А. Мемнонов. В 1908 году в результате банкротства Осипова особняк вместе с участком был продан с аукциона. Новым владельцем всего этого хозяйства стал Ижболдин.

Николай Дмитриевич Ижболдин был интересной и значительной личностью. Его знали и принимали в лучших московских домах. Он активно участвовал в создании комиссии по строительству железных дорог. Занимаясь благотворительностью, познакомился и подружился с Великой княгиней Елизаветой Федоровной. В 1917 году Ижболдин эмигрировал во Францию, и в Париже был рукоположен в сан православного священника. Умер Николай Дмитриевич в 1958 году и был похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

В доме № 70 – бывшем особнячке Ижболдина – одно время размещалось Посольство Северной Кореи,

затем – Кении. Сейчас здесь Фонд социально-культурных инициатив. Несколько слов о заблуждении, которое присутствует на некоторых сайтах Интернета. Расположенный в близком соседстве с описываемыми строениями дом № 64, где находится Посольство Киргизии, построен не Н.Г. Лазаревым, как ошибочно утверждается, а инженером-архитектором Н.И. Петровым в 1915 году.

Садовая-Кудринская

На внутренней стороне Садового кольца, на Садовой-Кудринской улице, в плотной, без разрывов, линии домов, стоит трехэтажный особняк под № 18 с бросающимися в глаза выпуклыми буквами: «Дом виски». На небольшом медальоне над входной дверью римскими цифрами «МСМХII» указана дата (1912) окон-

Ул. Садовая-Кудринская, 18

чания строительства дома. Это бывший особняк купчихи Н.М. Поповой, перестроенный Лазаревым из старинного барского дома.

В середине XIX века здесь располагался большой участок, принадлежавший дочери знаменитого артиста Павла Мочалова – Е.П. Мочаловой. На тыльной стороне участка, где проходит Вспольный переулок, Лазарев возвел по заказу Поповой доходный дом. Выходящий в переулок фасад пятиэтажного здания довольно скромн. Оживляют его, как и фасад особняка, небольшие барельефы с античными сюжетами.

Настасьинский переулок

Прямо напротив известного здания Российской ссудной кассы возвышается под № 4 еще одна постройка Лазарева – бывший доходный дом Салова (1915 г.). Семизэтажное громоздкое здание в значительной степени «осовременено» еще не закончившимся капитальным ремонтом. Торец дома, обращенный в сторону Тверской улицы, наполовину занят беленым многофигурным барельефом – будто бы в стиле Лазарева. Но, разглядев среди прочих сюжетов композицию в виде перекрещивающихся ажурных стрел башенных

кранов, понимаешь, что это творение уже современных дизайнеров.

ПОСОЛЬСТВА АВСТРИИ, КЕНИИ И НЕПАЛА

В числе построенных Лазаревым домов – три особняка, в которых сегодня размещаются иностранные посольства.

У бывшего особняка Н.И. Миндовского, где располагается сегодня Посольство Австрии, двойной адрес: дом № 6 по Пречистенскому переулку и дом № 1 по Староконюшенному.

Дело в том, что он расположен очень своеобразно – на узком участке, образующем острый угол между этими двумя переулками. По заказу владельца участка, богатого промышленника, директора Товарищества Волжской мануфактуры бумажных и льняных изделий Николая Ивановича Миндовского Лазарев строил особняк с 1905 по 1906 год. Это, безусловно, самая значительная работа Никиты Герасимовича. Пожалуй, нет ни одного архитектурного справочника или путеводителя по Москве, где бы ни упоминалось это здание. Здесь Лазарев проявил себя прежде всего как архитектор.

Он намеренно обратился к классицизму – к привычным чертам домов Москвы эпохи ампира, – того времени, когда район Старой Конюшенной восстанавливался после пожара 1812 года. При этом Лазарев, несомненно, угадал желание заказчика, который из соображений престижа выбрал место для своего парадного жилища в самом центре дворянской Москвы.

Намеренно гипертрофированные ампирные формы, искаженные пропорции деталей придают зданию тягеловесность, которая удачно соответствует его расположению. Композиционный центр особняка – монументальная купольная ротонда,

поставленная на самом углу, выглядит как утес, который «обтекают» с обеих сторон два переулочка – два потока. Боковые фасады трактованы как крылья, расходящиеся вдоль одного и другого переулочков. Каждый из фасадов обладает своим четырехколонным портиком. Особенно выразителен фасад вдоль Пречистенского переулочка – с глубокой нишей центрального портика и великолепным барельефом. Внутри дом четко разделен на парадную и жилую части. Парадные помещения группируются вокруг большого зала. Здесь сохранились неоклассические росписи, камины.

Н.И. Миндовский жил в доме с 1906 по 1917 год. В советское время особняк передали архиву Красной армии и военно-учетному архиву, а в 1927 году в нем разместилось Посольство Австрии. После «аншлюса» Австрии в 1938 году здание стало Германским гостевым домом. В августе 1939 года здесь останавливался министр иностранных дел гитлеровской Германии Риббентроп, прибывший в Москву для подписания пакта о ненападении. В 1944 году, в свой приезд в Москву для встречи со Сталиным, здесь останавливался премьер-министр Великобритании Черчилль.

Двухэтажный особняк в неоклассическом стиле, с декоративными элементами в виде античных венков, расположенный по адресу: Лопухинский переулок, дом № 5, стр. 1, занят в настоящее время Посольством Кении.

Построен он в 1911–1912 годах, почти одновременно со своим гигантом-соседом, доходным домом № 13 по Пречистенке. Оба дома возведены по заказу Я.А. Рёкка, владельца одной из крупнейших домостроительных фирм. В особняке, который Лазарев перестроил из дома Щукиных постройки 1876 года, Рёкк жил, а доходный дом по проекту

архитектора Г.А. Гельриха сдавал в аренду. Есть свидетельства, что в строительстве этого доходного дома Лазарев принимал участие в качестве инженера.

Третий по счету дипломатический особняк работы Лазарева – дом № 14/7 по 2-му Неопалимовскому переулку, где размещается Посольство Непала.

По данным известного московеда С.К. Романюка, этот двухэтажный особняк изначально был построен в 1878 году подполковником А.А. Коршем. Лазарев перестроил его в 1908 году для текстильного магната И.А. Миндовского. Но в настоящее

время внешний вид здания настолько искажен при реконструкции, что о нем как об историческом архитектурном объекте говорить не приходится. Оно выглядит как скучная офисная постройка без каких-либо претензий на архитектуру.

В 1917 году Никита Герасимович Лазарев потерял свое дело и к строительной практике уже не возвращался. Россию он не покидал, умер в 1932 году в Москве. Его сын – Виктор Никитич (1897–1976) – был видным историком искусства, членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Дом Ф.О. Шехтеля.
Фото конца 1890-х годов
из коллекции М.В. Золотарева

Текст: Сергей Викторов

«ИЗБУШКА НЕПОТРЕБНОЙ АРХИТЕКТУРЫ»

СОВРЕМЕННОЕ ПОСОЛЬСТВО
УРУГВАЯ РАСПОЛАГАЕТСЯ В ДОМЕ,
КОТОРЫЙ ФЕДОР ШЕХТЕЛЬ
ПОСТРОИЛ ДЛЯ СВОЕЙ СЕМЬИ

К своему дому в Ермолаевском переулке архитектор Федор Осипович Шехтель относился с юмором. В письме к писателю Антону Павловичу Чехову, с которым состоял в приятельских отношениях, выразился так: «...построил избушку непотребной архитектуры, которую извозчики принимают то ли за кирху, то ли за синагогу». Однако отнюдь не смешными были обстоятельства, вследствие которых возник этот особняк.

Три ириса над парадным входом

В 1890-х годах Федор Осипович с семьей – женой Наталией Тимофеевной, ее матерью Екатериной Францевной и тремя детьми: Катей, Борей и Лёвой – проживал на Петербургском шоссе в небольшом симпатичном доме, построенном по собственному проекту. В 1893 году Екатерина Францевна скончалась, а в мае 1896-го смерть посетила дом Шехтеля еще раз, забрав старшего из сыновей, семилетнего Борю. Возникла острая необходимость

дом Шехтель украсил мозаичным панно с изображением лиловых ирисов. Три цветка – распускающийся, расцветший и увядающий – замерли над главным входом, символизируя три периода жизни, а точнее, бесконечный ее круговорот.

В неороманском стиле

Облик здания, напоминающего замок, абсолютно нетипичен для Москвы. Массивные стены, облицованные темным – как бы сильно обожжен-

сменить обстановку, ведь в стенах старого дома буквально все напоминало об утратах, и жить там стало невозможно, особенно для Наталии Тимофеевны, которая вновь ждала ребенка. Федор Осипович продал дом, и весь год, пока строился новый, семья провела на съемной квартире.

Но, даже перевернув страницу и начав с чистого листа, архитектор не мог отрешиться от мыслей о жизни и смерти. Правда, они приняли направление не трагическое, а философское. Свой новый

ным – кирпичом с элементами кладки из белого песчаника; окна, кажущиеся узкими в сравнении с большим окном главного зала; мощная восьмигранная башня с главным входом и вторая, увенчанная острым коническим шатром... Практически все эти черты относятся к романскому стилю, господствовавшему в X–XII веках в Европе.

В архитектуре последней четверти XIX века моду задавал историзм, проявлявшийся в различных вариантах. Шехтель уже успел попробовать силы

во многих из них, и, всегда пребывая в поиске чего-то нового, он обратил внимание на работы американского архитектора Генри Гобсона Ричардсона, возрождавшего неороманский стиль (Romanesque revival). Построенные американцем общественные здания унаследовали лаконичную монументальность и рациональность композиции от средневековых замков.

Их планировка в целом проста: ближе к центру располагается главная башня (донжон), а вокруг нее группируются остальные строения, обычно пред-

одним из ярчайших представителей которого в России предстояло стать Федору Осиповичу Шехтелю.

Мозаика над парадным входом.

Интерьер кабинета.

Гостиная.

Фото Маргариты Феединой

ставляющие собой простые геометрические формы – кубы, призмы, цилиндры. Дом проектируется как бы «изнутри наружу»: komponуются внутренние пространства в соответствии с функциональным назначением каждого из них, а потом для получившейся конструкции создаются фасады. Шехтель так и поступил, в 1896 году предугадав те изменения, которые произойдут в архитектуре уже совсем скоро, в период модерна. Кованая решетка ограды, мозаика над входной дверью – тоже приметы стиля,

Обитель эстета

Дом, построенный архитектором для самого себя, всегда представляет особый интерес. Не потому, разумеется, что «для себя любимого» делается лучше, чем для клиента. Но ведь обычно архитектурный объект возникает в результате взаимодействия заказчика и зодчего, интересы и вкусы которых совпадать не обязаны. А вот в тех редких случаях, когда эти две ипостаси соединяются в

одном человеке, множество ограничивающих факторов исчезает, и тогда может возникнуть нечто качественно новое. Таких домов (построенных для себя Л. Кекушевым, С. Соловьевым, М. Лопыревым, А. Кузнецовым и др.) в Москве осталось несколько, но только особняку Шехтеля в Ермолаевском переулке повезло сохраниться до наших дней в почти неизменном виде. Это особенно важно, поскольку речь идет о творении признанного мастера интерьерера. Продуманность планировок и гармоничность отделки создают ощущение комфорта и благополучия, а выполненные по эскизам Шехтеля элементы декора превращают дом в уникальное произведение.

Для практикующего архитектора, кстати говоря, сделать свой дом неповторимым являлось насущной необходимостью: в него приходили не только друзья, но и потенциальные клиенты. В этом случае жилище зодчего воспринималось как часть его «портфолио».

А в доме Шехтеля, помимо представителей деловых кругов, бывали Чехов и Сытин, Собинов и Коровин, Левитан и Врубель, другие люди из мира искусства, способные оценить по достоинству этот маленький архитектурный шедевр.

Богатый внутренний мир

Из прихожей, заключенной в восьмигранную башню, гость попадал в небольшой вестибюль. Открыв деревянную резную дверь справа, он мог пройти в гостиную и столовую, а через дверь слева – в предназначенный для деловых переговоров кабинет с камином из радомского песчаника. Над камином с изображениями сфинксов, химер и грифонов – узкая галерея с резными дубовыми перилами. Туда, «на хоры», в замке поднимались бы по узкой винтовой лестнице музыканты со своими свирелями и лютнями, а у Шехтеля там, скорее всего, располагалась библиотека: он выписывал много специальной литературы. Как человек, вынужденный в молодости прервать учебу ради необходимости зарабатывать на хлеб насущный, Федор Осипович и в зрелые годы не считал свое образование оконченным. Пришло признание современников и уважение коллег, на стенах дома висели работы Врубеля и Рериха, Сомова и Сарьяна, подаренные авторами. Однако Шехтель продолжал работать не только над заказами, но и над собой. А над заказчиками «работал» пленительный интерьер этого кабинета: витражи с фигурами дам и рыцарей рассылали по стенам цветные блики, литая люстра с бронзовыми дракончиками гипнотизировала глядевших на нее, камин потрескивал горящими поленьями, колебались тени на расчерченном дубовыми балками потолке...

Ф.О. Шехтель в своем доме в Ермолаевском переулке. Фото конца 1890-х годов из семейного архива К.С. Лазаревой-Станицевой

Если требовалось обсудить какие-то конкретные вопросы, планировочные решения и тому подобное, хозяин мог пригласить гостя в соседнюю комнату, где располагалась мастерская архитектора – помещение неправильной формы, с семью углами, не украшенное ничем, кроме небольшой лепной розетки на потолке, но с большими окнами на восток, чтобы света было вволю.

Окна противоположной стороны особняка смотрят во двор. Эти помещения – гостиная и столовая – предназначены не для работы и официальных встреч, а для повседневной жизни. Собственно, это даже не два помещения, а одно с широкой аркой между ними, скорее соединяющей, нежели разделяющей. Оно практически лишено декора (даже потолочные балки оштукатурены в цвет потолка), но выглядит торжественно и даже внушительно. Однако самое сильное впечатление производит главная лестница, ведущая на второй этаж, в жилые комнаты. Размещенная в самой сердцевине здания, она яв-

Лестничный холл.
Фотография Маргариты Феединой

ляет собой центральную ось архитектурной композиции. Анфилада замкнутых в кольцо помещений первого этажа красуется на ней, словно ожерелье на шее красавицы. Подобно хорошо рассчитанному сценическому эффекту, она поражает. Шехтель с его буквально растворенной в крови театральностью даже скрыл ее занавесом. Помещение открывалось взорам гостей, если раздвигались гардины, закрепленные под кованой решеткой с изображением стилизованных голов, похожих на сатиров.

Казалось бы, что особенного в резной дубовой лестнице? Ломаную спираль ее пролетов освещает многогранный светильник. Под лестничной площадкой – неприметная дверца с горизонтальной нишей, за которой скрыт подъемник для доставки из кухни блюд, подаваемых к столу. Вроде бы ничего необычного. А все же есть что-то неувловимое, чем эта комната вас завораживает. Быть может, этот осветительный прибор, похожий на волшеб-

ный фонарь или на излучающий таинственное сияние сказочный домик. Или эти каннелюры – проточенные в массивной деревянной колонне витые дорожки, – еще не модерн, но уже некое предвосхищение нового, зарождающегося стиля.

После Шехтелей

В этом доме прошли 14 самых плодотворных лет жизни зодчего. Здесь появилась на свет его младшая дочь Вера, а сын Лёва начал рисовать. То ли в честь него, то ли символизируя собственный знак зодиака, майоликовым изображением рычащего льва Шехтель украсил небольшую хозяйственную пристройку, возведенную в глубине участка в 1904 году. Выросшие дети унаследовали отцовскую тягу к творчеству. У Льва и Веры энергия и амбиции били через край. Оба поступили в Училище живописи, ваяния и зодчества (то самое, которое не довелось закончить их отцу). Чтобы заниматься рисованием, им требовались помещения, да и сам Федор Осипович привык к тому, что его мастерская расположена дома, тем более что зачастую работал он по 20 часов в сутки.

Осознав, что пришло время обзаводиться новым жилищем, Шехтель построил другой дом неподалеку от этого, и в 1910 году семья переехала на Большую Садовую, а особняк в Ермолаевском приобрела почетная гражданка Е.Я. Дунаева.

После революции 1917 года в здании проживал один из соратников Сталина, товарищ Бубнов (пока его не расстреляли), потом функционировали различные советские учреждения. С 1944 года особняк передали в ведение Главного управления по обслуживанию дипломатического корпуса при Министерстве иностранных дел, и вскоре в доме разместилось Посольство Республики Уругвай.

Дипломаты из Латинской Америки высоко ценят предоставленное им здание и относятся к нему бережно. Интерьеры находятся в прекрасном состоянии, хотя целых 15 лет особняк служил одновременно и резиденцией, и посольством. В 2008 году посольство получило отдельный офис, и с того времени дом используется в качестве личной резиденции посла Уругвая в Российской Федерации. Эту должность в настоящее время исполняет господин Анибаль Кабраль Сегалерба. В бывшей гостиной семьи Шехтелей проводятся официальные приемы, а в украшенном витражами кабинете – камерные музыкальные вечера.

Поскольку особняк имеет статус памятника истории и культуры федерального значения, он бывает открыт для обычных посетителей, но всего лишь несколько дней в году – в Дни культурного наследия и в День музеев.

ЛАРЧИК

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ ЗНАМЕНИТОГО
ДОМА ИГУМНОВА

*просто
открывается*

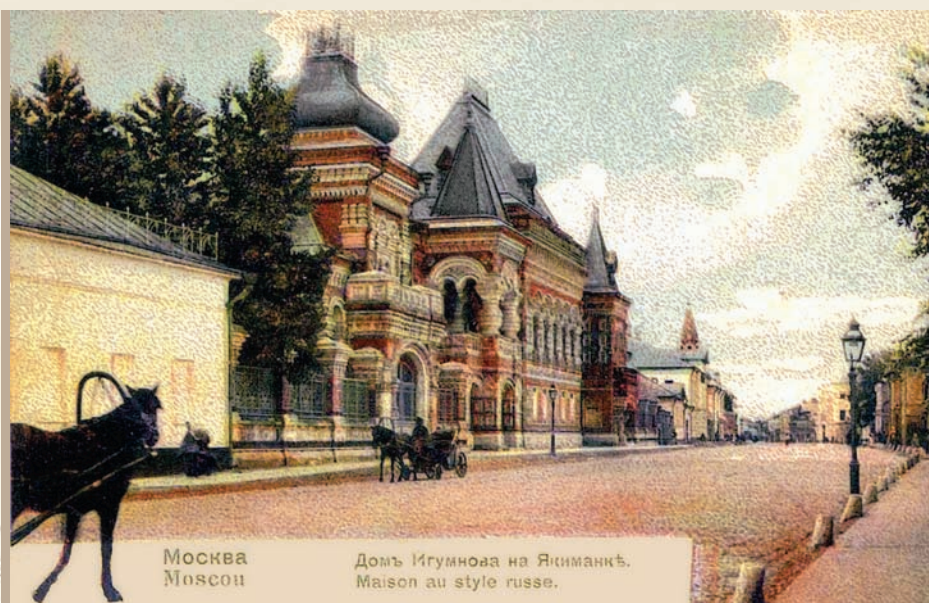

Архитекторы, присланные в 1937 году из Парижа, чтобы привести будущую французскую резиденцию в подобающий вид, попали в сложное положение, но вышли из него с честью. «Это здание как бы уникально в своем роде, – написал руководитель группы, мсье Бодуэн. – Снаружи оно хочет казаться русским. Своим характером оно во всех своих чертах противостоит нашим представлениям; несмотря на это, такое, как оно есть, это произведение должно быть оценено по достоинству, как свидетельство смелых и искренних художественных поисков, и нельзя найти способ его тронуть, без того чтобы показаться смешным, вмешиваясь в облик этого старинного здания».

Москва
MoscouДомъ Игумнова на Якиманкѣ.
Maison au style russe.

Дом Игумнова на Якиманке. Открытка 1900-х годов

Проклятье архитектора

Москвичи здание сразу же, говорят, полюбили, «но странною любовью» – уж слишком много с ним связано легенд и небылиц, по большей части довольно мрачных.

Якобы дом после постройки современники раскритиковали, и тогда владелец, разозлившись на архитектора, отказался не то расплатиться с ним, не то покрыть перерасход по смете, из-за чего архитектор оказался разорен и застрелился. Но прежде чем пустить себе пулю в лоб, проклял особняк, напроорочив, что он всегда будет пустовать. Еще рассказывали, что хозяин дома однажды пожелал поразить Первопрестольную своим богатством, для чего велел весь пол в танцевальной зале перед балом выложить золотыми империялами. Кто-то из гостей проявил бдительность – донес о том властям, и за неуважение к государю, чей профиль на монетах гости попирали ногами, владелец особняка был выслан из Москвы.

Не обошлось и без призрака любовницы домовладельца, которую он якобы поселил здесь, пользуясь тем, что супруга с детьми проживали в Ярославле, где он вел бизнес, бывая в московском доме наездами. Приехав однажды без предупреждения и застав свою пассию в объятиях какого-то корнета, он кавалериста вышвырнул вон, а что сделал с изменщицей, осталось неизвестным, ибо никто с тех пор ее не видел. Ходили слухи, что женщина была убита и замурована в доме – но подозрение к делу не пришьешь. Что же до подозреваемого, то он вскоре навсегда покинул город, и особняк стоял с заколоченными окнами аж до революции. Советская власть превратила дом в общежитие рабочих Гознака, вот им-то, как ходили слухи, и являлась по ночам печальная женщина в белом.

Преданья старины в камне

Реальная история дома не менее интересна. Купец Николай Васильевич Игумнов унаследовал от отца текстильную мануфактуру, основанную в Ярославле еще в XVIII веке, а также дом в Москве, где сам он появился на свет. Построенный на Большой Якиманке вскоре после войны 1812 года ампи́рный особняк

успел к 1888 году изрядно обветшать, и вступившему во владение наследнику надлежало привести в порядок отчий дом. Но ограничиться ремонтом Николай Васильевич не пожелал – он решил на том месте, где прошло его детство, построить нечто удивительное, всем на зависть. Незадолго до этого интерьеры церкви Петра и Павла при Ярославской Большой мануфактуре, принадлежавшей Игумнову, с большим вкусом оформил его тезка и ровесник Николай Поздеев, который состоял в то время городским архитектором. Он и был приглашен для перестройки старого двухэтажного дома.

Первый вариант проекта предполагал использование фундамента и стен, но по причине плохого их состояния от этого замысла отказались и дальше творческую фантазию архитектора уже ничто не сковывало, даже стоимость будущей постройки.

Денег заказчик не жалел, и к 1892 году напротив церкви Иоанна Воина вырос удивительный двухэтажный терем из красного кирпича.

Его сегодня часто называют вершиной русского стиля, хотя были и другие удачные поиски в этом направлении: Исторический музей (1875–1881, арх. В.О. Шервуд), Московская городская дума (1890–1892, арх. Д.Н. Чичагов), Верхние торговые ряды (1889–1893, арх. А.Н. Померанцев).

Шатровые крыши разной формы и кокошники над окнами создавали образ древнерусских палат. «Красное крыльцо» парадного входа заставляло вспомнить царские терема. Элементы декора – керамические вставки, арки с гирьками и дутые колонны – навеяны ярославской храмовой архитектурой. Сочетание фигурного красного кирпича и резного белого камня, изразцы с диковинными рас-

тениями и птицами, ажурные чугунные решетки ограды и ворот – все это было очень эклектично и даже чуточку чрезмерно, однако впечатление производило незабываемое.

Поговаривали, что на постройку дома Игумнов потратил миллион рублей золотом. Скорее всего, преувеличивали, но не слишком сильно, потому что кирпич был привозной, голландский, деревянные элементы отделки выполняли резчики мебельной фабрики Павла Шмита, поставщика Императорского двора, а на фарфоровом заводе другого поставщика – Матвея Кузнецова – изготавливались изразцы по эскизам художника-керамиста С.И. Масленникова.

К сожалению, до завершения работ архитектор не дожил. Летом 1893 года его любимая жена умерла от чахотки – болезни, против которой бессильна была медицина того времени. Поздеев и сам был болен туберкулезом уже два года, поэтому постигшая его утрата свела Николая Ивановича в могилу меньше чем за 4 месяца. Завершал работу его брат и коллега Иван Поздеев,

а интерьеры создал Петр Бойцов, талантливейший декоратор и непревзойденный мастер стилизации. Попав сюда, невольно забываешь о том, что дом создан не в XVII веке, а всего 120 лет назад, – такой подлинностью веет от всего окружающего.

Все в стиле. Не только русском

За тяжелой дубовой дверью с крупной резьбой – передняя, намеренно сделанная невысокой и темноватой. Под ногами – квадраты разноцветных плиток, выложенных непростым узором. Расписные керамические обрамления дверей и кованые медные завитки дверных полотен, темные мраморные ступени с белыми прожилками, узорчатые керамические балясины лестницы – все здесь погружает гостя в мир сказочной Руси.

В оконных проемах – ромбики разноцветных стекол. Над головой – паруса золоченых сводов. Каждый из них покрыт растительным орнаментом, причудливым переплетением цветов и побегов. Резьба на полотнищах двери тоже выполнена в «русском стиле».

За этой тяжелой дверью, окантованной керамическими пилястрами, гостя ожидает сюрприз. Одно нажатие на фигурную латунную ручку – и вы из древнерусского терема попадаете в Версаль или Фонтенбло! Даже та дверь, через которую вы только что прошли, с другой стороны отделана «во французском вкусе». Анфилада просторных светлых залов, стены цвета слоновой кости, огромные фламандские гобелены с изображением аллегорических сцен...

Декораторы последней четверти XIX века с наслаждением пользовались возможностями царившей тогда архитектурной моды, позволявшей свободно сочетать разные стили. Гостиная меблирована в стиле эпохи Людовика XV, примыкающий к ней малый салон – в стиле Людовика XVI, а малая столовая декорирована ампирами мебелью и тканями. В парадной столовой с низким сводчатым потолком царит дух средневековья. В других комнатах можно увидеть барочную лепнину и мозаичные полы с античным орнаментом.

Start up по-игумновски

Всего в доме Николая Васильевича Игумнова было более 40 помещений, предназначенных для жизни состоятельной семьи – для торжественных приемов и деловых встреч, отдыха и уединения. Уж танцевали в его доме на червонцах или нет, точно сказать не могу, но в 1901 году Игумнов по какой-то причине покинул Москву и обосновался на юге, в Абхазии.

Маленькое селение Алахадзы на берегу Черного моря не могло тогда порадовать ничем, кроме субтропического климата. Здесьние скудные земельные угодья можно было купить за дешево, что Игумнов и сделал. Приобретя 600 десятин (почти 900 гектаров), он занялся исправлением ошибок природы. Закупил саженцы эвкалиптов и болотных кипарисов, и эти влаголюбивые деревья через пару лет осушили болота. Баржами завозил с Кубани чернозем, и довольно скоро на каменистых участках зазеленели луга. Из Ярославской губернии было доставлено несколько голов племенного скота – в общем, Игумнов действовал

Красное крыльцо. Фрагмент
Ниже: ворота во двор дома Игумнова.
Фото 1892–1893 гг.

по принципу: «если тебе судьба подбросила лимон, сделай из него лимонад».

Пока скот плодился и размножался, а деревья осушали почву, Николай Васильевич тоже не сидел сложа руки: купил шаланды, завербовал на Дону

артель рыбаков, на берегу построил консервный завод с коптильной. Немногочисленным местным жителям, более склонным к земледелию, нежели к рыболовству, занятие тоже нашлось – на плодородных участках Игумнов разбил плантации манго и киви, табака, тунга и бамбука, а также камфарного и хинного деревьев и других лекарственных растений. Вокруг усадьбы Игумнова, которая в тех небогатых местах воспринималась как маленький дворец, постепенно вырос целый городок. Были построены общежития для сезонников, а постоянные рабочие с семьями получали отдельные домики, переходившие в их собственность через несколько лет.

Когда советская власть национализировала поместье Игумнова и созданные им предприятия, Николай Васильевич никуда не уехал – сколько же можно бросать то, во что душу вкладывал?.. И устроился на должность агронома в совхоз имени Третьего Интернационала (так стало называться его бывшее поместье).

Дом с мозгами

Умер он в том же году, что и Ленин, и судьбы их странным образом посмертно пересеклись. Забальзамированное тело Владимира Ильича упокоилось в мавзолее, а содержимое черепной коробки вождя мирового пролетариата было передано особой лаборатории, специально созданной, чтобы понять, чем отличается мозг гения от серого вещества прочих людей. Марксистам этот вопрос представлялся архиважным. Лаборатория располагалась сначала в бывшем доме Н. Медынцева в Померанцевом переулке, а когда учреждение разрослось, его в 1928 году перевели в дом Игумнова, повысив статус до Института мозга. С помощью купленного в Германии микротомы мозг Ильича был нарезан на 30 953 тончайших пластины и досконально изучен. Впоследствии в распоряжение института передавали мозги других выдающихся людей после их кончины, и со временем сформировалась целая коллекция. Существует она и в наши дни, только располагается уже по другому адресу, поскольку в 1937 году Институт мозга переехал в другое здание, чтобы освободить особняк Игумнова для размещения Посольства Франции.

Реставрировано все. Кроме привидений

К тому времени здание уже требовало ремонта и реставрации. О том, как отреагировали на особняк в русском стиле французские архитекторы, сказано в самом начале материала. К этому стоит добавить, что один из экспертов, обследовавших особняк в сентябре 1937 года, отмечал, что потолки в

гостиной держались лишь на «честном слове». Состояние крыши и стен тоже не радовало, но нужно было вселяться. Поэтому реставрацию отложили до лучших времен: французы ограничились только «косметикой» – умело подобрали драпировки, люстры и мебель, и особняк вступил в новую жизнь. В его стенах проходили дипломатические приемы, коктейли, ужины и концерты. В декабре 1944 года глава временного правительства Французской Республики генерал Шарль де Голль вручал здесь награды летчикам эскадрильи «Нормандия-Неман».

Внешним видом особняка занялись только в 1950-х годах – были исправлены обветшавшие части карниза, отремонтирована крыша в местах протечек, восстановлены незначительные фрагменты наружных стен. В 1979 году после переезда посольства в новое здание, выстроенное по соседству, были фрагментарно восстановлены фасады особняка и заменена кровля. С этого времени здание получило статус официальной резиденции посла Франции. Некоторые помещения используются в качестве комнат для гостей и предоставляются французским знаменитостям на время их пребывания в Москве. Последняя по времени реставрация здания производилась в 2013–2014 годах проектным бюро «АрКо». Были восстановлены литые чугунные ворота, отреставрированы решетки ограды. Утраченные или сильно поврежденные элементы керамического декора реставраторы заменили аналогами, скопировав хорошо сохранившиеся образцы и точно подобрав цвета глазури. Мелкие сколы и отслоения декоративного слоя восстанавливались на месте.

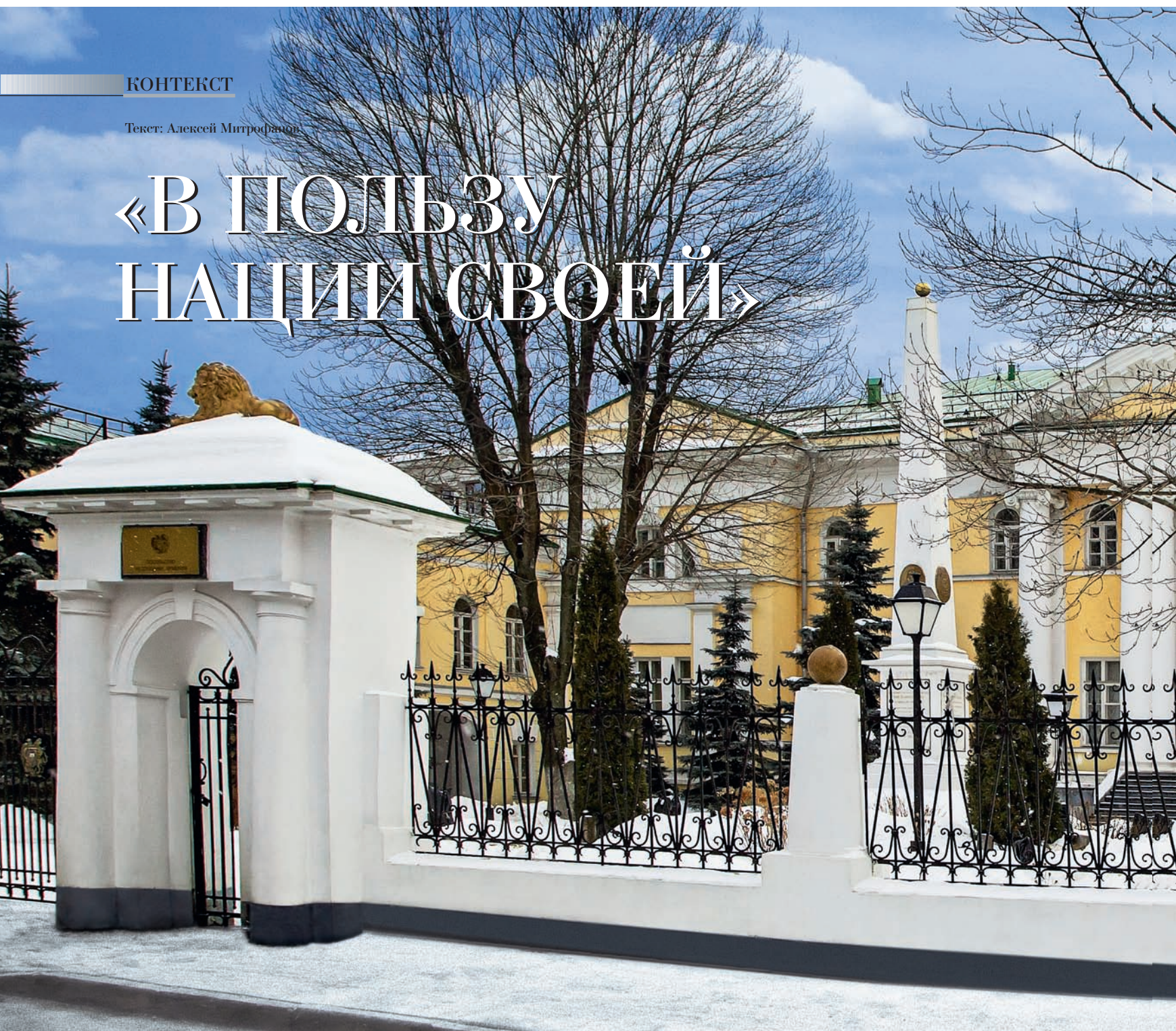
Очень кропотливой работы потребовала реставрация кровли – не только ввиду ее сложной формы, но также из-за необходимости поштучной замены металлической черепицы. Для покрытия шатров такой сложной формы кровельщики XIX века использовали несколько типов профилей и шашек: конек, лемех, косынка, «бобровый хвост» и так далее. Шпиатр (цинковый сплав, из которого такая черепица изготавливалась) в наши дни не применяется – он хрупок и сложен в обработке и к тому же подвержен коррозии, что в московской атмосфере становится проблемой. Поэтому реставраторам пришлось копировать сохранившиеся пластины, используя современный сплав – цинк-титан. Теперь некоторые шатры имеют две грани, крытые цинковой черепицей времен архитектора Поздеева, и две – современными копиями, но разницу можно разглядеть только вблизи.

Кроме замены деталей, пришедших в негодность, реставраторы сумели воссоздать элементы декора, сохранившиеся лишь на дореволюционных фотографиях – навершие на шпилье в виде пары лебедей, флюгер-дракон, отливы водосточных труб в форме дельфинов, декоративные подзоры и оклады слуховых окон. Кропотливая, точная работа реставраторов получила высокую оценку: Дом Игумнова стал лауреатом конкурса «Московская реставрация – 2014».

Что касается привидений и полтергейстов, то они реставрации не подлежат, но, похоже, не очень-то и нуждаются в ней. Проживающий в мансарде технический персонал посольства и в наше время слышит таинственные шаги в коридоре по ночам, а один из французов любит рассказывать, как однажды со стуком затрясся навесной замок на двери подвала, а когда дверь отперли и включили свет, тут же взорвались над головой две лампочки...

«В ПОЛЬЗУ НАЦИИ СВОЕЙ»

АРМЯНСКИЙ ПЕРЕУЛОК – ЛАЗАРЕВСКИЙ ИНСТИТУТ – ПОСОЛЬСТВО АРМЕНИИ: НЕСЛУЧАЙНАЯ СВЯЗЬ

«Как наружность, так и внутренность огромного учебного заведения, состоящего в пяти отдельных смежных зданиях, включает в себе красивую, правильную, причем в новейшем вкусе архитектуру с хозяйственным расположением», – так писал в 1823 году столичный журнал «Северный архив» о здании, которое в настоящее место занимает Посольство Армении.

Лазарян, он же – Лазарев

В доме № 2 по Армянскому переулку в наши дни находится Посольство Республики Армения. Все, казалось бы, логично. До тех пор, пока не вспомнишь про другие резиденции московского дипломатического корпуса. Дело в том, что на москов-

ской карте больше нет ни одного такого совпадения. Частично исключением является Посольство Чехии, расположенное на улице, носящей имя чешского журналиста Юлиуса Фучека. Но исключение это именно что частичное – связь между названием страны и улицы здесь опосредованная.

Столь редкое совпадение объясняется тем, что свое старинное название переулок получил потому, что здесь располагалась армянская слобода – место проживания московской армянской диаспоры. Первое достоверное упоминание об этом месте относится к 1390 году. Летописец повествует о пожаре – значит, поселение возникло еще раньше. Когда точно – неизвестно. История же нынешнего домовладения № 2 начинается на заре XVIII столетия, когда один из совладельцев штофной мастерской Игнатий Шериманян строит здесь жилой дом. В 1758 году дом покупает Лазарь Лазарян (он же, для упрощения общения с русскими товарищами, – Лазарев).

Вид Армянской гимназии.
Гравюра А. Флорова 1816 г.

Портрет Ивана
Лазаревича
Лазарева.
1790 г.
Худ. Иоганн
Баптист Лампи-
старший

В национальных традициях и в дружбе с русскими

Отношения русских и армян были в те времена весьма своеобразными.

С одной стороны, абсолютно мирными и братскими. В частности, сын упомянутого Лазаря Лазарева – Иван писал в 1780 году А.В. Суворову: «Армения уже несколько веков, как лишилась государя своего и особенного Правления, многими местами овладели турки и персияне; малая же часть, то есть карабахцы, и поныне остаются в независимости, но в случае какого-нибудь начальника из своей нации, весьма легким способом Армения может восстановиться и в короткое время сделается стечение немалого народа; от природы укрепленные места немалым способом служить могут к защищению себя, качество земли и климат, без всякого недостатка может снабдить всеми нужными припасами; даже порох, железо и свинец иметь могут собственный». Далее Лазарев неоднозначно призывал Суворова оказывать армянскому народу военную помощь.

С другой стороны, простой русский народ воспринимал армян несколько искаженно. Русская до-революционная писательница-армянистка, немка по происхождению Магда Нейман приводила в своем очерке «Армяне» характерный диалог:

«Когда-то русские видели в Москве и Петербурге каких-то восточных людей, приехавших туда торговать так называвшимися турецкими шальями.

- Что это за народ? – спрашивали друг у друга.
- Да армяне.
- Значит, еретики?
- Ну да.
- Ишь ты какие, а ведь ломают по-русски! Откуда они везут этот товар?

Главный фасад дома расположен за глубоким курдонером и отмечен изящным ионическим шестиколонным портиком под фронтоном. Фото начала 1900-х.

- Из Турции.
- Разве они в Турции живут?
- Кажись, нет. Впрочем, наверное не знаю. Иван Иванович их хорошо знает, – он их встречал на Макарьевке. Как-то намерен говорил, что армяне определенного местожительства не имеют и живут на Кавказе, и в Персии, и в Турции, и в Китае, да всюду, где можно торговать; все они люди торговые, вечно странствующие из края в край; где им сподручно, там и застрянут временно.
- Вот как, это значит вроде цыган!
- Почитай, что так, но они схожи с жидами, только жиды имеют еще разные ремесла, а армяне занимаются одной торговлей».

Конечно, во всем этом нет ни слова правды. Уже тогда армяне были знамениты на весь мир своими музыкантами, учеными, мастеровыми и врачами.

Третье обстоятельство – отсутствие в Москве приличного учебного учреждения, которое способствовало бы обучению армян в национальных патриотических традициях, но при этом в дружбе с русским народом. И в результате этих обстоятельств Иван Лазаревич в 1785 году принимает решение: «По окончании обязательства моего с казною, если нечаянным неким приключением не будет расстроено состояние мое, желание имею начать откладывать погодно всего до двухсот тысяч рублей капитала для заведения и содержания училища в пользу нации своей».

«Главный предмет – раскрытие способностей юношей»

В начале XIX века брат Ивана Лазаревича Оваким приступает к строительству нового дома по старому адресу – уже не под жилье, а под Лазарев-

ский институт (название придумали без ложной скромности). Оваким Лазаревич говорил: «Это важное дело, полезное и национальное... Весь мир глядит на нас. Может быть, начав дело, понеся затраты, мы не сможем завершить его и среди народов и наций, своих и чужих, опозоримся».

Первые занятия начались в 1815 году. В институтской летописи была сделана отметка: «Открыто преподавание разных наук для поступивших в оное воспитантов как из армянской, так и других наций, и начало оно действовать». В 1822 году во дворе был установлен строгий чугунный обелиск, сохранившийся до наших дней. Он прославляет основателей учебного учреждения – Ивана Лазарева, Овакима Лазарева, его жену Анну Сергеевну и их сына Артемия.

А в 1823 году столичный журнал «Северный архив» писал: «Как наружность, так и внутренность огромного учебного заведения, состоящего в пяти отдельных смежных зданиях, заключает в себе красивую, правильную, причем в новейшем вкусе архитектуру с хозяйственным расположением. На главном корпусе находится фронтон, с одного фасада в колоннаде, а с другого в пилястрах; в приличных местах в барельефе изображены учебные символы с надписями. Внутри сего прекрасного строения находится великолепная зала для учебного собрания, классные покои... Библиотека, попечителем и сыновьями его подаренная, состоит из 3000 томов отборных из разных языков творений; в дар доставлены Минералогический кабинет, математические инструменты, географические карты».

И, конечно же, одним из учебных пособий были легендарные армянские хачкары, придорожные кресты, своего рода аналог древнерусских «голубцов» и предмет национальной гордости каждого армянина. Греческий путешественник Александро-

пулос писал о них: «Хач» – это крест, «кар» – это камень. Но «хачкар» – это не только каменный крест, это художественный символ армян. В нем отразился их декоративный вкус, тонкое чувство красоты и в какой-то мере история народа. Они берут большой камень и превращают его в кружево, ковер, сад, песню. В центре высекается святой животворный крест, а вокруг травы, цветы, плоды, люди, звери, птицы, разные орнаменты и буквенные вензеля. Размеры так же разнообразны, как и резьба. С помощью большого зубца камень крепится на могильной плите – вертикальный символ жизни. Но он может стоять и на перекрестке дорог или где-нибудь в другом месте, напоминая о важном событии, дате или просто для украшения. Плита монолитная и довольно толстая, в десять, пятнадцать или двадцать сантиметров. Мастер, как правило, высекает крест в раме. Иногда верхняя часть наклонена вперед, как защитный козырек над каменным кружевом, но все это необязательно, кроме креста и орнаментов, воплощающих идею цветения».

Главный упор в этом учебном заведении делался не на зубрежку, а на понимание. В его уставе говорилось: «Главный предмет обучения должен состоять в раскрытии и образовании способностей юношей. Поэтому не довольно одних объяснений, нужно возбуждать собственное действие ума учащихся, заставляя самих учеников рассуждать, повторять сказанное и потом продолжать лекции».

Русские воспитанники армянского института

Несколько выше оговаривалось, что воспитанниками института могли стать не только лишь армяне. Действительно, за неимением собственных учебных

За главным корпусом в саду в 1822 г. был поставлен обелиск, выполненный в ампирных формах в память об основателях института.

В 1914 году обелиск с четырьмя мраморными барельефными портретами основателей и попечителей института был установлен перед главным зданием

Белокаменные пилоны ворот увенчаны скульптурами львов

Посольство
Республики
Армения

учреждений с сопоставимым качеством образования сюда охотно определялись грузинские и даже русские дети. У Лазаревых, в частности, обучался знаменитый русский писатель Иван Сергеевич Тургенев. Он вспоминал о годах, проведенных в Лазаревском институте, с любовью: *«Что касается до «Милославского», то я знал его наизусть; помнится, я находился в пансионе в Москве, и там по вечерам надзиратель наш рассказывал содержание «Юрия Милославского». Невозможно изобразить то поглощающее и поглощенное внимание, с каким мы все слушали; я однажды вскочил и бросился бить одного мальчика, который заговорил было посреди рассказа».*

В институте вообще старались поддерживать атмосферу большой дружной семьи. Недаром в уставе вместо понятия «исключить» было записано другое – «отлучить от Дома».

Учился здесь и Константин Сергеевич Станиславский. Правда, его воспоминания были более критичны: *«За несколько недель до нашего поступления был такой случай в дортуарах воспитанников. Вдруг один из них, восточного происхождения, погнался за инспектором с поленом в руке и бросил его в своего начальника, желая переломить ему ногу. К счастью, дело ограничилось одним ушибом. Инспектор долго хворал, а ученик сидел в карцере. Но дело замяли, так как в него была замешана женщина».*

В другой раз в одном из классов начался урок, в середине которого слышались звуки гармоники и глухое, точно отдаленное, пение. Сначала не обратили на него внимания и думали, что оно доносится с улицы; но потом разобрали, что звуки идут из чуланчика, который находился при входе в класс. Оттуда извлекли пьяного ученика, которого запрятали туда, чтобы он проспался.

Многие из учителей были чудачки. Так, например, один из них входил в класс каждый раз по-новому: дверь отворялась, и в класс летел и попадал на кафедру учительской журнал, который носят с собой преподаватели для отметок и замечаний; вслед за ним уже являлся сам учитель-комик. В другой раз тот же учитель неожиданно являлся в класс раньше звонка, когда мы все еще шалили, бегая по классу. Мы пугались, бросались к своим партам, а он тем временем скрывался и возвращался с опозданием.

Священник был тоже наивный чудак. Его уроки предназначались нами для подготовок к латинскому и греческому. Чтобы отвлечь старика и сорвать его урок, один из товарищей, очень умный и начитанный человек, заявлял священнику, что Бога нет.

«Что ты, что ты, перекрестись!» – пугался старик и начинал вразумлять заблудшего. Казалось, что ему это удастся. Он даже был рад своей победе. Но тут выплывал новый, еще более кощунственный вопрос, и бедный пастырь вновь считал себя обязан-

ным спасти заблудшую душу. За этой работой протекал весь урок. В награду за ловкость и усердие товарищу преподносили несколько пирогов с ливером во время ближайшего завтрака».

Да, институт был живым организмом и, хотя бы в силу этого, не мог являться идеальным.

Трудовая школа – дом культуры – посольство

А потом случилась революция. За ней – другая. Институт бурлил: горячая кавказская кровь давала себя знать. Многие воспитанники принимали участие в революционном движении, не понимая, что тем самым, по сути, подписывают смертный приговор своему любимому институту.

Первое время он, правда, держался, но в несколько измененном виде: *«Армянский институт в Москве (бывший Лазаревский институт) состоит из единой трудовой школы первой и второй ступени с преподаванием на армянском языке, факультетов историко-филологического и социально-экономического с преподаванием как на армянском, так и на русском языке».*

Но затем институт упразднили. Большая часть его художественной коллекции отправилась в Армению, в картинную галерею. В результате в Ереване оказались очень ценные полотна. И не одних только армянских живописцев – Айвазовского, Сарьяна и подобных им по мастерству и значимости, но и Шишкина, Рокотова, Левицкого, Боровиковского, Брюллова, Сурикова, Репина, Тропинина, Судейкина, Петрова-Водкина, а также Яна Брейгеля, Ван Дейка, Рембрандта, Гюбера де Робера, Тинторетто, Рубенса и множества других известных мастеров с мировым именем.

А в Армянском переулке разместился Дом культуры Советской Армении. Один из современников писал: *«В огромном доме бывшего Лазаревского института среди стружек и извести работает кучка энергичной молодежи и студийцев Армянской театральной мастерской. Ремонт продолжится до марта, а пока в нетопленной актовой зале идет большая работа студийцев, из которых самому старшему 30 лет. Руководитель требователен и заставляет помногу повторять одну и ту же сцену. Молодежь не ропщет, и до поздних сумерек затягивается репетиция в актовой зале».* С этим домом культуры с удовольствием сотрудничал даже Арам Хачатурян.

Здесь же разместилось и представительство Армянской ССР. Впоследствии оно было реорганизовано в Армянское консульство, а на протяжении последней четверти столетия является посольством.

Текст: Сергей Шокарев,
кандидат исторических наук, доцент Историко-архивного института РГГУ

ДВОРОВАЯ ЖИЗНЬ

ПАМЯТЬ О ПРЕБЫВАНИИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОСКВЕ ИНОСТРАННЫХ ПОСЛОВ И ТОРГОВЦЕВ ОСТАЛАСЬ В НАЗВАНИЯХ СТОЛИЧНЫХ УЛИЦ

Уже в первые века своей истории Москва стала известна как крупный политический и торговый центр на путях между Западом и Востоком. Ко двору московского государя регулярно прибывали иноземные посольства, которые получали кров и пропитание. Известны несколько посольских резиденций XVI – начала XVIII века, которые в те времена именовали «дворами». К сожалению, большинство этих «дворов» до нашего времени не сохранились, оставив, однако, след в названиях столичных улиц.

Ордынский двор: где он был и был ли вообще

Московское предание сообщает, что в XIV столетии в Кремле находился Ордынский двор, территорию которого ханша Тайдула в благодарность за исцеление от слепоты отдала митрополиту Алексию. Якобы на месте бывшего Ордынского двора в

Кремле в 1365 году владыка и основал Чудов монастырь. Долгое время это известие не подвергалось сомнению, однако видный московский историк и археолог Татьяна Дмитриевна Панова установила, что сведения об Ордынском дворе в Кремле – миф. Источники доподлинно ничего не сообщают о том, что в Московском Кремле располагалась особая резиденция

ханского посланника. Возможно, она находилась в Замоскворечье, где названия улиц связаны с Ордой (**Большая и Малая Ордынка, Балчуг, Татарская улица**). Впрочем, был ли вообще в Москве XIV–XV веков Ордынский двор? Пока на этот вопрос нет ответа.

Зато историками неплохо изучен Крымский двор, на котором в XVI –

начале XVIII века останавливались послы крымского хана.

Крымский двор: под неусыпной охраной

Впервые Крымский двор упоминается в летописях в 1532 году. Этот двор находился рядом с Калужскими воротами Земляного города (в районе современных Мароновского переулка и Крымского тупика). В XVI веке эта местность считалась загородной. Однако татарам там было удобно – сюда пригоняли из степей табуны на продажу, и лошади паслись на заливных лугах по берегам Москвы-реки. Неподалеку находился такой же Ногайский двор. Оба двора, таким образом, являлись не только дипломатическими, но и торговыми представительствами Крыма и Ногайской Орды.

Крымский двор, огороженный забором, представлял собой участок размером 98 м с западной и восточ-

ной сторон, 81 м – с южной стороны и 88 м – с северной. Внутри него находились несколько деревянных изб, деревянные поварни, конюшни, у ворот – сторожевая изба.

По досмотру служащих Посольского приказа, в 1643 году эти строения находились в плачевном состоянии: *«На Крымском посольском дворе десять изб сгнили и углы пообвалились, и впредь в тех избах, послом и гонцом от дождя и морозу стоять не мочно; да две поварни были рублены, и те поварни сгнили и развалились»*.

Впоследствии Крымский двор не раз перестраивали, в последний раз, видимо, в 1702 году, когда крымские татары привезли сюда 54 «полоняника», которых должны были обменять на пленных татар.

Крымские послы прибывали в Москву с большой свитой – до 50 человек, содержание которой вставало казне в значительную сумму. В 1649 году Посольский приказ потребовал от крымских дипломатов ограничить

число послов до трех человек, их свиту – до 12 человек, а сопровождение гонцов – до трех. Крымцев на их подворье строго охраняли, не допуская сюда посторонних людей и не давая возможности самим татарам выйти в город. Караул на Крымском дворе состоял из 50 стрельцов. Когда во время эпидемии чумы их число уменьшилось до пяти, было принято решение направить сюда еще 25 человек из опасения как бы и от крымских татар не получить «дурна». Оно, однако, все равно «учинялось», правда, в пределах самого Крымского двора: в 1642 году стрельцы жаловались на татар, которые их побили, а пятью годами ранее, в 1637 году, крымцы убили самого посла Ибрагима.

Крымский двор прекратил существование в петровскую эпоху, однако память о нем сохранилась в названиях Крымского моста, Крымского брода, Крымской набережной, Крымского тупика и других.

Посольский двор на Ильинке: «прекрасное здание в три жилья»

Посланников из европейских стран селили на территории Китай-города – поблизости от Кремля и царского дворца. В XVI веке послов размещали на дворах богатых москвичей. В 1599 году, к примеру, из Швеции прибыл королевич Густав, за которого Борис Годунов намеревался выдать дочь царевну Ксению. Гостя поселили на Ильинке, на подворье Новгородского митрополита (ныне на этом месте ул. Ильинка, дом № 2 – корпус Теплых торговых рядов). Вскоре, однако, царь разочаровался в женихе – тот пьянствовал, развратничал и отказался переходить в православие. Годуну такой зять был не нужен, и Густава отправили в Углич, дав ему казенное содержание. В 1601 году австрийского посланника Мартина Шиле (Шиля) «поставили» на дворе думного дьяка Андрея Яковлевича Щелкалова на той же Ильинке. Спустя год там поселили другого жениха Ксении Годуновой – датского королевича Иоанна. Иоанн понравился царю и царевне, но внезапно заболел и умер в Москве.

План Москвы, составленный в 1608 году автором «Московской хроники» немцем Конрадом Буссовым, показывает в Китай-городе «дворы» Густава и Иоанна, находившиеся по соседству. Там же Буссов обозначил какие-то «хоромы королевских послов», т.е. послов короля Сигизмунда III, приезжавших в Россию при Лжедмитрии I и Василии Шуйском. Возможно, имеется в виду одно и то же владение – бывший двор А.Я. Щелкалова, на котором в последние годы правления Годунова создали Посольский двор – официальную резиденцию западноевропейских послов.

Подробное описание Посольского двора оставил чех Бернгард Таннер, побывавший в Москве в 1678 году:

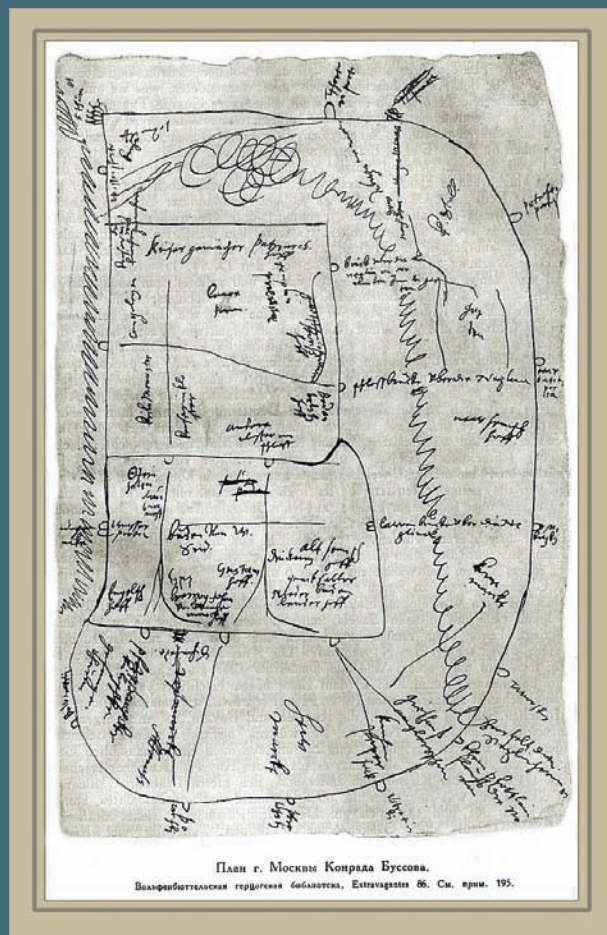
«Это прекрасное здание построено Алексеем Михайловичем из кирпича (что здесь по деревянным городам редко), в три жилья, по 4 углам украшено 4 башенками, или, как их называют, куполами, возвышающимися над столькими же ступенями. Оно включает

внутри четырехугольный двор, средину коего занимает большой колодезь. Главная краса здания – высокая и изящная башня – служит великолепным в него входом и своими тремя балконами... приятными по открывающимся с них видам и просторными для прогулки, придает немалое украшение этому городу. Для жительства послов москвитяне разделили здание это на 3 части: первую и лучшую назначили для князя-посла, вторую – для посла-воеводы, третью – для секретаря посольства... Своды в комнатах были так низки, что нельзя было приладить к стене ни одной из привезенных с нами занавесей, не подогнув ее хорошенько.

Теперь посмотрим, какую обстановку сделали москвитяне в комнатах. Кругом по стенам приделаны были лавки; средину комнаты занимали длинные столы и переносные скамейки, все обитые красным сукном, которым обиты были внизу и стены, насколько сидящий человек доставал спиною. В одной из предоставленных князю-послу комнат, роскошно убранной, приготовлено было возвышение с

дорогим балдахином наверху, где был портрет польского короля; под ним кресло, назначенное для князя-посла, когда ему нужно было принимать посетителей... Устроены были три большие кухни с чуланами, птичника и прочими принадлежностями; для лошадей, нужных для ежедневных разъездов, были три конюшни... Наконец – два больших зала для прогулки и пирушек. Немало подивились послы на то, что все окна были скорей железные и каменные, чем стеклянные и прозрачные, а выходившие на улицу имели еще и глубоко вделанные в стену решетки толщиной в человеческий кулак; затворялись они также и железными ставнями, из коих к каждому однако ж москвитяне приставили еще некоторое число солдат, чтобы предупредить, как они утверждали, покушения грабителей и воров».

Другие дипломаты также свидетельствуют, что Посольский двор представлял собой просторное каменное здание, гораздо более удобное, нежели другие дома москвитов. Столь же единодушны иноземцы в описании

План Москвы из книги
Конрада Буссова
«Московская хроника».
1584–1612

План г. Москвы Конрада Буссова.
Византийская герцогская библиотека, Extravagantes 66. См. прим. 195.

Аудиенция голштинского посольства у царя Михаила Федоровича. Из книги Адама Олеария «Описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию». 1647 год.

строгостей их содержания на Посольском дворе, который круглосуточно охранялся солидным отрядом стрельцов. Никто не должен был входить или выходить за пределы двора без особого разрешения. Для каждого из посольств устанавливался свой режим пребывания: кого держать взаперти, а кому разрешить выходить в город или посылать слуг на рынок. Таким образом, начальство Посольского приказа не только оберегало гостей от разного рода эксцессов, но и стремилось не дать им увидеть или услышать то, что не хотелось бы демонстрировать.

Австрийский дипломат Августин Мейерберг, посетивший Москву в 1661–1662 годах, пишет, что Посольский двор и днем и ночью охраняли 40 стрельцов. *«Один из часовых, — продолжает австриец, — по распределению мест, должен был стоять на карауле под окошками моей спальни. В летние ночи он не давал мне спать диким пением либо нелепыми играми с сослуживцами. А зимою, чтобы согреться, бил в ладоши и скакал, притоптывая ногами».*

Во время проезда иностранных дипломатов к Посольскому двору устраивалась торжественная встреча — по всей Ильинке, в прилегающих переулках и на Красной площади стояли стольники, стряпчие, жильцы, дети боярские, дворяне, дьяки, подьячие, стрельцы, гости, солдаты... По такому случаю придворным выдавали из казны «конские наряды» и «чепи гремячие».

Еще более пышно обставлялся въезд дипломатов в Кремль. Посла со свитой сопровождал почетный эскорт из русских дворян во главе с приставом, впереди несли или везли подарки. Такое шествие могло растянуться на всю длину пути от посольской резиденции до Грановитой палаты и насчитывать несколько сотен человек.

Английский двор на Варварке: закрыт за «вашу многую неправду»

Помимо Посольского двора в Москве существовало еще несколько

подворий, которые занимали дипломаты и торговцы из Западной Европы. Раньше всех возник Английский двор. В 1556 году царь Иван IV пожаловал английским торговцам каменные палаты на Варварке, которые были выстроены в I половине XVI века Иваном Дмитриевичем Бобрищевым. Этот богатый купец был создателем соседнего храма Святой Варвары, давшего наименование всей улице. Почти сто лет Английский двор являлся главной резиденцией английской Московской компании, в его подвалах хранилось огромное количество товаров, здесь останавливались английские посланники, торговые агенты, купцы. Английский двор пострадал во время пожара Москвы 1571 года и боев Второго ополчения с поляками в 1612 году, но каждый раз отстраивался — дела англичан шли прекрасно благодаря торговым привилегиям, выданным им Иваном Грозным.

Такое положение очень не нравилось русским купцам, и они не раз обращались к государю с просьбой

ЛЕСТНИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Прием иноземных дипломатов происходил в Грановитой палате, выходившей фасадом на Красную площадь. Вход в нее осуществлялся через Красное крыльцо – широкую галерею (гульбище), к которой вели три лестницы: Благовещенская шла через паперть одноименного собора, Средняя (Золотая) располагалась между собором и Грановитой палатой, а Красная примыкала к боковому фасаду последней. До наших дней сохранилась только главная – Красная лестница. По ней совершались парадные царские выходы и на ней встречали самых важных и долгожданных послов, угощая их трижды на каждой лестничной площадке. По Благовещенской лестнице во дворец входили послы христианских стран, по Средней – исламских государств, поскольку им идти через церковную паперть было «непригоже».

ограничить права англичан на беспошлинную торговлю. До поры до времени цари терпели такое положение, опасаясь вступить в конфликт с могущественной короной, но в 1649 году нашелся повод – казнь английскими революционерами короля Карла I. Царь Алексей Михайлович издал указ о высылке англичан из России за их вредные для российской торговли поступки (тайно продавали табак, скупали шелк-сырец и другие «заповедные» товары, «да и во многих статьях ваша многая неправда»). Прежние договоры самодержец счел недействительными, поскольку они были заключены по прошению «Карлуса Короля», «а ныне ведомо учинилось, что англичане всею землею учи-

нили большое зло, государя своего, Карлуса Короля, убили до смерти, и за такое злое дело в Московском государстве вам быть не довелось». Англичанам было разрешено торговать в Архангельске на общих основаниях, как и другим западноевропейцам.

Тщетно англичане уже после реставрации монархии просили о прежних привилегиях и возврате Английского двора, главную московскую резиденцию им так и не вернули. Конфискованный Английский двор был выкуплен боярином Иваном Андреевичем Милославским. После его бездетной смерти двор вновь отошел в казну. В 1676 году в хоромах расположилось подворье митрополита Нижегородского и Алатырского.

В начале XVIII века здесь находилась Арифметическая школа, затем палаты переходили от одних хозяев к другим и утратили первоначальный облик. Московеды и историки архитектуры считали палаты Английского двора утерянными. Выявил этот памятник в 1956 году выдающийся реставратор Петр Дмитриевич Барановский. Он же добился сохранения палат во время строительства гостиницы «Россия», когда памятнику угрожал снос. Во время реставрации 1968–1972 годов Английский двор был восстановлен в архитектурных формах XVI–XVII веков: удалены позднейшие пристройки, внутри раскрыты средневековые конструктивные и декоративные детали, реконструиро-

ваны интерьеры. 19 октября 1994 года с участием английской королевы Елизаветы II и принца Филиппа здесь был открыт филиал Музея Москвы «Старый Английский двор».

Английский двор – единственная средневековая посольская резиденция в Москве, сохранившаяся до наших дней.

Шведский двор на Тверской: когда миссия уехала в Санкт-Петербург

Свой двор был в Москве и у шведов. Он появился согласно условиям Столбовского мирного договора между Россией и Швецией, заключенного в 1617 году. В 1630-е Швед-

ский двор основался в районе Тверской улицы (в те же годы появился и Русский двор в Стокгольме). На Шведском дворе останавливались дипломаты, жили дипломатические и торговые агенты. В 1685 году было выстроено белокаменное здание подворья. Этот двор просуществовал в Москве довольно долго – до 1874 года, когда по взаимному согласию Россия и Швеция обменялись территориями Русского и Шведского дворов. К этому времени Шведский двор утратил значение дипломатической резиденции – миссия страны находилась в Санкт-Петербурге, а в Москве проживали специальные представители, занимавшиеся управлением шведской собственностью.

Последний из них – Юхан Сундлер умер в 1845 году.

Здание Шведского двора не сохранилось, но о нем напоминает название улицы, на которой он находился, – Шведский тупик.

Испанский двор на Никольской: прослежено археологически

Известно также о двух Испанских дворах и каких-то «Грейфсальбских хором». Все они указаны на плане Москвы Конрада Буссова. Очевидно, «Грейфсальбские хоромы» были германским представительством: Грайфсвальд, или Грейфсвальд (Greifswald), – город в земле Мекленбург – Передняя Померания, известный с начала XIII века. Согласно Буссову, эти «хоромы» находились в районе Никольской улицы, неподалеку от Печатного двора. Там же автором плана обозначен «Старый испанский двор», а за рекой Неглинной – «Новый испанский двор». К сожалению, других сведений об испанской миссии в Москве не сохранилось, однако следы испанского присутствия прослежены археологически.

В 1970 году в Ипатьевском переулке был обнаружен крупный монетный клад. В широком медном тазу находилось 3398 монет, общий вес которых составил целых 74 килограмма. Это были испанские песо и песеты, отчеканенные во второй половине XV – первой трети XVII века на монетных дворах Мадрида, Барселоны, Толедо, Севильи, а также в американских колониях испанской короны – в Мексике, Колумбии, Боливии. Вероятнее всего, монеты доставили в Россию для дальнейшей перчеканки. Но почему же именно испанские? После завоевания конкистадорами Южной Америки испанское золото и серебро стали эталоном драгоценных металлов. Их вывозили и распространяли по свету испанские и голландские купцы.

И вполне возможно, что монетный клад в Ипатьевском переулке имеет какое-то отношение к Испанским дворам, существовавшим в Москве в начале XVII века.

ПОСОЛЬСКИЙ ОБЫЧАЙ *в Москве Петра Великого*

НОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ
ОСВОИЛА В ПЕРВОПРЕСТОЛЬНОЙ
НОВЫЕ АДРЕСА

Дворец Петра Шафирова, впоследствии палаты Волковых – Юсуповых.
Большой Харитоньевский пер., 21

Двор Петра I в 1712 году переехал на Неву. Следом потянулись «все флаги» – иностранные представительства. Чрезвычайный посол Великобритании Чарльз Уитворт, направлявшийся в Москву осенью 1711 года уже второй раз, встретился по пути в Карлсбаде с лечившимся там Петром и по его приглашению отправился вместе с ним уже в Петербург. Переводом в город на Неве Сената было ознаменовано окончательное перенесение российской столицы. Московский Посольский двор на Ильинке (на месте современных зданий № 8–10) был в 1717 году отдан под шелковую мануфактуру.

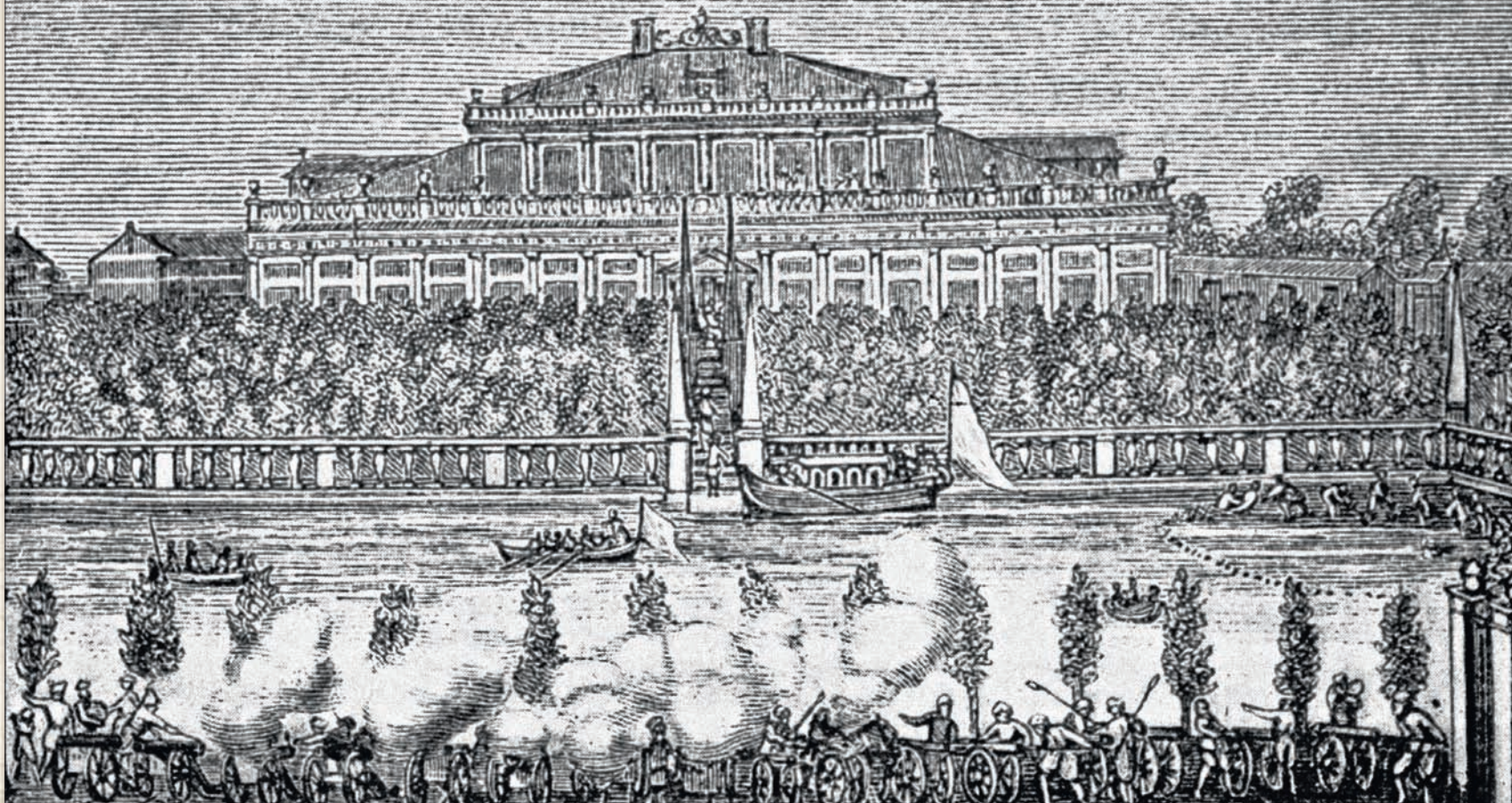

ПАМЯТЬ МЕСТА

Екатерининский дворец
(на месте усадьбы В.А. Головина)
1-й Краснокурсантский проезд, 3/5
Фрагмент фасада

«Царствующий град» с резиденцией на Яузе

Казалось бы, «посольская жизнь» Москвы со времен Петра I на долгое время остановилась, однако даже с переездом Сената своих дипломатических функций Первопрестольная полностью не утратила.

В нашем распоряжении остается, во-первых, все первое десятилетие века, да еще «с хвостиком» — например, пышное персидское посольство прибыло в 1712 году именно в Москву, причем с обозом из 900 подвод с товарами, так что для этих товаров и купцов-персиян пришлось отвести не только Гостиный, но и Посольский двор, где были сооружены лавки специально для их торговли.

Во-вторых, указом 1718 года Москва признавалась «царствующим градом». Подтверждением этого статуса стала в том числе коронация в 1724 году императрицы Екатерины I, которая, как, впрочем, и все такие торжества, в XIII–XIX веках проводилась в Успенском соборе Кремля. При подготовке к торжествам, в которых участвовал и дипломатический корпус, помещение Грановитой палаты, помнившей празднование победы под Полтавой (зимой 1709–1710 г.), было приказано «совсем вычинить и исправить, так чтобы о оном могла велика публика чинно исправиться». По этому и по другим поводам двор продолжал приезжать в Москву и иногда довольно надолго — естественно, в сопровождении иностранных послов. Однако важнейшие «адреса» дипломатической жизни в петровское время изменились.

Как справедливо обобщает историк московской застройки Петр Васильевич Сытин, «политический центр и дворцовая жизнь со времени Петра пере-

шли из Кремля на берега Яузы». Все, как известно, началось с поездок юного царя из села Преображенского в Немецкую слободу, где ему полюбился европейский образ жизни. В 1692 году Петр в Немецкой слободе пристраивает к дому своего друга — швейцарца Франца Лефорта — обширный зал, который использует в немалой степени для собственных деловых встреч и увеселений. А в 1697–1698 годах русский царь строит для Лефорта, своего сподвижника в реформировании России, пышный, в стиле «московского барокко», дворец (архитектор Дмитрий Васильевич Аксамитов; ныне — 2-я Бауманская ул., 3; перестроен и достроен).

После ранней кончины хозяина, почти не успевшего воспользоваться царским подарком, здание получает по отношению к дипломатии чуть ли не первостепенную в Москве роль. Превращенный в неофициальную резиденцию Петра, Лефортский дворец начинает регулярно служить для приемов послов и устройства праздников.

В тех же целях на противоположном берегу Яузы использовалась усадьба Головина. Вслед за царем Немецкую и Лефортовскую слободы двинулась осваивать придворная знать, и в 1701 году двор вдовы голландского торговца Ильи Теберта в Новой Немецкой (Лефортовской) слободе покупает генерал-фельдмаршал Федор Алексеевич Головин — виднейший российский дипломат, один из руководителей Великого посольства и глава Посольского приказа. Иоганн Фоккеродт, известный записками о России секретарь прусской миссии, по ошибке называет его впоследствии «великим канцлером» — настолько ощущалось современниками его влияние на российскую внешнюю политику.

Усадьба
Ф.А. Головина
в Лефортове.
Гравюра
А. Шхонебека.
1705 г.

Дворец Петра Шафирова, впоследствии палаты Волковых – Юсуповых в Большом Харитоньевском переулке.
Фрагмент дворового фасада

Занимавшая часть территории более позднего и в основном сохранившегося доньше дворцово-паркового ансамбля Екатерининского дворца (1-й Краснокурский проезд, 3/5) головинская усадьба изна-

чально проектировалась и создавалась не как боярский двор для замкнутой частной жизни, а как европейского типа резиденция, рассчитанная на приемы и многолюдные празднества. Главный дом, уже

Интерьер Грановитой палаты.
Фото В. Гриви. 2005 г.

вполне западной архитектуры, с расположенной в нескольких шагах от него домово́й церковью, был точно готов к январю 1703 года, когда в нем, на свадьбе сына Головина, Ивана Федоровича, и доче-

ри фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева — Анны, побывал голландский путешественник и художник Корнелий де Бруин. По его словам, это было «деревянное здание, хорошо сложенное по правилам искусства, со множеством прекрасных покоев, высоких и низких». В марте 1703 года Петру I

ПАМЯТЬ МЕСТА

Лефортовский дворец.
Ул. 2-я Бауманская, 3
Арх. Д. Аксамитов
1697–1698 гг.

представлялся здесь чрезвычайный посланник Людовика XIV – первый посол Франции в России Жан-Казимир Балюз. Кстати, на гравюре Адриана Шхонебека (1705), увековечившей усадьбу в мельчайших деталях, изображен, вероятно, отъезд из нее царя: вокруг его кареты, запряженной длинным цугом, кланяются и падают ниц люди.

Благодаря другой гравюре Шхонебека и также рассказу де Бруина реконструируется еще одно красочное, торжественное событие, к участию в котором были в 1702 году приглашены иностранные посланники и купцы – свадьба «остроумнолютого» и «многоусердного» царского шута Феофилакта Шанского, чей жеребец во время процессии покрыл шедшую впереди кобылицу.

Кроме подробностей этого трехдневного «всешутейшего» праздника оба художника – один графически, другой в своем описании – фиксируют внешний и внутренний облик Лефортовского дворца. «Это было, – пишет де Бруин, – громадное каменное здание в итальянском вкусе, в которое нужно было всходить по лестнице с правой и левой стороны по причине большого протяжения самого здания. В нем были великолепные комнаты и прекраснейшая зала, покрытая богатыми обоями, в которой собственно и праздновалась свадьба». Корнелий де Бруин вроде как официальным лицом не являлся, но визиты именитых путешественников (а де Бруин по своей первой книге о путешествии в Турцию, Египет и Палестину был уже широко известен), часто укрепляли важные международные отношения не меньше династического брака.

Накануне Северной войны (1700–1721) и в течение всего времени, как она продолжалась, российской дипломатии приходилось решать сложные задачи привлечения на свою сторону одних держав и поддержания нейтралитета с другими. При этом переговоры с их посланниками в Москве нужно, очевидно, связывать, главным образом, с Немецкой слободой и Лефортово. Переговоры в 1701 году Федора Головина с датским послом Гейнсом, завершившиеся заключением союзного договора, пребывание в Москве с 1705 по 1710 год английского посла Чарльза Уитворта и, безусловно, проживание у нас

Вид Яузского моста и дома Шапкина в Москве. Гравюра Ф. Лорье по картине Ж. Делабарта. 1797 г.

датского посланника, впоследствии вице-адмирала Юста Юля, известного своими записками о России, не могли миновать эти новые для дипломатии территории.

В Москву, тогда еще столицу, Юст Юль прибыл в конце декабря 1709 года: «Тут, – читаем в его дневнике, – для меня уже было приготовлено помещение в одном из домов Немецкой слободы. <...> Это было небольшое кирпичное подворье с комнатами, выведенными сводом, с железными дверьми и железными решетками у всех окон. Печи в доме были не железные, а кафельные, муравленные, большие, высокие, от пола до потолка, иные круглые, как башни, другие четырехугольные».

«Обедал с императором и императрицею в Кремле...»

30 августа (10 сентября) 1721 года на выгодных для России условиях был подписан (уже для всех тогда, наверное, долгожданный) Ништадтский мирный договор, явившийся, кстати, одним из наиболее крупных достижений российской дипломатии. Незадолго до того в Петербург прибыл Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский, молодой герцог, сын погибшего на войне шлезвигского герцога Фридриха IV и племянник шведского короля Карла XII. Целью гольштейнской дипломатии было добиться помощи Петра в поддержке прав Карла Фридриха на шведский престол и в возвращении ему занятого Данией Шлезвига. Ништадтский договор, по которому Россия обязалась не вмешиваться во внутренние дела Швеции, разрушил эти политические надежды герцога, но зато его намерения укрепить свое положение женитьбой на русской цесаревне Анне Петровне оказались достаточно реалистичными.

Оставшись при дворе благосклонного к нему российского государя, Карл Фридрих помчался вслед за ним праздновать заключение мира в Москву. Прибыв туда к моменту торжественного въезда Петра в город, герцог «был очень нежно принят императором и потом отправился в Немецкую слободу на приготовленную для него квартиру». Подробности его пребывания в России узнаем из знаменитого точностью и подробностью дневника, который вел его камер-юнкер Фридрих Вильгельм Берхгольц. «Квартиру мне, – пишет придворный о себе, – отвели у одного голландского маклера по фамилии Шенеман, но далеко от герцога». Через несколько дней по приезде – а дело было в конце декабря 1721 года – праздновалось Рождество Христово, и «его высочество обедал с императором и императрицею в Кремле, куда были приглашены к императорскому столу и все иностранные министры».

Как справедливо сообщили Берхгольцу, Петр бывал в Кремлевском дворце только по случаю каких-нибудь праздников. Большая часть дворца не ремонтировалась даже после пожаров, ветшала, и перевод в него учрежденных перед тем коллегий с их служащими, скарбом и даже колодниками довершил его загрязнение и упадок. Например, в альбоме, посвященном коронации Александра II (СПб, 1856), есть изображение обеда дипломатического корпуса в Золотой палате Кремля. Но уникальная, удивительная по архитектуре Золотая Царицына палата представлена на этом рисунке после недавней на тот момент реставрации при Николае I. А до предыдущего возобновления – в связи с коронацией императора Павла – со времен Петра I она служила обычной кладовой.

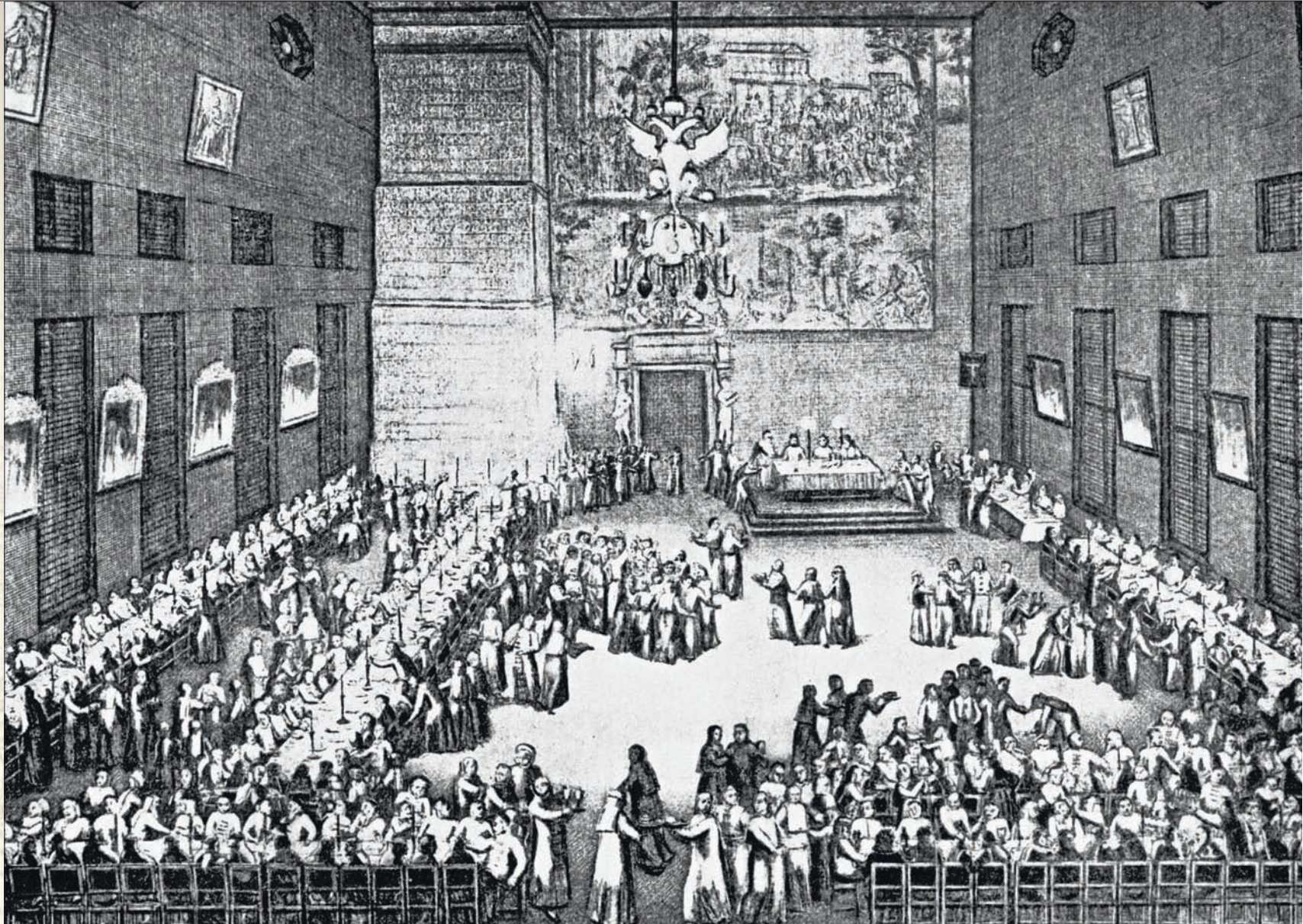
Дипломатический корпус, или, как говорили в XVIII веке, «иностранные министры», был и на кремлевском новогоднем празднике. Например, Берхгольц упоминает сидевшего рядом с Петром австрийского посланника графа Стефана Кинского. По другую сторону от императора сидели гольштейнский герцог и светлейший князь Александр Данилович Меншиков, приемы у которого также имели отчасти официальный характер. Скажем, на следующий день после рождественского обеда в Кремле, иностранных министров угощал у себя в Немецкой слободе уже он.

Приемы в формате ассамблеи

А жил к тому времени Меншиков ни много ни мало в Лефортовском дворце. Когда в 1706 году сгорел его Семеновский дворец, Петр подарил ему этот, добавив и денег на достройку. «Светлейший», как обычно, поспешил выполнить желание своего государя и в течение последующих двух лет обстроил парадный двор тремя большими, с торжественным въездом корпусами, образовавшими вместе с прежним, аксамитовским, дворцом замкнутый прямоугольник (архитектор Джованни Мария Фонтана; по разным версиям, степень его участия различна). Примерно в таком виде, не считая дворовых корпусов работы Матвея Федоровича Казакова и каких-то небольших перестроек, ансамбль Меншиковского дворца, который иногда называют Лефортовским, сохранился до наших дней.

Живший обычно в селе Преображенском, в скромном деревянном доме, Петр, как это было и раньше, продолжал использовать отданный своему любимцу и расширенный перестройкой дворец для встреч с послами и праздников. Поэтому праздники, обеды, ассамблеи у Меншикова приобретали государственный характер. Голштинские гости бываю у него регулярно и регулярно видят там на обедах «всех иностранных министров», причем записи об этом у Берхгольца нередко сопровождаются комментариями вроде «неимоверно пили», «вино

Свадьба Феофилакты Шанской
в Лефортовском дворце. Мужская половина.
Гравюра А. Шхонебека. 1702 г.

лилось уже слишком обильно» или «кавалеры большею частью все перепились».

У князя-кесаря Ивана Федоровича Ромодановского на праздновании дня святых Петра и Павла, именин императора, тоже «страшно пили», и «не было возможности благовидно отделаться от питья». В городе Ромодановским принадлежал двор на Никитской улице у церкви Малое Вознесение. Однако царя и иностранцев Иван Федорович, конечно, принимал в своей обширной загородной усадьбе на берегу Яузы, на южной окраине Немецкой слободы. При Елизавете Петровне, после ссылки в Сибирь его зятя, имение конфисковали в казну, а потом продали заводчику Никите Акинфиевичу Демидову, в усадебном доме которого находились впоследствии Елизаветинский институт благородных девиц и Московский областной педагогический институт им. Н.К. Крупской (ныне – ул. Радио, 10А).

На ассамблеях, вводившихся в обиход по указу Петра, пили меньше, нежели на праздниках и званых обедах, и много танцевали, до чего молодой

гольштейнский герцог Карл Фридрих был большой охотник. Кроме ассамблеи у Ромодановского Берхгольц описывает и другие: у вице-канцлера Петра Павловича Шафирова, которому принадлежали старинные палаты в Большом Харитоньевском переулке (ныне – дом 21), более известные по последующим владельцам как «палаты Волкова» или «палаты Юсуповых»; у сенатора графа Андрея Артамоновича Матвеева, унаследовавшего родительские палаты в Артамоновом переулке (ныне – Армянский пер., 9; не сохранились), и, наконец, у богатого солепромышленника, барона Александра Григорьевича Строганова на Швивой горке: «Он живет здесь в большом каменном дворце, стоящем на горе, и оттуда такой чудный вид, какого не имеет ни один дом в Москве».

Во II половине XVIII века на месте строгановского дворца вырос еще более впечатляющий дом с бельведером, откуда была видна чуть не вся Москва, в том числе украшенные садами и парками берега Яузы – до самой Немецкой слободы. Дом этот фрагментарно сохранился доныне (ул. Гончарная, 12), а запечатлен был лучше всего на известной картине Жерара Делабарта «Вид Яузского моста и дома Шапкина в Москве»: на ней величественная усадьба

венчает собой всю панораму Заяузья. Здесь не лишним будет заметить, что все упомянутые дома, где бывал голштейнский герцог, находились к востоку от центра – в Немецкой слободе, вблизи от нее или по дороге к ней. Сам Карл Фридрих в своем московском доме – в Немецкой же слободе – принимает по случаю своего дня рождения императора, всех его «птенцов», князя Кантемира, графа Сапегу и, разумеется, весь дипломатический корпус.

Топонимическая загадка

Один из этих дипломатов, вероятно, оказал влияние даже на топонимику Москвы. От Немецкой (ныне Бауманской) улицы отходит недалеко от Лефортовского дворца и почти в его направлении Посланников переулочек. Архитектор-реставратор и знаток Москвы Алексей Александрович Мартынов в позапрошлом веке нашел, что в этой местности находился в 1745 году двор прусского посланника фон Мардефельта («Названия московских улиц и переулков...», М., 1878). Эти сведения почти без изменения вошли затем в целый ряд топонимических справочников. Но другой замечательный историк Москвы Сергей Константинович Романюк в этих данных усомнился, указав, что прусский посланник барон Аксель фон Мардефельт (транскрипцию фамилии

Маскарад (движение карнавальной флотилии) в Москве 30 января – 4 февраля 1722 г. по случаю заключения Ништадтского мира со Швецией. Гравюра 1-й четверти XVIII в.

везде указываю авторскую. – Д.Я.) владел в середине XVIII века усадьбой на Немецкой улице, на месте современных участков № 55–57 («По землям московских сел и слобод», Ч. 1. М., 1998). Наконец, в недавно изданном «Полном словаре названий московских улиц» Яна Збигневича Рачинского (М., 2011) обнаруживаем утверждение (со ссылкой на актовую книгу), что это название переулочка фигурирует уже в 1715 году и что Мардефельд прибыл в Россию в 1724-м.

Хотя без дополнительных исследований эта задача о московском переулочке и прусских посланниках не решается, для нас само ее условие служит еще одним доказательством того, что любовь Петра Великого к европейской культуре превратила московскую Немецкую слободу в центр российской политической и дипломатической жизни начала XVIII века, так что даже перенесение столицы не отнимало у нее эту роль – как в эпоху царя-преобразователя, так и в течение ряда последующих царствований.

Путеводитель по пешеходным улицам

ПЕТРОВКА

...ПРЕЗИДЕНТОМ СОЮЗА МОСКОВСКИХ АРХИТЕКТОРОВ НИКОЛАЕМ ШУМАКОВЫМ ПО ПЕТРОВКЕ

ЛИЧНОЕ

НИКОЛАЯ ШУМАКОВА

У меня особое отношение к этой улице. Я шесть лет учился в МАРХИ, который в те времена стоял на улице Жданова – это сейчас ей вернули историческое название Рождественка. И ходил я до МАРХИ как раз по Петровке, все шесть лет... А потом, уже будучи опытным архитектором, делал как-то перепланировку на Петровке, 38 – для ГУВД Москвы. И, наконец, в Музее современного искусства, на Петровке, 25 в 2014 году два месяца работала моя персональная выставка «Приватные занятия архитектора». Так что – шагаем по Петровке!

В основе древних московских улиц – дороги, и Петровка – не исключение. Московский Иван Калита еще в I половине XIV века построил храм во имя Божией Матери на том месте, где сейчас стоит Высоко-Петровский монастырь, основанный уже его внуком, Дмитрием Донским, победителем битвы на Куликовом поле.

Вот от этого-то монастыря и пролегла дорога к Троицким воротам Кремля, и Петровкой она называется по имени монастыря. Длина улицы, ее название не раз менялись. Да и сама она долгое время не слишком походила на улицу – просто шла дорога по берегу реки Неглинки, регулярно разливавшейся в половодье. Чтобы попасть к Троицким воротам, дорога сворачивала там, где сейчас улица Охотный ряд. Вплоть до середины XVIII века «восточный» берег Неглинки был застроен мало, пока реку не отвели сначала во рвы, а позже – в подземный коллектор.

Известный писатель и краевед Иван Кузьмич Кондратьев в книге «Седая старина Москвы» так описывал далекое прошлое Петровки: «Заглянув в еще более глубокую старину, мы увидим, что внутри Москвы было немало пустырей, рвов, оврагов, даже целых рощ... По Неглинной езжали свободно на лодках взад и вперед, как теперь ездят по Москве-реке. В Петровской слободе (улица Петровка) были не только овраги, но перелески и большой косогор. Туда девушки из слобод Тверской и Никитской ходили на ключ за водой»...

Когда в самом конце XVI века зодчий Федор Конь построил стены Белого города, одни из его ворот стояли на том месте, где сейчас площадь Петровские ворота – на пересечении Петровки со Страстным бульваром. В начале нынешней Петровки в то время селились знатные семьи – князья Долгорукие, Лыковы. Эта «традиция» в следующие столетия только укрепилась – князья Черкасские, Туркестановы, Сибирские, Голицыны... А уже ближе к монастырю находились слободы пушечных дел мастеров (сегодня это улица Пушечная), кузнечных умельцев (теперь – Кузнецкий мост), ткачей (их местом жительства был современный Столешников переулок).

Время существенно «укоротило» Петровку: вначале от нее «отрезали» Охотный ряд (в самом конце XVIII века),

в следующем столетии пришлось «признать самостоятельность» площади, которой даже не случилось долгое время носить название Петровской (сегодня она именуется Театральной), а потом самая дальняя часть улицы стала Каретным Рядом.

Разорение Москвы в Отечественную войну 1812 года имело для Петровки неожиданные последствия. После восстановления мирной жизни побежденные в бою французы быстро отыграли свои позиции в моде и торговле, и если в начале XIX века модные лавки были в основном на Кузнецком мосту, то после Отечественной войны Петровка тоже стала центром роскошной жизни. Начало Тверской улицы, Петровка, Софийка (Пушечная), Газетный (Камергерский) переулок, Столешников и, разумеется, Кузнецкий мост, откуда и не думали съезжать «вечные французы», задавали тон всей Москве. Именно здесь были самые дорогие магазины, модные ателье, парикмахерские, увеселительные заведения. И, конечно, Большой театр! Заново отстроенный и открытый в 1825 году, он был местом, где «человек из общества» никак не мог не появляться. С него и начнем путешествие по Петровке.

Дом № 1

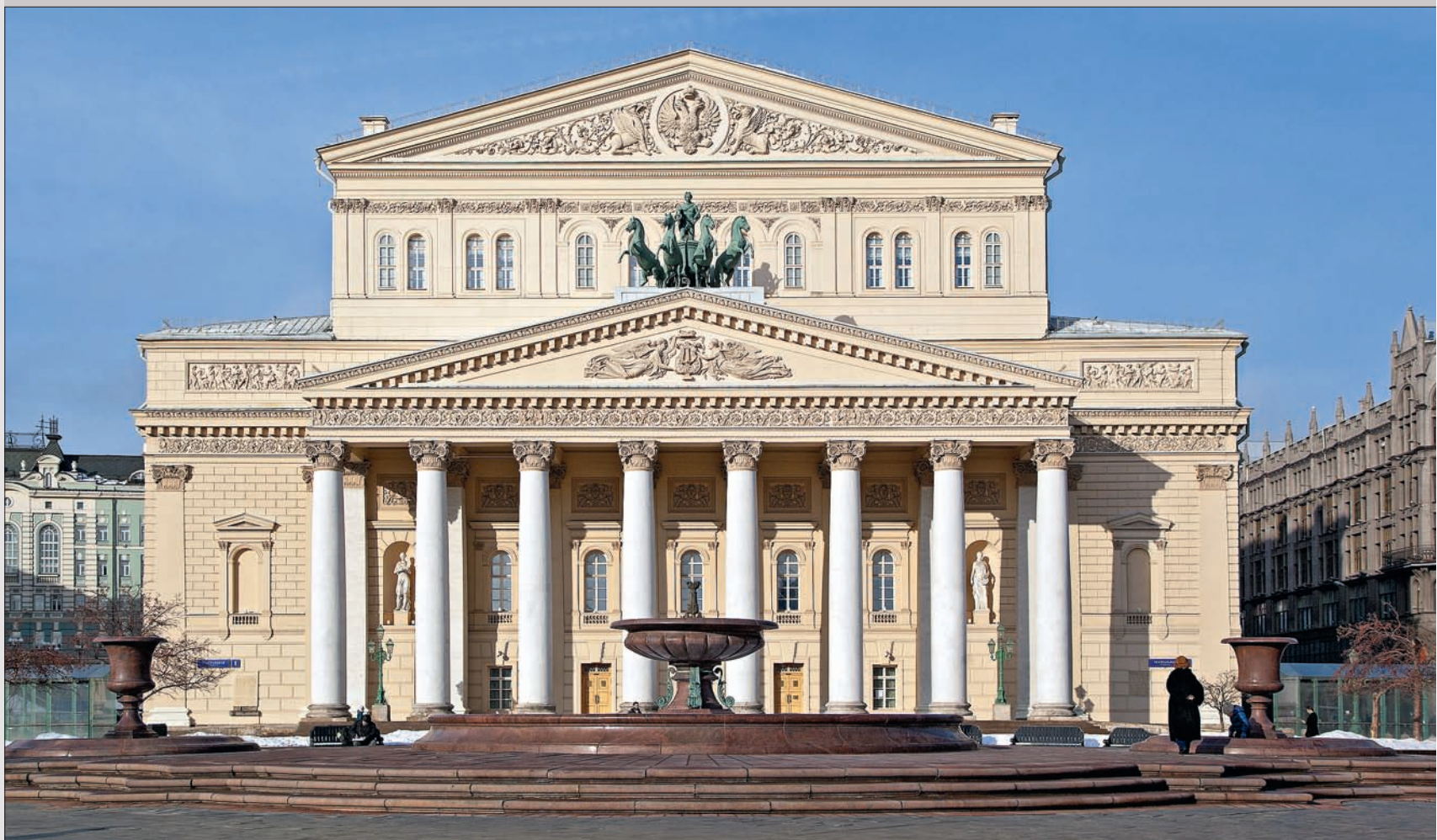
Большой театр на самом деле имеет другой адрес: Театральная площадь, дом 1. На Петровку же он выходит боковым фасадом. В 2014 году исполнилось 190 лет с момента окончания строительства современного здания Большого театра, в этом году – 190 лет со дня его открытия. Но в истории театральной Москвы это место стало наиважнейшим значительно раньше. Театр, который исправно развлекал москвичей с 1781 года, назывался Большим Петровским, его вход и выход были тогда обращены на Петровку. Автор проекта – архитектор Христиан Иванович Розберг. Заказчик – антрепренер Майкл Меддокс, обрусевший англичанин, который к театру пристроил еще и зал для танцев и маскарадов, вмещавший до 4000 человек. Это здание сгорело в 1805-м, и уже после Отечественной войны 1812 года, перестраивая и восстанавливая Москву, архитектор Осип Бове, который, кстати, жил неподалеку, в Петровском переулке, создал ансамбль Театральной площади, доминантой которой стало величественное здание театра (арх. А.А. Михайлов).

Новый театр сразу стал любимейшим местом публики. Здесь не только ставили оперы и балеты, но и проводили всевозможные увеселительные мероприятия, выставки

картин. Здесь можно было встретиться с друзьями и знакомыми в кофейне или ресторации, почитать газеты, узнать все последние новости.

Но на целых три года, с 1853-го по 1856-й, Большой театр «выпал» из публичной жизни Москвы. После пожара, оставившего одни стены, восстановлением главного русского храма Мельпомены руководил архитектор Альберт Кавос, автор проекта Мариинского театра в Петербурге, родной дед Александра Бенуа. Большой несколько «подрос» и получил новый декор – как раз тогда бронзовая квадрига Аполлона вознеслась над входным портиком. Посетивший Москву вскоре после открытия восстановленного театра французский писатель Теофиль Готье восхищенно писал: «Все здесь гармонично, монументально, роскошно... Здесь театр не жертвует удобством зрителя, чтобы побольше заработать на спектакле, как это часто случается в парижских театрах». Особо француз отметил то, что «русские в высшей мере обладают искусством отапливать помещения».

С той поры театру пришлось пережить еще не один ремонт и реконструкцию, но до сих пор Большой стоит на фундаменте того самого Петровского театра XVIII века... ■

Дом № 2

Мало кто в Москве не знает, где находится ЦУМ, Центральный универсальный универмаг, он же бывший «Мюр и Мерилиз». Ничего удивительного, это первый в стране универсальный магазин, открытый еще в 1908 году в здании, сразу признанном архитектурным достижением.

Когда прежнее здание универмага сгорело, слава универсальной торговли фирмы «Мюр и Мерилиз» уже гремела по всей России, по их каталогам можно было заказать товары почтой с доставкой куда угодно. Так что владельцы фирмы могли заказать строительство нового семиэтажного дворца торговли, которое и возвел архитектор Роман Иванович Клейн. Стекло и железобетон позволили органично соединить готику и модерн, а также всевозможные коммунальные удобства для покупателей и персонала.

Кстати, до того, как открыть торговлю в самом начале Петровки, фирма «Мюр и Мерилиз» занималась оптовой торговлей шляпами по адресу: ул. Петровка, дом 3/6. Это наш следующий адрес. ■

Дома № 3 и 3/6

Здесь, в начале Петровки, жил известный славянофил, поэт, философ, публицист и художник Алексей Степанович Хомяков. Дом под номером 3, дошедший до наших дней с уже измененным позднейшими перестройками фасадом, возмозжно, строил Осип Бове для отца писателя – Степана Александровича. Строительство было завершено в 1824 году, а через два года на торжественный обед по случаю создания журнала «Московский вестник» в дом Хомяковых пожаловал молодой, но уже очень знаменитый Александр Сергеевич Пушкин. Здесь бывали Мицкевич, Гоголь, Языков, Веневитинов, Погодин – у Хомяковых собирался весь цвет интеллектуальной элиты того времени. Семья Хомяковых, принадлежавшая к старинному русскому дворянству, владела на углу Петровки и Кузнецкого моста участком, который сегодня занимают несколько домов. Так, дом 3/6, построенный опять-таки для семьи Хомяковых, возведен уже в 1900 году архитектором Илларионом Александровичем Ивановым-Шицем (в соавторстве с Максимом Карловичем Геппенером) в любимом им стиле «венский модерн», или «венский сецессион», который тогда пользовался у московских заказчиков большим успехом. Верхние два этажа надстроены в 1931 году. Иванов-Шиц был архитектором очень востребованным (кстати, в этом году – 150 лет со дня его рождения), и в окрестностях Петровки есть еще здания его авторства – например, особняк Н.А. Терентьева в Петровском переулке (дом 8), здание сберегательной кассы в Рахмановском переулке (1/24). Он «приложил руку» и к зданию, имеющему на Петровке сразу три номера – 6,7,9. ■

Дом № 6/7/9

Там, где сегодня стоит этот дом, в середине XVIII века граф Иван Илларионович Воронцов выстроил несколько каменных домов и разбил сады по английскому и французскому образцам. Как водится, по соседству вскоре обустроились другие знатные семейства, а за ними потянулись торговцы дорогим товаром. Вот так и возник знаменитый «Кузнецкий мост» с «вечными французами».

Построенное в конце XVIII века двухэтажное здание изначально предназначалось для сдачи в аренду – здесь работали гостиница и многочисленные магазины. Его многократно перестраивали, но свое «призвание» оно не меняло, и сегодня здесь тоже работают бутики и рестораны.

А напротив этого здания, как раз посередине перекрестка Петровки и Кузнецкого моста, в начале XX века находилось то, что москвичи прозвали «Хомяковой рощей». Вот как об этом рассказывал знаменитый журналист Владимир Гиляровский: «Громадное владение досталось молодому Хомякову. Он тотчас же разломал флигель и решил на его месте выстроить роскошный каменный дом, но городская дума не утвердила его плана: она потребовала расширения переулка. Уперся Хомяков: «Ведь земля моя». Город предлагал купить этот клочок земли – Хомяков наотрез отказался продать: «Не желаю». И, огорожив эту землю железной решеткой, начал строить дом. Одновременно с началом постройки он вскопал за решеткой землю и посадил тополя, ветлу и осину.

Рос дом. Росли деревья. Открылась банкирская контора, а входа в нее с переулка нет. Хомяков сделал тротуар меж-

ду домом и своей рощей, отгородив ее от тротуара такой же железной решеткой. Образовался, таким образом, посредине Кузнецкого переулка неправильной формы треугольник, который долго слыл под названием Хомяковской рощи. Как ни уговаривали и власти, и добрые знакомые, Хомяков не сдавался».

Не испугали наследника писателя-славянофила даже угрозы высылки из Москвы, мол, пусть высылают, мою собственность все равно тронуть не посмеют. Говорили, что за несколько десятков квадратных метров Хомяков потребовал 100 тысяч рублей – цена немыслимая.

В конце концов то ли угрозы обывателей поджечь хомяковские дома, то ли насмешки в прессе, где Хомякова рисовали в виде осла, гуляющего в «роще», то ли решение городской Думы о принудительном изъятии земли подействовали, но «рощу» хозяин продал – за 38,5 тысячи рублей.

Так и исчезла «Хомякова роща», о чем жалеть явно не следует, а вот исторический дом Анненковых, на месте которого сейчас под № 5 стоит «Берлинский дом», жаль. Здесь жила мать декабриста Ивана Анненкова, которую в Москве величали «королевой Голконды» за огромные богатства и еще более странные причуды. История кавалергарда Анненкова и француженки Полины Гебль показана в фильме «Звезда пленительного счастья» – помните: «Кавалергарды, век недолог»... Так вот, здесь они и объяснялись с «королевой Голконды», не желавшей такого брака, на этом месте. Здание не раз перестраивали, а в 1946 году снесли... ■

Дом № 8

Два века назад на этом месте стоял другой дом, в котором проживала семья французских виноторговцев по фамилии Депре. История весьма романтичная – во время Отечественной войны 1812 года французский офицер нашел в Москве свою любовь и решил остаться навсегда. Семья его избранницы, тоже француженки, занималась коммерцией и имела дом как раз по этому адресу – Петровка, 8. Так бывший капитан наполеоновской армии Камилл Депре стал основателем новой фирмы, быстро снискавшей себе славу в России. Достаточно сказать, что «вина от Депре» не раз упоминаются в классической русской литературе, их полагалось ставить на стол во всех «приличных домах». Владимир Гиляровский в книге «Москва и москвичи» рассказал историю о том, как ушлые виноторговцы, войдя в долю с неким мещанином Цезарем Депре, зарегистрировали другую фирму «Депре», торговавшую спиртным «для народа» под видом элитного товара. Разумеется, знатокам такого «Депре» не предлагали, и репутацию потомков французского капитана конкурентам испортить не удалось.

В 1900 году архитектор Роман Клейн на месте прежнего здания выстроил для семьи Депре тот дом, который и сегодня украшает Петровку. Во время недавней реставрации здание обрело восстановленную по историческому образцу вывеску «Магазин иностранных вин и гаванских сигар, поставщика высочайшего двора К.Ф. Депре».

Дом № 10

К тому времени, когда Вера Ивановна Фирсанова, богатейшая наследница известной купеческой семьи, решила поручить строительство нового пассажа архитекторам Сергею Михайловичу Калугину и Борису Викторовичу Фрейденбергу, а это случилось в 1903 году, история московских пассажей уже насчитывала более полувека. Московской публике очень понравилось иностранное изобретение – ставить торговые ряды с самыми разными товарами под стеклянными крышами, перемежая торговые точки с ресторанами, кафе, концертными и выставочными площадками, прочими полезными и интересными заведениями. Место, куда можно было поехать за покупками всей семьей, при этом не утомиться, а еще и культурно отдохнуть, отлично соответствовало национальной традиции, тем более что в России пассажи быстро обрели собственный колорит, унаследовав что-то от богатых ярмарок, куда ездили и дела решить, и себя показать, и отлично пообедать в доброй компании.

Калугин и Фрейденберг закончили строительство Петровского пассажа, занявшего целый квартал и получившего сквозной проход на улицу Неглинка, в 1906 году.

Освещался пассаж от построенных этими же архитекторами Сандуновских бань (владелицей которых также была Фирсанова), имевших свою электростанцию. И впервые в Москве электричество на ночь не гасили – Петровский пассаж сиял огнями и ночью, на это великолепие ездили смотреть.

Хотя революция и война на время прерывали торговую историю Петровского пассажа, удобство его именно для торговли оказалось решающим. И сегодня он опять образцово выполняет свое предназначение. ■

Дом № 12–16

Усадьба Воронцовых-Раевских, строительная история которой восходит к XVIII веку, сегодня имеет облик, определенный позднейшей перестройкой советского времени, 50-х годов. В главном доме располагается Генеральная прокуратура РФ, во флигелях – магазины, в левом флигеле (дом № 16) – также Музей истории ГУЛАГа. ■

Дом № 15/13

На углу Петровки и Столешникова переулков с 1699 года стояла каменная церковь Рождества Богородицы, что в Столешниках. В 1927 году ее разобрали, сегодня в память о храме здесь стоит небольшая часовня. Далее по этой стороне – дом, углом выходящий в Столешников переулок под номером 13, а на Петровку – под номером 15. Здание интересно тем, что это один из первых в Москве домов в стиле модерн, строил его архитектор Эммануил Матвеевич Розен для предпринимательницы Александры Степановны Грачевой. Здесь же после окон-

чания строительства, в 1902 году, открылась выставка «Архитектура и промышленность нового стиля», участниками которой были в том числе именитые иностранцы – Чарлз Ренни Макинтош и Йозеф Мария Ольбрих.

Вообще, это здание в начале XX века было для Москвы сосредоточием всего нового, современного – тут, у знаменитого портного «Жака» – Якова Ивановича Стейнера – одевались «циклисты», то есть любители велосипедного спорта, который тогда не всем был по карману. Здесь работали известные фотоателье, а в 1904 году открылся один из первых кинотеатров – «Траумограф». ■

Дом № 19

Построен в 1899 году архитектором Иваном Гавриловичем Кондратенко как доходный дом купца М.И. Коровина. В основе – здание, когда-то принадлежавшее прадеду поэта Николая Некрасова. Есть предположение, что именно здесь работала парикмахерская знаменитого Ивана Андреева, получившего огромное признание, множество наград и профессиональных титулов во Франции. И уж точно именно в стоящем ныне здании жил Антон Павлович Чехов в 1903–1904 годах, потому и посещали дом Горький, Станиславский, Немирович-Данченко, Бунин и, разумеется, артисты расположенного неподалеку, в Камергерском переулке, Художественного театра.

Вообще, Петровке всегда «везло» на деятелей искусств: здесь жили актеры, певцы, музыканты, художники. В доме № 19 после революции некоторое время жил поэт Сергей Есенин, напротив, в доме № 22, где сейчас работает Московская городская дума, вырос великий артист Андрей Миронов, в здании нынешней гостиницы «Будапешт» на улице Петровские линии в «Петровском театре миниатюр» до революции пел Александр Вертинский.

Дом № 23. Усадьба Кирьякова

Есть предположение, что этот дом для купца Кирьякова спроектировал и выстроил в конце XVIII века Матвей Федорович Казаков, тем более что он действительно здесь работал и весьма близко – создал соседнюю усадьбу, для родственника Кирьякова – купца Губина. Но, возможно, что этот дом был плодом трудов ученика Казакова, который тоже не начал «на пустом месте» – фундамент у усадьбы еще более старый.

Усадьба знаменита и ее хозяевами. Здесь историк и коллекционер Павел Федорович Карабанов хранил свои собрания, вызывавшие восхищение современников и по смерти Карабанова переданные русскому правительству, а также составлял свои труды, имеющие значение и сегодня: «Русские исторические анекдоты, преимущественно с XVIII века», «Статс-дамы и фрейлины русского двора в XVIII и XIX веках» и «Списки замечательных лиц русских». Позже усадьбой владел известный архивист, историк князь Михаил Андреевич Оболенский, заведовавший московским архивом Министерства иностранных дел (помните у Пушкина в «Евгении Онегине» об «архивных юношах?»). Один из последних владельцев усадьбы – предприниматель Христофор Семенович Леденцов, завещавший свой огромный капитал в два миллиона рублей на создание «Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений».

Дом № 25. Городская усадьба Губина

Михаил Павлович Губин был в Москве человеком известным – дважды избирался городским головой, владел большим капиталом, заработанным на производстве ситца, немалые деньги жертвовал на развитие города и благотворительность. Как писал сам Губин в 1799 году в Московскую контору городских строений: «Дом я имею, в Белом Городе... доставшийся мне по купчей от оренбургско-

го купца Дмитрия Кузмина сына Крашенинникова...». Вполне возможно, что Казаков перестраивал для Губина более старое здание, это была типичная для Москвы ситуация, здесь ничто зря не пропадало. Здание и затем неоднократно перестраивалось, разделялось, сдавалось под учебные заведения, сейчас же посетителей уже с улицы привлекают экспозиции Московского музея современного искусства.

Дом № 28

О Высоко-Петровском монастыре нужно рассказывать отдельно – он этого заслуживает, потому просто предлагаю не полениться и прийти посмотреть на это произведение отечественного зодчества – здесь представлены чуть ли не все архитектурные стили старой Москвы. Храм святителя Петра митрополита ставил в начале XVI века зодчий Алевиз Фрязин Новый. Яркие образцы нарышкинского стиля конца XVII века – храм Покрова Пресвятой Богородицы и нарышкинские палаты, в которых сегодня находится Государственный Литературный музей. Храмы в честь Толгской иконы Божией матери и во имя преподобного Пахомия Великого относят к школам архитекторов XVIII века Ивана Федоровича Мичурина и Дмитрия Васильевича Ухтомского. ■

Дом № 29

Ново-Екатерининская больница

Еще одно монументальное творение Матвея Казакова, после пожара 1812 года восстановленное Осипом Бове. Сейчас находится на реставрации.

Дом № 38

А это – знаменитая «Петровка, 38», всем известный адрес ГУВД Москвы, ставший чуть ли не нарицательным. В основе массивного здания – владение XVIII ве-

ка, принадлежавшее князьям Щербатовым, неоднократно перестраивавшееся в XIX веке и уже в XX столетии приспособленное под нужды московской милиции, ныне полиции.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ АДРЕСА
НА КАРТЕ
/16 ГОРОДА